

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИСТОРИОГРАФИЯ; МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ; ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

XXXI СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Вологда, 23-26 сентября 2008 г.

Москва 2008

**Российская академия наук
Историко-филологическое отделение РАН
Научный совет по проблемам аграрной истории
Институт славяноведения РАН
Вологодский государственный педагогический университет**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИСТОРИОГРАФИЯ; МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ; ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**XXXI СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Вологда, 23-26 сентября 2008 г.

Москва 2008

Тезисы докладов и сообщений печатаются большей частью в том виде, в котором они представлены авторами. В отдельных случаях тезисы сокращены в связи с ограниченным объемом издания.

Оргкомитет

Редакционная коллегия:

Е.Н.Швейковская (отв. ред.), М.А.Безнин, А.И.Комиссаренко, Н.В.Пиотух
(уч. секр.), Н.А.Проскуракова, В.Я.Филимонов, Э.М.Шагин

Тезисы подготовлены Оргкомитетом Симпозиума
по аграрной истории Восточной Европы

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ 1 СЕКЦИИ (КИЕВСКАЯ РУСЬ – СЕРЕДИНА XIX В.)

М.Б. Свердлов
(Санкт-Петербург)

Проблемы изучения зависимого населения в древнерусском господском хозяйстве X–XII вв.

Определение состава зависимого населения и конкретных видов его эксплуатации является одной из наиболее сложных проблем социальной истории Древней Руси. Анализ основных вопросов этой темы постоянно подвергался идеологизированному воздействию. Ее исследование определялось также общим уровнем развития теории и практики исторических исследований, введением в научный оборот исторических источников и их изучением.

В XVIII – начале XX в. исследователи стремились определить правовой, социальный, реже экономический статус основных категорий древнерусского зависимого населения. Для работ этого периода было свойственно их предопределяющее юридическое деление на свободных, полусвободных (полурабов) и рабов.

В советский период при особом внимании к истории трудящихся классов и к формам их эксплуатации зависимые люди в древнерусском господском хозяйстве изучались более обстоятельно. В значительной мере был углублен анализ исторических источников по данной проблеме. Но ее изучение оказывалось в то время под сильнейшим идеологизированным воздействием. В период сталинского режима исследователи должны были учитывать сталинские «указания» об обязательной последовательности первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального строя, о делении исторического процесса на «дофеодальный» и феодальный периоды, при этом феодализм жестко увязывался с закрепощением крестьян. Таким метафизическим характеристикам объективно противостояла грековская концепция становления феодализма в результате разложения родоплеменного строя.

Протестными настроениями против грековской концепции, тенденциозно отождествленной с идеологией сталинского режима, можно объяснить распространение в 1960-1980-е гг. мнений о развитии и широко распространенном рабовладении, о «дофеодальном» периоде в Древней Руси.

В новейший период отечественной истории воздействию идеологизированных концепций следует противопоставить последовательное использование генетического и системно-структурного методов. Их применение, соединенное с изучением всего корпуса исторических источников и их ана-

лизом, позволяет учесть конструктивные наблюдения предшествующих поколений историков, но прийти к выводам, лишенным влияния идеологизированных внеисторических теорий, общественно-политических и философских.

Состав зависимых людей и формы их эксплуатации были предопределены комплексной структурой экономики восточных славян, а также древнерусского господского хозяйства. Формы зависимости эволюционировали во времени, хотя обобщающее название зависимых людей – *челядь* – оставалось традиционным. Древнейший вид зависимости – *холопство* – интегрировало поступающих в зависимость через временное состояние рабства (плен, купля-продажа), а также через насильственное или добровольное, но экономически и социально детерминированное, поступление в холопы поданных «своего» княжества. В юридическом статусе и в конкретных видах эксплуатации труда холопство генетически восходило к патриархальному рабству позднего племенного строя. Но в средневековом обществе холопство являлось не рабством, юридически соотношенным с вещным правом, а особой формой личной зависимости. Ей свойственны при похолоплении договорные отношения с господином, добровольное поступление в холопство и самостоятельный выкуп из этого состояния. В первой половине XI в. в господском хозяйстве отмечается также бывшее лично свободное сельское население – *смерды*, которые, вероятно, продолжали жить в составе сел. *Рядовичи* поступали в зависимость через *ряд* – договор. Они должны были вернуть или отработать долг с процентами, которые становились материальным основанием установления временной зависимости рядовича от господина.

Все эти категории зависимых людей выплачивали господину отработочную, продуктовую или денежную *ренту* – доход, не требующий предпринимательской деятельности – в соответствии с конкретным видом зависимости.

Во второй половине XI – первой трети XII в. состав зависимых в господском хозяйстве усложнялся и развивался. Как развитие рядовничества появилось *закупничество* – особый вид зависимости свободного сельского населения через денежный долг или материальную подмогу, которые должны быть возвращены господину с процентами в виде денежной или отработочной ренты. Закон защищал права *закупов* как лично свободных, но также предусматривал меры их внеэкономического принуждения. Вероятно, новым в XII в. стало поступление в зависимость через *дачу*. Такая зависимость была близка к закупничеству, но не тождественна ему. *Прощенники*, которым были прощены долги, *тущенники* и *задушные люди*, отпущенные на волю при жизни господина или по его завещанию, становились свободными людьми. Но господское хозяйство стремилось сохранить их в экономической сфере своего влияния, ограничивая их социальные права вследствие

внеэкономического принуждения. Поэтому они нуждались в церковной защите.

Системный анализ зависимого населения в древнерусском господском хозяйстве позволяет установить, что это хозяйство всеми средствами внеэкономического и экономического принуждения стремилось мобилизовать в своем составе рабочую силу. Зависимые люди появлялись преимущественно вследствие внутренней социальной и экономической дифференциации. Поэтому княжеская власть и закон регулировали правовые и социальные отношения между господином и зависимыми. С разных их категорий взималась отработочная, продуктовая или денежная рента в соответствии с конкретными формами эксплуатации их труда. Структура и содержание социальных связей в господском хозяйстве определялись общими закономерностями становления средневекового общества, возникавшего в славянском мире в результате разложения родоплеменного строя вне зоны романо-германского этнокультурного синтеза.

Н.В. Козлова
(Москва)

Проблемы изучения роли города в инфраструктуре аграрного социума от периода Киевской Руси до середины XIX в.

Вполне закономерно, что в рамках Симпозиума по изучению аграрной истории Восточной Европы возникла необходимость показать функционирование аграрного социума в целом, а, следовательно, рассмотреть взаимодействие составлявших его компонентов. Одним из таких структурообразующих компонентов, обладающих интегральными свойствами общественной системы, выступает город. В связи с этим городская тематика не раз была представлена в докладах на сессиях Симпозиума, а в 1989 г. XXII сессия целиком была посвящена характеристике взаимосвязей города и деревни в их историческом развитии.

Характерным являлась разработка широкого круга тем и вопросов на республиканском, региональном и местном материале. Это определяло новизну в их постановке, как и введение в научный оборот новых данных. Из 46 исследований, посвященных роли города в инфраструктуре аграрного социума до середины XIX в., 27 или почти 60% относились к раннему новому времени (XVIII – первая половина XIX вв.). 13 докладов были посвящены эпохе развитого средневековья (XVI и, главным образом, XVII в.) и только 6 тем представляли период раннего средневековья.

В числе обсуждаемых вопросов выделяется проблема горообразования и влияния города на аграрную структуру регионов. Она затрагивалась, как в конкретно-историческом, так и, в меньшей степени, теоретическом

плане, через определение необходимости возникновения города в качестве социального явления. На роль города как центра феодального властвования, на особое значение административно-политических функций города, являвшегося центром «земли», «волости», впоследствии уезда, было обращено внимание в ряде докладов, относящихся к разным хронологическим периодам. Особо подчеркивалось, что темпы развития раннефеодальных городов на Руси зависели не только от степени концентрации земледельческого населения на территории их волостей, что отмечал еще М.Н. Тихомиров, а также от уровня их феодализации, как показали А.В. Куза и П.П. Толочко, но и от места города в социально-политической системе государства.

Формы, характер и роль взаимосвязей города и деревни в развитии аграрного общества рассматривались также через показ демографических процессов и социальной мобильности городского и сельского населения, влияния города на интенсивность миграционных процессов и роли крестьянства в формировании городского населения, в становлении и развитии городов в целом.

В большей степени, чем социально-демографические процессы, внимание участников Аграрного симпозиума было обращено на рассмотрение экономических взаимосвязей города и деревни, что в целом отражало приоритеты советской историографии и, как следствие, лучшую разработанность этих сюжетов. Освещались связи крестьянского хозяйства с городским рынком, социально-экономическое влияние отхожих промыслов крестьян на развитие городов и на процесс социального расслоения среди крестьян. Ряд докладов был посвящен роли города в развитии крестьянской торговли и его участию в формировании всероссийского рынка. Обращалось также внимание на значение ярмарок в развитии экономических связей города и деревни. Затрагивалась проблема влияния города на расширение рынка крестьянского труда и роли крестьянства в формировании рабочей силы городской промышленности. Освещалось законодательное регулирование деятельности торговцев на сельских рынках и торгующих крестьян в городах, а также роль города в инфраструктуре рынка сельскохозяйственной продукции.

Имелись выходы и на осмысление опыта исследования проблемы в трудах М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, Н.Н. Улащика. Вместе с тем практически не затрагивались вопросы культурного взаимовлияния города и деревни, а также воздействия социальной мобильности городского и сельского населения на формирование специфического городского уклада жизни, городской ментальности.

Вклад А. Л. Шапиро в изучение экономической и социальной истории России (по материалам симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 1958 – 1960-е гг.)

Александр Львович Шапиро – профессор ЛГУ, историк-аграрник, руководитель авторского коллектива многотомной аграрной истории Северо-Запада России конца XV – XVII в., поддержал инициативу проведения межреспубликанских симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы.

На первой сессии аграрного симпозиума в 1958 г. А.Л. Шапиро выступил с критикой широко распространенного в историографии тезиса о все ухудшавшемся положении крестьян с конца XV в. до начала XX в. и выдвинул проект сквозного через ряд веков изучения жизненного уровня крестьянства. В дальнейшем в «Аграрной истории Северо-Запада» он будет представлен как горизонтально-вертикальный метод изучения социальных и экономических процессов XV – XIX вв.

На пленарных и секционных заседаниях, а также на круглых столах А.Л. Шапиро предлагал к обсуждению широкий круг проблем, начиная от источниковедения и методов обработки массовых источников, до постановки фундаментальных проблем социальной и экономической истории России XV-XVIII вв.: экономического неравенства и расслоения крестьянства, системы налогообложения, землепользования.

Вслед за Н.М. Дружининым и С.Д. Сказкиным А.Л. Шапиро писал о хозяйственном неравенстве среди крестьян в эпоху феодализма, но не усматривал в этом неравенстве каких-либо элементов капитализма. На примере бобылей он показал методику изучения отдельных социальных категорий населения и проследил эволюцию бобыльства на протяжении длительного времени, от XIV в. до конца XVIII в., связав ее с изменением системы налогообложения. А.Л. Шапиро был одним из первых исследователей, показавших влияние указов о «живущей четверти» на рост числа бобылей и стремление населения уйти от платежей в пользу государства.

А.Л. Шапиро выступил с критикой модернизации экономической истории русского крестьянства XVII – первой половины XVIII в. и исторической концепции, в которой авторы сближали имущественное неравенство крестьян XVII в. с дифференциацией крестьянства в пореформенной деревне и относили появление сельской буржуазии и сельского пролетариата к первой половине XVIII в. Ученый предложил свою методику определения уровня благосостояния сельского населения и показал несостоятельность механически переносимых на эпоху феодализма методов, применяемых при анализе расслоения крестьян пореформенного периода.

Тезис о необходимости изучения вотчинной системы обложения А.Л. Шапиро также впервые высказал и обосновал на заседаниях аграрного симпозиума. Он писал, что без знания особенностей взимания владельческих повинностей и специфики окладных единиц нельзя определить размеры крестьянских повинностей, их эволюцию, соотношение платежей в пользу государства и вотчинника, а, следовательно, трудно оценить реальное положение крестьян и его изменение на протяжении длительного времени. Среди многообразия единиц обложения ученый выделил наиболее распространенную – выть и ее доли, а также предложил применительно к XVII в. использовать термин «повытная система обложения» и показал разновеликость выти на вотчинных, поместных и дворцовых землях, ее соотношение с земельными наделами, зависимость величины вытного тягла крестьянского двора от его «семьянистости и прожиточности», переход в XVIII в. к новым окладным единицам – венцу (семейной паре) и душе. Мотивы изменения системы обложения А.Л. Шапиро усматривал в стремлении вотчинников сократить число крепостных, пользовавшихся льготами при отбывании владельческих повинностей, и регламентировать семейную жизнь крестьян. Вместе с тем он отмечал, что новая система обложения не была распространена на все категории земель, и в XVIII в. продолжала существовать выть в ее старом значении.

Развивая положение Л.В. Милова о сочетании трехполья с переложной системой в России XVIII в., А.Л. Шапиро выступил со статьей о землевладении на Руси XIV-XVII вв. Главными причинами длительного существования перелога в средневековом обществе, по мнению А.Л. Шапиро, являются наличие свободных земель и недостаток удобрения, медленное внедрение «назема» в практику земледелия. Особое внимание ученый уделил фиксации типов земледельческого хозяйства в актовых источниках и писцовых книгах и показал особенности бытования залежно-трехпольной системы в отдельных районах Русского государства на протяжении XV-XVII вв.

Для понимания эволюции сельского хозяйства в России и установления ее специфических особенностей в различные исторические периоды А.Л. Шапиро впервые в историографии предложил сравнительное изучение вотчинных описей отдельных сел за длительный отрезок времени. Для анализа были выбраны хозяйства кромских крестьян почти за 300 лет – с 1620 г. до 1900 г. Такой подход дал возможность установить изменения в системе землепользования, причины сокращения размеров пашенных наделов и численности скота на двор и душу мужского пола от 1700 г. к 1887 г., охарактеризовать коноплеводство и экстенсивную систему скотоводства, имущественное разделение крестьян (по числу лошадей во дворе), установить резкое увеличение (почти в 8 раз) в пореформенный период безлошадных и однолошадных хозяйств, показать характер найма (применения наемного труда)

в крестьянских хозяйствах в 1900 г., сделать вывод о медленном выделении крестьянской буржуазии в пореформенный период.

На протяжении почти 10 лет А.Л. Шапиро был активным участником аграрных симпозиумов и тематика его выступлений определила основные направления исследовательской работы руководимой им в 1960-е – 1980-е гг. Ленинградский аграрной группы.

В.Д. Назаров
(Москва)

50 лет Симпозиума в персоналиях: Наталья Александровна Горская и Павел Васильевич Советов

Полвека – принципиальный рубеж в жизни любого научного сообщества. Конечно, дело вовсе не в длительности активной работе «корпорации» историков-аграрников, хотя здесь Симпозиум вне конкуренции. И не только в количестве и объеме опубликованных текстов докладов и сообщений, выступлений в дискуссиях и на «круглых столах»: они уже составили внушительную библиотеку. Особенно с учетом индивидуальных монографий и обобщающих трудов, написанных участниками Симпозиума в немалой мере благодаря ему. И даже удивительное разнообразие его «мест прописки» – по городам, где проходили сессии Симпозиума, по адресам его участников можно изучать географию исторической науки в Советском Союзе и России (с 1991 г.) – не самая впечатляющая сторона в деятельности Симпозиума. Главное в другом. Ни одна другая сфера жизни российского общества не подвергалась последовательному, многостороннему исследованию на протяжении более чем тысячелетнего развития. В рамках Симпозиума русский крестьянин, российская деревня, аграрные отношения во всем их проблемно-тематическом многообразии стали объектом исследовательских задач и аналитических методик, мобилизации традиционных и нестандартных источников, формулирования оригинальных подходов и обобщающих построений. Понятно, что реализовывалось это в персональных творческих усилиях, в масштабной, индивидуальной и коллективной научно-организационной практике ученых-аграрников, чьи имена, научные судьбы неотделимы от деятельности Симпозиума. Имена Н.А. Горской и П.В. Советова из их числа.

Н.А. Горская впервые приняла участие в работе 3-й сессии Симпозиума в Киеве в 1960 г. С этого времени её научная биография органично переплелась с историей Симпозиума. В сообщество пришла исследовательница аграрной проблематики (её первая диссертация была посвящена изучению зернового земледелия в конце XVI – начале XVII в.) с яркой аналитической

индивидуальностью, сложившимися научными интересами, немалым опытом редакторской работы и несомненными лидерскими задатками. Так что «карьерный рост» Н.А. был предопределен. Всего лишь несколько дат. В 1963 она стала сопредседателем древнейшей секции Симпозиума (первоначально до XVIII в.; позднее, в 1990-е гг. – до середины XIX в), членом Оргкомитета и членом редколлегии «Ежегодников...», в которых публиковались материалы проведенных сессий. С 1968 г. она – ответственный секретарь Оргкомитета и членом редколлегии «Тезисов докладов и сообщений...» (фактически именно Н.А. стала ответственной за их публикацию), с 1990 г. Н.А. – заместитель председателя Оргкомитета. А теперь немного цифр. В течение 44 лет своей научной жизни Н.А. Горская была теснейшим образом связана с судьбами Симпозиума. Это 23 объемных тома «Ежегодников...», 20 внешне непритязательных книжек «Тезисов...» (оба издания расходились очень быстро и становились раритетами), это сотни молодых ученых, прошедших школу Симпозиума и сказавших свое слово в науке в немалой мере благодаря ее личным качествам и организационным талантам.

Роль Н.А. в истории Симпозиума не поддается количественному определению. Как измерить ее роль в формулировании сквозных тем (принципиально важная черта в работе Симпозиума), что позволяло рассматривать ключевые стороны аграрных отношений не просто в динамике, но в многовековой перспективе? Она была одним из инициаторов последовательного рассмотрения судеб крестьянской общины подряд на 4-х сессиях Симпозиума (в 1970, 1971, 1972 и 1974 гг.), она полагала необходимым регулярное обсуждение проблематики поземельной собственности и на секциях и на пленарных заседаниях во всем разнообразии теоретических построений, правовых ее норм и реального функционирования на протяжении столетий (сессии 1968, 1978, 1980, 1982, 1986 гг.). И благодаря усилиям Н.А. (она хорошо понимала значимость историко-сравнительных методик) регулярно «нарушались границы» географической замкнутости Симпозиума странами Восточной Европы: в его работе участвовали специалисты по истории аграрных отношений в Западной и Центральной Европы XIII-XVII в., Индии, Китая, юго-восточной Азии и т.п. (в 1972, 1978 гг., в ряде иных сессий). А как исчислить ее воздействие на ход, а главное результаты дискуссий в секции, которой она руководила 40 лет? Как подсчитать, сколько нерв, энергии и просто времени отдала Н.А. вместе с коллегами, защищая в конце 1980-х – середине 1990-х само существование Симпозиума как научной институции? Наверное, в кратком виде роль Н.А. для судеб Симпозиума можно определить так: и прежние, и нынешние его участники связывают историю Симпозиума, культуру научного общения и его традиции с немногими именами выдающихся ученых, среди которых имя Н.А. Горской будет названо первым или одним из первых.

Разнообразна тематика собственных докладов Н.А. на сессиях Симпозиума. Их, правда, не так уж и много: 6 раз она выступала с индивидуальными докладами и дважды в соавторстве с коллегами. Три материала посвящены системам полевого земледелия в центре России (конца XVI и XVII вв.), его агротехническому уровню (сессии 1961, 1964 и 1966 гг.). В двух выступлениях Н.А. проанализировала соотношение надельного и внедельного землепользования монастырских крестьян, уровня и характера развития крестьянской аренды (сессии 1969 и 1974 гг.). Ещё один доклад она посвятила оценке товарности зернового земледелия монастырских вотчин в конце XVI – начале XVIII вв. (сессия 1962 г.). Два материала (один в соавторстве) были историографическими. В одном рассматривались итоги аграрных исследований по периоду с IX по XVII вв. к середине 1970-х гг. (сессия 1976 г.). Свой последний доклад в рамках деятельности Симпозиума (Вологда, 2000 г.) она посвятила истории изучения зажиточного крестьянства в его трудах. Хотелось бы подчеркнуть два обстоятельства. Н.А., зная изнутри все сложности с изданием «Ежегодников...», понимая важность публикаций для молодых исследователей, охотно публиковала свои тексты в иных изданиях (в журнале «История СССР», в «Материалах по истории сельского хозяйства СССР» и др.). Она не повторяла своих текстов в материалах Симпозиума. Второе обстоятельство намного существенней. Не только персональные доклады Н.А., но и ее выступления на заседаниях Симпозиума были органично впаяны в ее исследовательскую биографию. Назовём вехи в этой деятельности Н.А.: монография о монастырских крестьянах центральной России в 17 в. (М., 1977), книга об исторической демографии в России эпохи феодализма (М., 1994) и фундаментальный том «История крестьянства СССР. Т. 2. Крестьянство в период раннего и развитого феодализма». (М., 1990), в котором перу Н.А. принадлежит ряд ключевых разделов. Гораздо же важнее – она как ответственный редактор внесла решающий вклад в разработку концепции труда, в определение его структуры и авторского коллектива. И вполне естественно, что обобщающая работа опиралась на аккумулированные в изданиях Симпозиума наработки и выводы, что ее писали авторы, прочно связанные с его историей. Итоги своих индивидуальных разработок, исследований других аграрников, а в особенности Трудов Симпозиума Н.А. подвела в посмертно изданной книге – «Русская феодальная деревня в историографии XX века» (М., 2006).

П.В. Советов связал свою творческую судьбу с Симпозиумом уже с первой сессии 1958 г. в Таллинне, т.е. немногим ранее Н.А. Горской. Но его жизненный путь оказался много короче – он скоропостижно скончался в июле 1991 г., в неполные 54 года. Он успел принять участие в 10 сессиях Симпозиума, причем пик его активности пришелся на 1958 – 1966 гг., а также на 1976 – 1980 гг. Он не столь заметен в научно-организационной сфере жизни Симпозиума в сравнении с Н.А. Горской. Тем более что П.В.

не входил в состав Оргкомитета на постоянной основе (велика была и его загруженность по месту основной работы в институте истории АН Молдавской ССР). Но участники сессий в Кишенёве, особенно в 1976 г., помнят его ведущую роль в подготовке и можно сказать образцовом проведении заседаний Симпозиума. Немаловажным было неформальное участие П.В. Советова в выработке тематических программ очередных сессий. Здесь четко проявились особенности его творческой манеры – сочетание сугубо конкретных исследований с концепциями большого хронологического охвата (естественно, на материале истории Великого княжества Молдовы в XIV – середине XVIII вв.), определение типологической модели развития Молдовы в ряду других европейских стран путем широкого использования историко-сравнительного метода. Центральное место в исследованиях П.В. принадлежало отношениям собственности, эволюции внутреннего устройства феодальных вотчин и форм ренты, государственной политики в сфере землевладения, финансов и т.п. Особое значение П.В. придавал своеобразию процессов становления и развития государственной собственности на землю и государственной эксплуатации крестьян, по преимуществу после того, как Молдова оказалась в зависимости от Османской империи (в 1530-е гг.).

Все названные сюжеты нашли отражения в докладах П.В. в рамках Симпозиума. Он проанализировал особенности условных форм землевладения в Молдове (их хронология, связь с господарским доменом, вектор эволюции; сессия 1958 г.), долевого землевладения (как крестьянского, так и мелковотчинного; сессия 1962 г.). Едва ли не впервые общую свою концепцию развития всей структуры землевладения в Молдове в 15 – середине 18 вв. он обнародовал на сессии 1966 г. (этот доклад под измененным названием был опубликован в журнале «История СССР» 1968, № 1). Сугубо оригинальной была методика реконструкции «вотчинной ткани», ее структуры в нескольких хронологических срезах, характер принципиальных изменений (факторы «двух этапов перестройки» структуры феодального землевладения, типологические сдвиги и др.). В поле его пристального внимания оказались сюжеты законодательства по земельным правонарушениям (сессия 1959 г.), вопросы специфики податного иммунитета в Молдове (сессия 1965 г.), особенности процесса закрепощения крестьянства в княжестве в конце XVI-XVIII вв. (сессия 1964 г.). И уже тогда, в первое десятилетие Симпозиума П.В. (в соавторстве с П.Г. Дмитриевым) сформулировал принципиальную важность «централизованного пути присвоения прибавочного продукта крестьян» в Молдове XV-XVIII в.

Роль феодального государства в главных сферах социального бытия молдавского общества XV-XVIII вв., в основных направлениях экономического развития страны, способы и формы реализации этой роли – таков круг исследовательских предпочтений П.В. в 1970-е – 1980-е гг. Он был очень активным дискуссионным по проблемам государственной собственности на

землю (теоретическое ее понимание в рамках марксистской методологии, конкретно-исторические понятия о ней и экономические формы её реализации; сессии 1976 и 1978 гг.). Отдельные доклады он посвятил изучению особенностей аграрной политики в Молдове в сравнительно-историческом контексте (сессия 1986 г.), типологическим аспектам взаимоотношений государства и крестьян Молдовы (опять-таки в сравнительно-историческом плане; сессия 1980 г.).

Доклады и выступления П.В. Советова на сессиях раскрывают постепенное складывание его общей концепции аграрного развития Молдовы, ее места в ряду других европейских стран. Связь этих текстов с его монографиями глубока и органична, как и у Н.А. Горской. Вот главные его книги или же разделы коллективных обобщающих трудов: монография «Исследования по истории феодализма в Молдавии (Очерки истории землевладения в XV-XVIII вв.)», Кишенёв, 1972; монография «Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Очерки истории ренты в XVI-XVIII в.», Кишинёв, 1980; разделы о крестьянах Валахии и Молдавии в XV-XVI вв. и в XVII – первой половине XIX вв. в «Истории крестьянства в Европе» (тт. 2 и 3, М., 1986); ряд разделов о крестьянах и аграрной революции Молдовы в XV-XVII вв. в «Истории крестьянства СССР» (Т.2., М., 1990). Отдельные главы монографии, которую П.В. не успел завершить, публикуются в последние годы в Кишенёве (в альманахе “Stratum plus”). Свидетельством вновь возросшего интереса к научному наследию П.В. стали международные Чтения, приуроченные к 80-летию со дня его рождения (Кишенёв, декабрь, 2007 г.).

С.И. Михальченко
(Брянск)

М.В. Довнар-Запольский **о категориях сельского населения Древней Руси**

Значительное место в концепции истории Древней Руси известного историка М.В. Довнар-Запольского (1867-1934) занимали представления о категориях сельского населения, что нашло отражение в его работах «История русского народного хозяйства» (Киев, 1911), «Обзоре истории хозяйственной жизни России» (СПб., 1913-1914. Вып. 6, 7, 9), а также в ряде статей вышедшей под его редакцией «Русской истории в очерках и статьях» (М., 1910. Т. I). Вслед за С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским основным фактором развития Руси ученый признал географический, главным же содержанием истории Киевской Руси были, по его мнению, торговые интересы. Тем не менее в своих трудах исследователь серьезное внимание уделил формам землевладения и сельскому населению.

Представления М.В. Довнар-Запольского о смердах были достаточно проговорены. В 1911 г. он отметил: «быть может, известная статья Русской Правды (ст. 90 Пр. Ред. – С. М.) о наследовании имущества после смердов имеет в виду не частную зависимость смердов от князя, а государственную. В таком случае, — приходил к заключению историк, — действительно для древнейшего периода нет никаких указаний на экономическую или юридическую зависимость смердов. Если мы встанем на эту точку зрения, то не встретим никаких препятствий для признаний в смердах древнейшего периода свободного человека, неограниченного в своих правах и, следовательно, такого, который нередко сидел на разрабатываемой им земле». Через два года М.В. Довнар-Запольский уже более решительно отнес землевладение смердов не к индивидуальному, а к коллективному, подтвердив, таким образом, что смерд – свободный человек.

Кроме индивидуального крестьянского землевладения, субъектами которого были смерды (вернее, могли иногда быть), существовало, по его мнению, и крупное частное землевладение, сформировавшееся в XII в., которое базировалось на труде зависимого населения. М.В. Довнар-Запольский выделял только две его категории – холопов и закупов. Особое внимание он уделил холопам, посвятив им отдельный очерк в «Русской истории в очерках и статьях». М.В. Довнар-Запольский считал, что рабство существовало еще до образования государства, когда в рабов обращались пленники из соседних племен. С развитием торговли, после образования государства (подчиненного интересам торговли), плен, сопутствовавший военным действиям, превратился в промысел добывания рабов, так как рабы пользовались спросом на внешнем рынке, в частности, в Византии.

Более сложной представлялась М.В. Довнар-Запольскому эволюция категории закупов. По его мнению, она развивалась в древнерусское время от закупа-наймита к закупу-арендатору. Он характеризовал закупа на основе широких аналогий – исторических и географических. В частности, он полагал, что в позднейшем Московском государстве можно подыскать подобного рода аналогии: если человек отдался хотя бы на время в услужение, в науку, то он лишался известной части своих гражданских прав, например, подлежал суду своего хозяина.

Таким образом, крупное (боярское и княжеское) земельное владение представлялось исследователю следующим образом: «Каждое отдельное село, т. е. отдельное хозяйство – невелико по своим размерам: оно покоится на небольшом числе рабов или сьемщиков земли. У крупных землевладельцев во главе каждого отдельного села стоят особые приказчики, тиуны и приставники». М.В. Довнар-Запольский, несомненно, шёл вслед за своими предшественниками в определении форм поземельной собственности. Однако в ее анализ он привнес новые важные черты: во-первых, это использование этнографического материала, что позволило ему несколько иначе трактовать коллективное

земельное владение; во-вторых, применение географических и исторических аналогий при характеристике категорий зависимого населения.

В.В. Канищев
(Тамбов)

Модель историографического контента-анализа материалов аграрных симпозиумов (на примере изучения Тамбовского региона)

Количественный анализ дополняет описательные оценки работ историков более конкретными и объективными измерениями. В тезисах представлены результаты контент-анализа материалов 27 из 29 сессий. Анализ выполнен на примере одного типичного аграрного региона. Его итоги могут стать моделью для аналогичных исследований по другим регионам и России в целом. Проанализированы 104 публикации, в которых затронут наш регион. Они присутствуют в материалах всех симпозиумов, кроме 1-го, в среднем 4 на одно издание. В отдельных изданиях % публикаций достигал 15, что говорит о высоком внимании историков к отдельно взятому региону Восточной Европы.

По месту жительства авторов лидируют московские историки – 51 публикация. До конца 1980-х гг. издано 6 статей и тезисов историков Ленинграда, по 1-2 – Воронежа, Ростова, Тулы, Краснодара, Курска, Липецка, Саратова. С 1989 г. ситуация изменилась: опубликованы 22 работы историков Тамбова, 7 – Москвы, 6 – Воронежа, 5 – Липецка, 3 – Петербурга, 1 – Орла. Изменения связаны, с сокращением участия в симпозиуме историков бывших союзных республик и увеличением «квот» для провинциальных российских историков, а также с появлением в областных центрах ЦЧР квалифицированных групп исследователей-аграрников.

Изменения в составе авторов публикаций повлияли на их масштабы, формы подачи материала, изучаемые периоды, набор сюжетов. До 1990-х гг. аграрная история региона изучалась в основном в масштабе России в целом или Европейской России – 17 и 25 публикаций соответственно. В 1990-2000-е гг. тамбовские материалы анализировались чаще в контексте аграрной истории Центрального Черноземья или в рамках самого региона – по 19 публикаций.

Массовые статистические источники авторы публикаций использовали всегда – 42 работы, в которых тамбовские данные представлялись в статистических рядах по России или ее Европейской части. До 1989 г. опубликовано 29 тезисов и статей, где тамбовский материал представлен в виде единичных примеров. В последнее время таких публикаций было всего 6. С другой стороны, выросло число работ с описательным изложением тамбов-

ских сюжетов: с 15 до 21. В новейших работах описательный подход органично сочетается с количественным анализом.

Изменения происходят и в изучаемых периодах тамбовской аграрной истории: до конца 1980-х преобладали работы по XVIII – первой половине XIX в. – 32, в меньшей мере по второй половине XIX – началу XX в. – 15 и XVII в. – 19; с 1990-х гг. больше работ вышло по второй половине XIX – началу XX в. – 30, в меньшей мере по XVIII – первой половине XIX в. – 13. Выросло число публикаций по советскому и постсоветскому периодам – 13 против 1 в 1960-1980-е гг. С составом авторов это связано тем, что раньше преобладали московские историки, работавшие в ЦГАДА, а сейчас – региональные, имеющие больший доступ к местным источникам с XIX в. в областных архивах.

На протяжении изучаемого периода в материалах преобладали социальные сюжеты по аграрной истории Тамбовского региона – 85 работ, несколько меньше изучалась экономическая проблематика – 48 работ и инфраструктура села – 35, совсем мало политические и культурные сюжеты – 20 и 8. В последние 15 лет чаще затрагиваются политические и инфраструктурные сюжеты, немного чаще, но в целом еще редко – культурные сюжеты.

В целом анализ показал тенденцию к более тщательному и сбалансированному изучению по разным параметрам аграрной истории Тамбовского региона.

В.И. Иванов
(Краснодар)

Проблемы аграрной истории феодальной России в научном творчестве И.А. Булыгина (1923-1996 гг.)

Становление И.А. Булыгина как исследователя проходило в стенах Московского историко-архивного института под руководством Н.В. Устюгова и А.А. Новосельского.

Первая его публикация появилась в 1953 г. Она была посвящена сыску беглых крестьян Рязанского уезда в 60-е годы XVII в. Автор осветил как законодательную основу, так и конкретные условия деятельности сыщиков, привел не только количественные показатели бегства и сыска крестьян, но и охарактеризовал положение местных крестьян, причины их бегства.

В монографии «Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII века. По материалам Пензенской губернии» (М., 1966) дается общая социально-экономическая характеристика губернии и подробно освещена деятельность крупного помещика А.И. Полянского по расширению своих владений, организации управления вотчинами, развитию

сельского хозяйства, крепостных мануфактур, эксплуатации крестьян. В конце XVIII в. его хозяйство, по заключению И.А. Булыгина, превращается в предпринимательское, все основные отрасли которого носят товарный характер. Автор убедительно доказывает наличие социального расслоения внутри крестьянства, раскрывает упорную антикрепостническую борьбу крестьян.

Ещё один крупный труд И.А. Булыгина, посвящен исследованию церковных реформ первой четверти XVIII в. В монографии исследованы такие проблемы, как численность и географическое размещение монастырских крестьян и их владельцев, характер монастырского землевладения, условия секуляризации монастырских вотчин в ходе реформ Петра I, состояние монастырского и крестьянского хозяйства.

Кроме конкретно исторических изысканий, И.А. Булыгин занимался осмыслением особенностей исторического пути России, обобщением истории крестьянства в период позднего феодализма (вторая половина XVII – 1861 г.). Он принимал участие в дискуссии о времени и формах генезиса капитализма в России, отстаивая точку зрения раннего (с XVII в.) развития капиталистических отношений в промышленности и в деревне, неоднократно выступал с докладами на симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы.

Важное место в творчестве И.А. Булыгина занимает работа над многотомной «Историей крестьянства России с древнейших времен до 1917 г.». Ему принадлежит разработка в этом издании двух тем – о крестьянской торговле и расслоении крестьянства периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.). По вопросу о развитии крестьянской торговли И.А. Булыгин приходит к выводу, что в 20-30-х гг. XVII в. в России образовалось несколько районов товарного производства сельскохозяйственных продуктов и развиваются товарно-денежные отношения в крестьянских промыслах. В этот период зарождается слой торговых крестьян и появляется множество торгово-промысловых сел. На хлебном рынке только к началу 20-х гг. XIX в. крестьяне уступили свое первенство помещикам, однако на столичных рынках купечество считало их главным конкурентом.

Расслоение крестьян, по мысли автора, уже с 20-30-х гг. XVII в. имело социальный, буржуазный характер. В последней трети XVIII – первой половине XIX в. буржуазное расслоение усиливалось, хотя большую часть сельского населения, признает автор, продолжало составлять среднее крестьянство.

Исследования И.А. Булыгина в сфере аграрной истории феодальной России имеют широкие хронологические, территориальные и тематические рамки. Они несомненно несут на себе отпечаток времени, однако научная добросовестность, профессионализм в работе с архивными источниками,

присущий приоритет факта делает труды И.А. Булыгина добротным «камнем» в здании отечественной исторической науки.

Н.В. Соколова
(Москва)

Сельская община в монастырской вотчине в XVII – первой половине XVIII в. (Итоги и перспективы изучения)

На изучение общины в России в течение длительного времени оказывала непосредственное и серьезное влияние общественно-политическая ситуация в стране и идеологическая борьба. Споры об общине возникли еще в XVIII в., а с середины XIX столетия развернувшаяся полемика по крестьянскому вопросу сделала актуальными проблемы происхождения общины, ее взаимоотношений с государственной властью, роли и места общины в современной деревне. Не случайно и то, что интерес к истории общины вновь возрождается в СССР с конца 1950-х гг., вылившись, в частности, в бурные дискуссии 1970-х гг. на сессиях Симпозиума и целый ряд монографий 1970-1990-х гг. Основные итоги изучения общины к началу XXI в. были подведены Н.А. Горской в ее последней книге.

Однако история общины, особенно для периода до середины XVIII в., и сегодня изучена явно недостаточно, что, в свою очередь, продолжает сказываться в ходе общественных дискуссий по аграрно-политической тематике, в том числе о возрождении частной собственности на землю и о специфике формирования в России гражданского общества. Основная причина подобного положения дел – в состоянии источниковой базы. Владельческое дело-производство отражает деятельность крестьянского мира крайне фрагментарно. Получение репрезентативных выводов требует широкого привлечения источников крестьянского происхождения – документов, непосредственно исходивших из крестьянской среды, и вследствие этого чаще отражавших различные стороны повседневной жизни отдельных крестьянских семей, а также той микросоциальной общности, в которой она протекала. К ним могут быть отнесены: челобитные (в первую очередь коллективные, хотя в ряде случаев и индивидуальные прошения крестьян содержат важную информацию о мирском самоуправлении и различных проявлениях функционирования общины как регулирующего межкрестьянские отношения механизма); различные «сказки» крестьянских выборных; приговоры сходов различного уровня; приходно-расходные книги и тетради мирских выборных (как денежные, так и хлебные); «росписи» – в платежах государственных налогов и владельческих повинностей, в недоборе их с членов общины; подворные описания сел и деревень, содержащие «росписи» тягла;

«шлетные списки», возникшие в ходе проверки финансовой деятельности мирских выборных и др. Выявление таких источников в архивах – дело чрезвычайно длительное и кропотливое.

Дальнейшее продвижение в изучении общины и крестьянского мирского самоуправления в Центре России в XVII – первой половине XVIII в. обусловлено появлением в распоряжении исследователей комплексов таких источников, относящихся к той или иной общине или группе общин. Именно подробнейшие исследования конкретных крестьянских общин позволяют наметить общие контуры некоей многомерной модели, отражающей многообразие связей, возникающих в процессе функционирования микросоциальных структур. Если рассматривать российский социум как сложную динамическую систему, то – с учетом его аграрного характера – изучение социальных микроструктур деревни, выявление и анализ взаимосвязей и взаимодействия в континууме индивид-семья-приход-община-землевладелец представляются важнейшей и обязательной составляющей исследования, без которой невозможно понимание свойств, характеристик и функций системы, являющихся следствием ее эмерджентности. Подобная модель может быть полезна и в конкретных исследованиях, поскольку облегчит выявление черт общего и особенного в развитии общины и мирского самоуправления применительно к отдельным областям страны (Поморье, Центральная Россия, колонизируемые окраинные территории) или отдельным группам крестьянства (помещичьи, дворцовые, монастырские, черносошные и пр.). Наконец, это – перспективный метод научной систематизации всей совокупности сохранившихся сведений об общине XVII – первой половины XVIII в., что даст возможность хотя бы частично заполнить очевидные лакуны в историческом знании и приблизиться к пониманию важнейших проблем, в частности вопроса о происхождении общины, минуя соблазны невольной модернизации.

И.Л. Манькова
(Екатеринбург)

Зависимое население монастырских вотчин Урала и Западной Сибири в XVII в.: итоги изучения

В русле магистральных задач советской исторической науки второй половины XX в. (исследования истории рабочего класса и крестьянства) зависимому населению монастырских вотчин Урала и Сибири было уделено достаточно большое внимание. В работах В.И. Шункова, А.А. Кондрашенкова, А.А. Преображенского, М.М. Громько, Л.П. Шорохова, Н.А. Миненко рассмотрен процесс заселения монастырских земель крестьянами, общая

динамика их численности, хозяйственно-правовое положение, повинности и классовая борьба. Результаты этих исследований отражены в обобщающей монографии «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» (Новосибирск, 1982).

Анализируя процесс заселения монастырских вотчин в XVII в., исследователи были единодушны, отмечая, что он шел за счет пришлого населения из Поморья и Приуралья, а социальный состав монастырского населения имел сложную структуру. Хозяйственно-правовое положение монастырских крестьян в XVII – начале XVIII в. оценивалось по-разному. Ряд историков максимально сближали хозяйственно-правовой режим монастырских вотчин урало-сибирского района и европейской части России (В.И. Шунков, Н.В. Горбань, П.И. Малахинов, А.А. Кондрашенков, Я.Е. Водарский, Н.Ф. Емельянов). А.А. Преображенский отмечал, что существовали региональные особенности, которые вынуждали урало-сибирские монастыри смягчать феодально-крепостнический режим. Эту позицию разделили Л.П. Шорохов и Н.А. Миненко.

В.И. Шунков и А.А. Преображенский обратили внимание на активное привлечение в монастырские хозяйства наемных работников. В.И. Шунков считал, что это вполне соответствует «типичной картине феодального хозяйства», временные наемные работники были одним из источников пополнения постоянной рабочей силы для монастырей, таким путем происходило превращение наймитов в феодально-зависимое население. А.А. Преображенский пришел к выводу, что пребывание на положении наемного работника в хозяйствах феодалов (в т. ч. монастырей) не обязательно влекло за собой его закрепощение. В широком применении наемного труда в совокупности с развитием рыночных отношений он увидел явления первичной стадии буржуазной эволюции.

Подводя итоги исследований, проведенных к началу 1980-х гг., можно выделить вопросы, которые нуждались в дальнейшем изучении. Это процесс формирования монастырского крестьянства, т.е. выявление всех источников его пополнения, политика государства в отношении монастырского крестьянства и ее реализация на практике, участие различных категорий зависимого населения в хозяйственной деятельности и социальные отношения в монастырских вотчинах.

Составление поименных баз данных монастырского населения на основе переписных, крестоприводных, приходо-расходных книг трех урало-сибирских монастырей XVII – начала XVIII вв. позволило нам сделать ряд выводов по поставленным проблемам. Существовали 3 источника формирования монастырского крестьянства: 1) новоприходцы; 2) перевод в монастырские крестьяне представителей других категорий населения вотчин; 3) естественное воспроизводство. «Внутренние» резервы давали лишь около 1/3 прироста крестьянского населения. При этом сохранялась достаточно

высокая степень сменяемости крестьянства в монастырских владениях, что можно объяснить незавершенностью формирования системы закрепощения.

В конце 1670-х гг. правительство предприняло попытку лишить монастыри основного источника пополнения крестьянства – за счет приема пришлого населения, ограничив переписными книгами 1658/59 г. Таким образом, правительство обрело урало-сибирские обитатели на медленное умирание, что не отвечало государственным интересам в отдаленном малоосвоенном крае. В конечном итоге ограничительные указы не были реализованы, власти пошли на составление новых писцовых книг в 1680-1683 гг. Была проведена унификация структуры монастырского населения. Количество окладных дворов увеличилось за счет перевода половников, бобылей и части вкладчиков в разряд монастырских крестьян.

Незавершенность процесса формирования феодальных отношений оказала воздействие на социальные отношения в монастырских вотчинах. Существовало большое разнообразие условий порядка, предусматривавших льготы для новоприходцев. С истечением льготных лет отношения монастырей и крестьян были довольно гибкими, их можно охарактеризовать как своеобразный социальный симбиоз.

Э.Л. Дубман
(Самара)

Итоги и перспективы изучения земледельческого освоения юго-востока европейской России в середине – второй половине XVII в.

Начавшееся во второй половине XVI – XVII вв. освоение и вовлечение в хозяйственный оборот лесостепных черноземов Дикого поля охватило все огромное пространство юга и юго-востока европейской России – от границ с Речью Посполитой до Башкирии. Широкомасштабные колонизационные процессы, сыгравшие особую роль в становлении единого Московского государства, постоянно привлекают внимание отечественных историков. Однако по отдельным регионам страны они исследованы весьма неравномерно. В частности, крайне слабо изучены деятельность государства и участие отдельных сословий российского общества в заселении и хозяйственном, прежде всего земледельческом, освоении территорий Симбирского, Пензенского, Самарского и других уездов, занимавших всю южную часть средневолжского Правобережья. Единственная обобщающая работа Г.И. Перетятковича в значительной степени не отвечает современным научным требованиям как в отношении методологии и методики исследования, так и состояния источниковой базы. Монографические исследования, посвященные формированию церковного землевладения и хозяйства на территории края, промысловому освоению Понизового Поволжья, лишь частично затрагива-

ют данную проблематику. Все прочие, как правило, небольшие по объему работы, в основном касаются сравнительно локальных, частных вопросов. Такое «невнимание» историков к происходившим на территории региона колониационным процессам, и их важнейшей составляющей – аграрному освоению во многом объясняется плохой сохранностью источниковой базы.

Между тем специфика включения в состав Российского государства этих, до середины XVII в. незаселенных районов представляет особый интерес для исследователей. При их колонизации наблюдалось своеобразное сочетание деятельности государства в качестве военно-административной стабилизирующей силы, создателя по Л.В. Милову «всеобщих условий производства» и различных сословных групп средневекового общества. В процессе хозяйственного освоения ранее «порозжих» пространств закладывались основы для формирования в единую общность поликонфессионального и разнотничного нового населения края, которое невозможно было разделить, на коренных жителей и переселенцев. Чрезвычайно интенсивными были и темпы формирования сельского населения. Например, если в Симбирском уезде, в середине XVII в. после сооружения Симбирско-Корсунской засечной линии, по данным переписных книг 1678 г. состояло немногим более ста сельских поселений, то к началу XVIII столетия их количество выросло до трехсот.

Отметим, что в настоящее время сложились достаточно благоприятные условия для комплексного изучения особенностей военно-административного и аграрного освоения рассматриваемого региона, становления на его территории нового социума. Они, во-первых, обусловлены значительным расширением совокупности источников, позволяющих с достаточной степенью репрезентативности исследовать особенности сельского расселения, земледельческого производства, соотношение и взаимодействие различных колониационных потоков и т.д. Во-вторых, изученность отдельных локальных вопросов освоения региона позволяет создать обобщающие работы по более широкой проблематике. И, наконец, современное состояние российской историографии дает возможность использовать методики, позволяющие получить более значимые и достоверные результаты даже без существенного расширения источниковой базы.

Ю.А. Мизис
(Тамбов)

Особенности социального статуса мелких служилых людей XVII в. на юге Русского государства

Специфика заселения и освоения юга Русского государства в XVII в. требовала наличия значительного слоя мелких служилых людей, куда вхо-

дили воинские люди городской и полковой служб. На протяжении всего XVII в. они определяли социальный и профессиональный состав местного населения городов и сел. По своему социальному происхождению большинство из них относились к различным категориям крестьянского населения, сумевшего в период строительства укрепленных линий сменить свой социальный и профессиональный статус. Русское правительство в условиях сохранения серьезной опасности на южных рубежах страны и необходимости дальнейшего освоения новых земель вынуждено было мириться с наличием такой многочисленной категории населения. Однако оно никогда не забывало их прежний статус и при переходе к профессиональной армии в начале XVIII в. ликвидировало эту социальную группу, переводя их в категорию однодворцев.

На протяжении всего XVII в., не смотря на разные способы комплектования этих групп населения, различия форм землепользования, их объединяла общая задача выполнения государевых служб по охране границ за земельные наделы и небольшое жалование. Поэтому переход из одной профессиональной группы в другую не был сложным. При комплектовании солдатских полков в середине XVII в. в них были приняты как выходцы из стрельцов, пушкарей, казаков, так и из детей боярских. Многократно встречались случаи перехода из числа рейтар и солдат полковых служб в категории городовых служилых людей. Часто эти переходы были связаны с потерей здоровья из-за ран или болезней, утратой мужчин в семье и необходимостью перехода на оседлую службу. Смерть отца, братьев или отсутствие взрослых мужчин в семьях становились весомым аргументом для просьб о переходе в менее престижную, но более спокойную службу, которая позволяла больше внимания уделять сельскохозяйственным занятиям.

Среди мелких служилых людей сохранялись высокие патерналистические традиции взаимоотношений с центральной властью в лице приказов, боярской думы и царя. Мелкие служилые люди, оставаясь царскими «холопами», имели возможность через воевод, воеводские или приказные избы напрямую обращаться на царское имя со своими жалобами и просьбами. Любые просьбы об изменении профессионального статуса, возможности получения за службу дополнительных льгот и пожалований влекли за собой постоянные обращения в Москву на царское имя. Низкий экономический уровень большинства мелких служилых людей юга России, невозможность полностью обеспечить свою воинскую службу всем необходимым, вынуждало их регулярно обращаться к городovým воеводам и в приказы с просьбами о пожаловании огнестрельного оружия, боеприпасов, сукна на одежду, сбрую на лошадей и другую амуницию. Только наличие боевого коня для казаков, драгун и рейтар был необходимым условием записи в конную службу. Однако регулярные смотры служилых людей показывают низкий уровень их боевого оснащения.

Центральные приказы сохраняли за собой мелочную регламентацию профессиональных перемещений мелких служилых людей, контроль их физического и экономического положения. Даже списание с полковой службы воинских людей из-за ран и болезней сопровождалось обязательным их освидетельствованием в московских приказах в присутствии приказных дьяков. Поэтому московская власть, в отличие от местных воевод, освещалась царской сакральностью. Таким образом, социальное и профессиональное положение мелких служилых людей на юге Русского государства в XVII в. в значительной мере выделяло их из общей массы податного населения, сохраняя определенные льготы в их социальном статусе.

Л.Г. Степанова
(Краснодар)

Пространственно-демографические изменения на Северо-Западе России в XV-XVI веках и размещение крестьянских хозяйств

Среди актуальных проблем аграрной истории особый интерес представляет проблема сельского расселения. Факторы, определяющие процесс сельского расселения, влияли и на формирование определенных типов хозяйств на данной территории. Писцовые книги XV-XVI вв. являются важным источником по истории сельского расселения. Основываясь на этом массовом источнике, можно провести анализ размещения крестьянских хозяйств. При этом вполне возможно выявить не только преемственность и новые черты в расселении, но и сделать вывод о степени устойчивости или, наоборот, обновления определенного типа хозяйства на данной территории, о качественных процессах, происходящих внутри этого локального субъекта.

Сельские поселения на протяжении веков имели традиционную структуру. Каждая деревня или село состояли из определенного количества крестьянских дворов, ведущих собственное хозяйство. И территория этого хозяйства не ограничивалась только самим крестьянским двором. У крестьян кроме пашни в поле были и рыбные вежи, и пожни на лугах, и пастбища для скота. Крестьянское хозяйство, таким образом, было локальной системой, зависимой от структуры расселения. Хозяйственное освоение прилегающей территории определялось в источниках того времени известной формулой «куда соха, коса и топор ходили». Более четко, чем в данной формулировке, территориальная структура сельского расселения прослеживается при сопоставлении данных новгородских писцовых книг конца XV и середины XVI в. Крестьянский двор в каждом поселении характеризуется своими хозяйственными показателями: количеством пашни, сенокосов, рыбных ловель, бортными или охотничьими угодьями. При этом становятся видны не толь-

ко количественные, но и качественные пространственно-демографические изменения в данном регионе. Эти данные представляют определенный интерес, поскольку появляется возможность сопоставить первое писцовое описание новгородских земель с последующими сведениями писцовых книг, использовать массовые данные писцовых книг середины XVI в. – времени, когда в Новгородской земле было зафиксировано наибольшее число поселений в сравнении с другими историческими эпохами.

Пространственная локализация сведений писцовых книг и использование сравнительно-типологического метода при сопоставлении массовых данных новгородских писцовых книг конца XV в. и второй половины XVI в. позволяют выяснить, как были заложены основы землепользования различных регионов Северо-Запада России, как шло освоение новых земель и расселение населения, какие новые черты появлялись в крестьянском хозяйстве. Кроме этого, писцовые книги второй половины XVI в. содержат первые сведения о плодородии заселяемых земель, благодаря которым мы можем сделать вывод о степени вовлечения в хозяйственный оборот новых земель, их качественном составе и, в конечном счете, зависимости системы сельского расселения от природных особенностей каждой местности.

Среди других факторов, влияющих на процесс расселения и освоения новых земель, существенную роль играет плодородие почвы. Влияние этого фактора, несмотря на использование удобрений на полях, к концу XV в. не уменьшается, и продолжает влиять на процесс расселения в XVI в. Анализ размещения крестьянских хозяйств на конкретной территории позволяет сделать вывод о высокой степени устойчивости крестьянских хозяйств, расположенных на плодородной земле. В то же время наблюдается изменение имевшегося ранее типа хозяйства, основанного на земле худшего качества.

Данные писцовых книг позволяют заключить, что даже в первой половине XVI в. – в этот относительно благоприятный период времени для хозяйственного развития страны, когда закончился процесс объединения земель в единое государство, а развитию сельского хозяйства, судя по письменным источникам, благоприятствовали и погодные условия того времени, расселение крестьян на определенной местности протекало неравномерно и зависело от типов крестьянских хозяйств и их экономического положения. Качественные характеристики отдельных хозяйств и их число на данной территории позволяют сделать вывод, что экономическое положение крестьян, заселявших Северо-Запад России в XVI в., зависело от давности заселения данной территории и самих условий расселения на местности, в частности от обеспеченности крестьянских хозяйств плодородной землей, сенокосами, рыбными ловлями, бортными и охотничьими угодьями.

Проблема закрепощения крестьянства в XVI-XVII вв. в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

Проблема, сформулированная в заглавии нашего доклада, недавно рассмотрена Н.А. Горской в монографии о феодальной деревне России в историографии XX в. Данное сообщение преследует своей целью развить наблюдения замечательной исследовательницы аграрного строя России и непосредственной участницы Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

Симпозиум стал естественным результатом и продолжением многолетней работы российских историков XIX – первой половины XX в. Проблемы, намеченные и сформулированные Б.Д. Грековым, рассматривались на сессиях симпозиума такими исследователями, как Н.А. Горская, Л.В. Данилова, А.А. Зимин, В.И. Корецкий, А.Г. Маньков, В.М. Панеях, А.Л. Шапиро. Работу В.И. Пичеты по исследованию аграрных отношений в западных русских землях продолжили и развили в рамках Симпозиума Ю.М. Гроссман, А.П. Пьянков, М.А. Ючас. Симпозиум, таким образом, практически воплотил преемственность традиций российской исторической науки.

Органичное продолжение предшествующих исследований нашло свое выражение в творческом переосмыслении накопленного материала, презентации новых методов работы с источниками. Заседания Симпозиума стали площадкой для проходившей в острой дискуссионной форме апробации принципиально новых результатов исследований. В 1960-х гг. были предложены две концепции закрепощения в России, в которых по-разному осмыслились причины становления крепостного права. В.И. Корецкий отстаивал точку зрения о решающей роли барщинной формы эксплуатации в процессе закрепощения, в то время как Л.В. Данилова говорила о множестве причин закрепощения, причем барщина осмыслилась ею не как причина, а как следствие оформления крепостного права.

На сессиях симпозиума были предложены новые подходы к исследованию такого ключевого социального института средневековой Руси, как община. А.Л. Шапиро выдвинул плодотворную идею о том, что структура русской общины XI-XVII вв. определялась отнюдь не уравнительными земельными переделами или другими пережитками родоплеменного строя, а фискальными интересами государства и правом наследственного пользования пашенным наделом и угодьями. Новый взгляд на русскую общину начал утверждаться синхронно с новой концепцией западноевропейской общины, обоснованной А.Я. Гуревичем. Естественным следствием из концепции А.Л. Шапиро стал вывод о том, что уравнительные переделы земли ут-

вердились в русской деревне лишь в период господства крепостного права в XVIII– первой половине XIX в.

Предложенное понимание сущности русской средневековой общины вызвало новые изменения в представлениях о причинах закрепощения. Коль скоро община-волость XIV–XVI вв. функционировала на принципах подворно-наследственного землепользования и занималась разверсткой тягла, переход общинных владений в руки служилой аристократии был возможен лишь на путях активного вмешательства государства. Закрепощение конца XVI – XVII вв., согласно точке зрения Л.В. Милова, и позволило преодолеть сопротивление общинных институтов процессу перехода земли в руки вотчинников и помещиков.

Разработка концепций закрепощения на сессиях Симпозиума проходила синхронно с исследованием отдельных этапов этого процесса и изучением положения разных категорий населения. Именно в рамках Симпозиума впервые озвучивались результаты архивных поисков и предлагались интерпретации важнейших проблем социальной истории Руси такими исследователями, как В.И. Корецкий, Е. И. Кольчева, В.М. Панеях и многими другими учеными. В переработанном и расширенном виде их доклады вошли в состав монографий. Симпозиум фактически сыграл роль мегалаборатории по разработке узловых проблем социальной истории России.

А.Ю. Савосичев
(Орел)

Землевладение дьяков и подьячих XV – начала XVI вв.

В работах о служилой бюрократии XV – XVI столетий можно отметить две особенности. С одной стороны, о землевладении дьяков и подьячих упоминалось при общей характеристике исследуемых социальных групп. С другой стороны, рассматривалась история отдельных поместий и вотчин при реконструкции биографии тех или иных представителей служилой бюрократии.

А.К. Леонтьев, отметив, что многие из дьяков конца XV – начала XVI вв. происходили из числа служилых людей, указал на наличие у представителей служилой бюрократии земельных владений, размеры которых часто были значительны. К феодалам землевладельцам относил приказных людей С.О. Шмидт. Он отметил включение дьячества в поместную систему, повышенную активность дьяков по скупке вотчин. Обобщая данные о дьяках второй половины XV – первой трети XVI вв., А.А. Зимин указал на то, что большинство дьяков получало в наследство от отцов поместья или вотчины и активно округляло свои владения, используя средства, накопленные в процессе государственной службы. В.Б. Кобрин отметил, что дьяки и казначей становились крупными вотчинниками. К числу недостатков всех работ

данного типа следует отнести отрыв выводов от эмпирического материала. Обобщающие тезисы подкреплялись лишь отдельными примерами из источников.

Много сведений о земельных владениях дьяков и подьячих XV – XVI вв. содержится в справочнике С.Б. Веселовского. Весьма полно имущественное положение опричных дьяков обрисовал В.Б. Кобрин. И. Граля реконструировал историю земельных владений Ивана Михайловича Висковатого. Ю.Г. Алексеев скрупулезно собрал данные о земельных владениях дьяков Василия II и Ивана III. Здесь, напротив, отсутствуют какие-либо обобщающие выводы об особенностях дьяческого землевладения в целом.

Первые упоминания о вотчинах великокняжеских дьяков относятся к первой половине XV столетия. Скорее всего, данный период и был временем возникновения исследуемого института. К концу XV в. дьяки и подьячие были уже тесно вписаны в структуру поместной системы и активно скупали вотчины. Обе формы феодальной земельной собственности были примерно в равной мере распространены как среди дьяков, так и среди подьячих.

Размеры землевладения дьяков и подьячих можно оценить только применительно к концу исследуемого периода и только для поместий, так как единственный источник, позволяющий ответить на поставленный вопрос, это новгородские писцовые книги. Размеры поместий дьяков составляли от 84 до 251 коробы (30-51 обжа), подьячих – от 28 до 97,5 кор. (7-37 об.). На основании группировки данных по величине поместий прослеживается устойчивая связь между размерами землевладения представителей служилой бюрократии и их статусом. На фоне основной массы местных помещиков дьячество в Новгороде было обеспечено в целом значительно лучше. Дьяческое имение было примерно в полтора раза больше чем владения рядового сына боярского. Подьячий же, как правило, был беднее, чем средний помещик.

При анализе географии землевладения дьяков и подьячих данные новгородских писцовых книг наоборот следует исключить. Землевладение (как вотчины, так и поместья) столичной служилой бюрократии четко тяготеет к основному месту ее службы – к Москве. Имена дьяков, служивших в уделах, распределяются, подчиняясь той же закономерности.

Родовые вотчины дьяков и подьячих распределяются довольно равномерно. Это свидетельствует о том, что провинциальное дворянство средней руки шло на канцелярскую работу одинаково охотно вне зависимости от положения своего родового гнезда. Вотчины-куши, наоборот, явно тяготеют к столичному району. Получается, что приобретать земельные владения приказные деятели предпочитали поближе к месту основной службы.

Аграрная политика в государственной деревне Среднего Поволжья во второй половине XVI – середине XIX века: историографический аспект

В изучении аграрной политики государства в многонациональном регионе Среднего Поволжья во второй половине XVI – середине XIX в. имеются несомненные достижения.

В дореволюционных исследованиях (Г.И. Перетяткович, И.Н. Смирнов, Н.А. Фирсов и др.) этот сюжет затрагивался в контексте земельной и ясачной политики царизма в нерусской деревне (марийцы, мордва, татары, удмурты, чувашаи) и русской колонизации Казанской земли во второй половине XVI – XVII вв. Внимание специалистов привлекали и вопросы аграрной политики в XVIII – первой половине XIX в. Появились публикации некоторых законодательных актов и дел о поземельных спорах.

Существенный вклад в решение проблемы внесли отечественные историки в 1950- 1990-е годы. Различные аспекты аграрной политики царизма в ясачной деревне Среднего Поволжья второй половины XVI-XVII вв. рассматривались в трудах В.Д. Димитриева, Г.Н. Айплатова, А.А. Андреянова, К.И. Козловой, И.П. Ермолаева, С.Х. Алишева, Д.А. Мустафиной, А.Е. Захаркиной, Н.В. Заварюхина, В.А. Юрченкова, В.Л. Бушуевой, М.В. Гришкиной и др. На большом фактическом материале была показана многообразная специфика земельной политики в этом регионе, где верховным собственником ясачных земель выступало феодальное государство, а непосредственно ее владельцами являлись крестьянские сельские общины. Законодательство подтверждало нерушимость земельных границ (пашни, сенокосы, леса, боргные ухояи, бобровые гоны, рыбные ловли, охотничьи и другие уголья) ясачных общин и предусматривало суровые меры наказания для покушавшихся на ее целостность. Однако нередко происходило расхищение светскими и духовными феодалами части общинных владений. Это обстоятельство в сочетании с усилением ясачного гнета вызывало различные формы классовой борьбы. В оценке социально-правового аспекта аграрной политики, большинство исследователей правомерно считали, что ясачные марийские, мордовские, татарские, удмуртские и чувашские крестьяне, оставаясь лично-свободными, были прикреплены к земле и обязаны платить государству ясак – ренту-налог в денежно-продуктовой форме и выполнять казенные повинности. При этом подчеркивалось (С.М. Каптанов, В.Д. Димитриев, А.Г. Иванов) некоторое отличие в земельно-иммунитетной политике русского правительства применительно к различным феодалам и новокрещеным служилым людям.

Аграрная политика абсолютистского государства в XVIII в. нашла отражение в исследованиях В.Д. Димитриева, Н.В. Заварюхина, М.В. Гришкиной, И.А. Гилязова, А.И. Ногманова, А.Г. Иванова и др. В их трудах прослежена преемственность проводимой земельной политики и доказано, что петровские указы 1719-1724 гг. закрепили поземельные отношения, унаследованные от XVII в. Ясачные крестьяне юридически стали одной из составных частей сословия государственных крестьян. В системе «государственного феодализма» аграрная политика в многонациональной деревне имела некоторые общие черты с русской черносошной деревней.

В изучении рассматриваемой темы первой половины XIX в. большим толчком стало издание монографии Н.М. Дружинина, посвященный государственным крестьянам и реформе П.Д. Киселева. Приоритеты в аграрной политике, пути и методы ее реализации в государственной деревне Среднего Поволжья являлись предметом исследования И.Д. Кузнецова, В.Д. Димитриева, Е.П. Погодина, Е.И. Чернышева, М.Г. Софронова, З.С. Миннулина, Р.Р. Хайрутдинова, М.И. Терешкиной, А.С. Казимова, Г.Н. Кадыковой, Б.Г. Плюшевского, М.В. Гришкиной, Н.Ф. Тюгаева, А.В. Клеянкина и др. Большинство из них склонны считать, что при всей противоречивости киселевской реформы, следует признать определенные достижения патерналистско-попечительской линии, в том числе в области аграрной политики.

Изданная в 1982 г. монография А. Каппелера и коллективные работы 1980-х годов по истории автономных республик Поволжья в обобщенном виде представили отдельные аспекты аграрной политики самодержавия середины XVI – первой половины XIX в. За последние годы тема государственной аграрной политики получила дальнейшее развитие. Однако до сих пор отсутствует специальное исследование, посвященное целостному ее изложению в рамках средневолжского региона на протяжении трех столетий.

М.С. Черкасова
(Вологда)

Позднефеодальная вотчина: аграрный строй и демографические структуры

Масштабным мероприятием по подготовке государством секуляризации имений духовенства в России стало составление в начале 1760-х годов «офицерских описей». Эти многоплановые и исключительно содержательные источники неоднократно использовались в научной литературе (И.А. Булыгин, А.А. Завьялов, А.Г. Иванов, А.И. Комиссаренко, В.Б. Лебедев, Л.В. Милов и мн. др.).

В докладе рассматривается комплекс «офицерских описей» вотчин Троице-Сергиевой Лавры за 1762-1764 гг. Они сохранилась по 28 уездам центра, севера, юга и Поволжья, включая её новые владения. На юге землевладение корпорации появилось после майского указа 1673 г., разрешившего духовенству получение земли («в украинных городах из диких полей», в размерах, соответствовавших статусу. Согласно Петровскому указу 1698 г., Сергиеву монастырю в виде исключительного права разрешалось меняться землями с помещиками и приобретать пустые дворы и строения в Елецком уезде для денежных и хлебных платежей на строительство флота.

Существенная черта земельной собственности Лавры на завершающем этапе её аграрной эволюции заключалась в отсутствии целостных вотчинных комплексов, каковые в изобилии имелись у неё прежде в староосвоенных уездах Замосковского края, в резкой диспропорции между мизерным объёмом земли и огромным количеством населения. Владельческий состав новых сел и деревень, удалённых от Лавры на расстояние в 870-950 вёрст, был чрезвычайно пестрым, разнопоместным, в них корпорации принадлежала лишь 45-я или 46-я доля. Иногда совладельцами Лавры в поволжских селах выступали монастыри центра и севера (московские Симонов и Вознесенский, костромской Ипатьевский, вологодский Спасо-Прилуцкий). Отсюда проистекали такие особенности их аграрного строя, как изначальное отсутствие домена, крайнее малоземелье, а то и полное безземелье крестьян. Землю, сенокосы, лесные угодья они вынуждены были покупать или арендовать у соседних помещиков, пахотных солдат, дворцовых и яшашных крестьян. Налицо явное преобладание чисто политических, сеньориальных рычагов властвования, а не организационно-хозяйственной деятельности самих корпораций на новых территориях.

Одним из следствий крестьянского мало- и безземелья стало проживание значительной части крепостных Лавры в городах (Саратове, Самаре, Пензе, Симбирске), хотя учитывались они именно в сёлах в рамках владельческих окладных единиц. Крайне неравномерно распределялось население в пределах конкретного уезда – в одних селах и деревнях по 4-6 души, в других – по 600-700 душ. Эта черта была заметна и в имениях центра страны, однако столь резких внутри- и межъездных отличий здесь, всё же, не было. Отдельные вотчинные комплексы в центре поражают своей многолюдностью: в бежецком с. Присеки – свыше 4 тыс. ревизских душ, в подмосковной вол. Вохне – свыше 3 тыс. ! (Демографические сведения в офицерских описях приводились по второй ревизии 1744 г. – всего у Лавры было не менее 107 тыс. ревизских душ). Очевидная избыточность монастырского населения позволяла корпорации («зачет рекрут» отдавать часть своих крестьян для заселения Казанской губернии и к Нерчинским заводам.

В имениях Лавры накануне секуляризации практиковались разнообразные окладные единицы: «тягла» (они же «венцы»), «дымы», «жеребья»,

«копейки», «осьмухи», «четвертухи», «четверики», «пироги», «ясаки». Последние отмечены в арзамасских селах, и это может свидетельствовать о каких-то остаточных отголосках системы налогообложения еще времен Казанского ханства. Количественный состав окладных единиц был также весьма разнообразен – от 1-2 до 32-45 душ. В практическом функционировании налогообложения сочетались и государственный (подушный) и сеньориальный принципы.

В целом же собственность Лавры в новых для нее уездах состояла не столько в земле-, сколько в душевладении. Положение феодала в России XVIII в. определялось как раз не размерами его землевладения, а числом крепостных душ.

С.В. Черников
(Липецк)

Власть и собственность в России эпохи петровских реформ: земельные раздачи в Северо-Западном регионе первой четверти XVIII в.

Проблема взаимосвязи власти и собственности в России является одной из ключевых в историографии. Особенно плодотворным представляется изучение этого сюжета, а также структуры господствующего класса, применительно к переломным эпохам в истории страны, в частности к рубежу XVII-XVIII вв. (С.М. Троицкий, Я.Е. Водарский, Е.В. Анисимов, А.Н. Медушевский, О.А. Шватченко, Ю.А. Тихонов, Р. Крамми, Дж. ЛеДонн, Б. Мухан-Уотерс, П. Бушкович и др.).

Весьма важен малоисследованный вопрос о земельной политике правительства в «новом столичном регионе» – Петербургском. Практика испомещения членов государственного двора в окрестностях «старой столицы» сформировалась еще в ходе Тысячной реформы середины XVI в. Получение поместий вблизи Москвы давало возможность представителям верхушки служилого класса быть постоянно готовыми для выполнения правительственных поручений. В XVII в. подмосковные поместья в первую очередь получали высшие чины государева двора.

Успехи российской армии в Северной войне и перенос столицы в Санкт-Петербург (1712 г.) поставили на повестку дня освоение завоеванных земель. Изначально при разработке вопроса о раздачах в данном регионе, власть руководствовалась законодательством XVII в. о подмосковных поместьях, которое напрямую увязывало размер земельной дачи с чином служилого человека. Но в итоге, указ 1712 г. отошел от этой практики и определил, что площадь поместья будет зависеть только от общего количества крестьянских дворов, которыми владел собственник по России. Земли раздавались при условии их обязательного заселения.

По нашим данным, при Петре I на территории семи северо-западных уездов землю приобрели 320 чел. Наиболее интенсивные раздачи осуществлялись в 1712-21 гг.

Анализ состава собственников показывает, что Петр сделал акцент на испомещении представителей именно тех органов власти, которые размещались в новой столице. Раздачи затрагивали большую часть сенаторов, руководителей коллегий. Пожалования также получили служащие различных рангов из центральных и местных учреждений, расположенных в Петербурге. Земельные раздачи в Северо-Западном регионе (в первой четверти XVIII в.) и в Подмоскowie (во второй половине XVI-XVII вв.) должны были выполнять аналогичные функции: они создавали более благоприятные условия для прохождения службы в столице.

Однако очевидны и различия, подчеркивавшие особенности функционирования управленческих структур в эпоху реформ. Кризис приказной системы и петровские преобразования привели к сокращению численности госаппарата и снижению расходов в этой сфере. Попытка создания «регулярного государства» по европейским образцам закончилась провалом. В итоге, чрезвычайные методы управления превратились в обычную практику, а роль армии резко возросла. Поэтому, вполне логичным выглядит массовое испомещение под Петербургом военных чинов (преимущественно генеральских и офицерских) – 154 чел. Для сравнения, статские чины имело только 88 лиц.

При формировании правящего слоя Петр I преимущественно ориентировался на традиционную элиту Московского государства: членов Боярской Думы и государева двора. В этот период крупные пожалования распространялись лишь на узкий круг лиц и в целом не ставили целью поднять имущественную обеспеченность «новых» фамилий, пробившихся в состав властной верхушки, до уровня «старой аристократии».

И.В. Пугач
(Вологда)

Социально-демографическое развитие Устюженского края в конце XVI – первой трети XVII вв.

Становление системы расселения в Устюженском крае совпадает с завершением хозяйственного освоения территории и экономическим подъемом первой половины XVI в. В 60-е годы XVI в. число населенных пунктов достигло максимума и, в границах территории уезда XVII в., превысило 750.

В последней трети XVI в. разрушающее влияние на демографическое развитие страны оказывали социально-политические тенденции развития.

Русского государства. Социально-экономический кризис конца XVI в., потрясения Смутного времени фактически разрушили сложившуюся за несколько предшествующих столетий систему поселений. Ее восстановление, началось только в 20-е годы XVII в. При этом, структура расселения, ее демографические и социальные параметры, приобретали черты, значительно отличавшиеся от тех, что сложились к середине XVI в.

Динамику сокращений числа поселений за вторую половину XVI – первую треть XVII вв. дают материалы описания Устюженского края 1628-630 гг. На 1630 г. писцы зафиксировали 233 поселения и 520 пустошей. Все пустоши в писцовой книге дифференцированы на две категории – поселения, запустевшие после описания 1596-1597 гг., и запустевшие до него, т. е. после описания 60-х годов XVI в. Таким образом, 197 пустошей – 37,9%, в конце XVI века являлись жилыми населенными пунктами, остальные 323 – 62,1%, запустели, видимо, в годы хозяйственного кризиса 70 – 80-х годов XVI в. В целом, за 60 с небольшим лет число поселений сократилось более чем на 2/3 и составляло около 31% от уровня середины XVI в..

В административном отношении Устюженский уезд в начале 20-х годов XVII в. делился на Хрипелевскую волость и 4 стана – Велетовский, Калининский, Новосередецкий и Новый. По станам и волостям все 233 поселения распределялись следующим образом: Велетовский – 58 (24,9%); Калининский – 12 (5,2%); Новосередецкий – 28 (12%); Новый – 32 (13,7%); Хрипелевская волость с приселками – 103 (44,2%).

Преобладающим типом селений в крае, как и в целом по стране, являлась деревня – 81,5%. В среднем на одно селение по территории края приходилось 4,4 двора, что несколько выше, чем на северо-западе Поморья – 3,9 двора, и Угличском уезде – 4,2 двора. По отдельным станам и волостям этот показатель колеблется от 3,2 до 5,3 двора.

Численность сельского населения Устюженского края в конце 20-х годов XVII в. составляла около 7 тыс. человек, среди которых около 6,5 тыс. человек зависимого населения. Всего на этот период насчитывалось 1026 "живущих дворов", из них 895 дворов зависимого населения (1609 "людей").

Основной категорией зависимого населения являлись крестьяне – 41,7% дворов и 51,7% «людей». Следующей по численности социальной группой были бобылы – 36,2% дворов, 38,6% людей. Особую категорию составляли «беспашенные бобылы» – 5,5% дворов, 4,8% «людей», которые отмечены в вотчинах Нового и Велетовского станов. Видимо, это та часть населения вотчин, которая была связана с добычей и переработкой железной руды и древесного угля. Незначительную часть составляли «людские дворь» – 2,3% дворов, 2,3% «людей».

Сравнительный анализ абсолютных и, особенно, относительных показателей запустения Устюженского края в конце первой трети XVII в. позволяет говорить высокой степени его разорения. По поселениям запустение

составило около 69%, что выше, чем в Угличском уезде. По степени запустевших дворов – 42,4%, Устюженский край значительно превосходит Бежецкий – 28,5% , Угличский – 24,4% и Вологодский – 16,7% уезды.

В целом, важнейшими факторами, оказавшими решающее влияние на социально-демографические параметры Устюженского края конца XVI – первой трети XVII вв. (итоги которого были зафиксированы описанием 1628-30 гг.) стало завершение процесса территориального оформления Устюженского уезда, изменение структуры феодальной земельной собственности, податная и социальная политика государства. Они задали основные направления развития – укрупнение поселений при одновременном сокращении их числа, рост людности двора, изменение социальной структуры зависимого населения.

Э.А. Морозова
(Тамбов)

Демографические показатели торгово-промышленного села как переходная модель от сельского к городскому типу воспроизводства населения (с. Рассказово Тамбовской губернии, конец XVIII – середина XIX в.)

По демографическим показателям село в России этого периода относилось традиционному типу воспроизводства населения. Даже небольшие изменения говорят о длительном воздействии на сельский торгово-промышленный населенный пункт неземледельческих экономических и социальных отношений, об изменении ментальных установок по отношению к браку, семье, планированию деторождения.

В Рассказово рождаемость до 1840-х гг. представляла ритмичную картину, типичную для аграрных поселений Тамбовской губернии. Поскольку пики и спады рождаемости делают некорректными средние цифры рождений, назовем границы колебаний: 1791-1799 г. – 160-250 рождений в год, 1800-1813 г. – 220-300, в 1814 – 1824 г. 300-400, 1825-1835 г. – 470 и 570, 1835-1839 г. – 650. С 1840 г. рождаемость стала резко колебаться между 420 и 750 случаями в год, демонстрируя сбой в традиционной модели. Относительная стабилизация числа рождений наступила с 1850 г., и вплоть до 1870-х гг. ежегодно рождалось 650-770 детей. Коэффициенты рождаемости в приходе составили 35,8‰ для 1816 г., 49,2‰ для 1833 г., 56,6‰ и 58,2‰ для 1858 и 1859 гг. соответственно, и 56,4‰ для 1862 г. По шкале Урланиса-Борисова показатели в 30-39‰ являются высокими, а с 40‰ – очень высокими. Следовательно, уровень рождаемости в селе весь период находился ближе к сельским, а не городским показателям. Однако отсутствие роста

числа рождений с 1850-х гг. можно считать началом демографического перехода.

Рассказовский приход демонстрирует постепенный и неуклонный рост числа браков до 1845 г., а затем стабилизацию. Число браков росло медленно: до 1830-х гг. колебание шло в интервале 50-100 случаев, а в 1830-1870-е гг. – 100-170 случаев в год. коэффициент брачности в приходе колебался в «противофаз» к сельским показателям: в 1816 г. он составил 7,4‰, а в 1833 г. – 6,1‰, 1858 г. – 11,9‰, 1862 г. – 12,1‰. Б.Н. Миронов для сельского населения периода в 1801-1860 гг. приводит цифру в 10,1‰. Он утверждает, что в земледельческих поселениях существовала связь между уровнем брачности и количеством земли на душу населения: число браков на 1000 человек снижалось при перенаселении и уменьшении наделов. В промышленных местностях, где доходы жителей не зависели от земельного надела, уровень брачности не снижался ниже 9‰. В рассказовском приходе в 1884 г. уровень брачности составил 9,4‰, как и в 1859 г., что свидетельствует о независимости показателя от земледельческих доходов жителей, хотя перенаселение в приходе было явным.

Рост смертности в рассказовском приходе следовал за ростом рождаемости, но «догнал» уровень рождаемости лишь в начале 1840-х гг. и его колебания составили 400-500 случаев в год. Сравнение уровня смертности в селе с аналогичным данными других сел дало совпадение до 1840-х гг. Затем начался слом циклической природной привязки к урожаям. Общие коэффициенты смертности в приходе составили 12,4‰ для 1816 г. (явный недоучет младенческой смертности), 29,0‰ – 1833 г., 43,1‰ и 49,0‰ – 1858 и 1859 гг., 43,4‰ – 1862 г. Подобный уровень смертности считается сверхвысоким. Уровень смертности в приходе с середины 1850-х гг. приближался к российским городским показателям сверхвысоким показателям того времени, но городского уровня не достиг.

Таким образом, демографические показатели торгово-промышленного села являют интересную модель перехода от сельского к городскому типу поселения, с высокими показателями рождаемости и смертности и нарушением привязки к природным циклам в брачном поведении.

С.В. Першин, Т.А. Першина
(Саранск)

Изменение родственного состава крестьянской семьи Среднего Поволжья в первой половине XIX в.: историография проблемы

В число первоочередных задач при исследовании общества входит анализ одного из основных социальных институтов – семьи. Представляя собой

важнейший элемент социальной среды, семья выполняет функции воспроизводства и социализации новых поколений. В семейных коллективах происходит передача норм общественной жизни, нравственных традиций и опыта хозяйственной деятельности.

О необходимости изучения региональных особенностей семейной структуры еще в 1981 г. заявил известный ученый В.А. Александров. По его мнению, реальная перспектива установления общего и особенного в типологии семьи в разные периоды истории феодального общества могла возникнуть только после проведения исследований, в которых будут анализироваться особенности состава семейных коллективов, функционировавших в разных регионах огромной страны, отличающихся друг от друга климатическими условиями и особенностями хозяйственного освоения.

Первые опубликованные в научных сборниках статьи, имевшие важное значение в плане актуализации проблематики, определения основных направлений и становления методики исследования, были не лишены некоторых недостатков и неточностей. Так, например, рассмотревший историю крестьянской семьи более чем за четыре столетия А.А. Столяров пришел к выводу о том, что с XVI до первой половины XIX в. господствовали малая и неразделенная семьи. Какой-либо закономерности преобладания каждой из форм ученый не установил.

Н.П. Денисова пришла к выводу о ведущем значении малой и ослаблении позиций усложненных форм семьи к середине XIX в. у чувашей. При этом ранее в своей публикации Н.П. Денисова упоминала о том, что сравнение данных ревизских сказок 1858 г. со сведениями ревизии 1816 г. по Цивильскому уезду продемонстрировало возрастание удельного веса неразделенных семей за счет сокращения количества малых индивидуальных.

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. появляется ряд достаточно добротных исследований, основанных на первичных материалах переписей податного населения, посвященных анализу родственного состава семьи отдельных народов Поволжско-Приуральского региона – удмуртов (М.В. Гришкина), мордвы (С.Д. Николаев), татар (В.Н. Семина) и др.

Новый этап историографии исследуемой проблемы, связанный с рядом качественных изменений, начинается в конце XX века. Семья в это время анализируется не только этнографами, но и специалистами в области исторической демографии, социальной и экономической истории. В результате происходит расширение круга рассматриваемых вопросов, обновляется методика и методология исследований. Так, например, Н. М. Арсентьев, используя компьютерные программы обработки данных, установил зависимость родственного, поколенного и возрастного состава семейных коллективов от экономического положения и правового статуса населения, сравнил структуру семьи горнозаводских крестьян и рабочих. Изменение состава

ва крестьянской семьи в новых социально-экономических условиях было исследовано В.В. Щербаковым.

На наш взгляд, определенные перспективы в развитии данного направления исследований связаны с тем, что учеными предприняты попытки сравнения структуры семьи различной социальной и этнической принадлежности, определения закономерностей трансформации семьи в конкретных исторических условиях. С.Д. Николаев в своих публикациях показал общее и особенное в типологии и структуре крестьянской семьи Волго-Вятского региона, а также эволюцию семейных коллективов мордвы и татар по материалам переписи 1816 г. Авторы тезисов анализировали основные изменения семейной структуры крестьянства мордовского края в дореформенный период.

Д.А. Черненко, Д.А. Хитров
(Вологда, Москва)

Тенденции в развитии феодального землевладения в Центре России в XVII-XVIII вв.

Общеизвестно, что феодальное землевладение было одним из основных, несущих институтов феодального общества. В значительной степени именно его развитие определяло эволюцию и социальный облик важнейших сословий русского общества, прежде всего дворянства и крестьянства. Без изучения землевладения невозможно подлинное понимание таких институтов, как крестьянская община, крепостное право, многое остается неясным в демографическом развитии той эпохи.

Настоящий доклад посвящен исследованию эволюции дворянского землевладения в историческом центре страны на протяжении XVII-XVIII вв. на основе сопоставительного анализа материалов двух крупнейших поземельных кадастров XVII-XVIII вв. – писцовых книг 20-х – 40-х гг. XVII в. и Экономических примечаний к Генеральному межеванию.

Отправной точкой исследования является создание репрезентативной коллекции примеров эволюции конкретных феодальных владений в XVII – XVIII вв. Анализ и последующая типологизация этих многочисленных примеров позволяют выявить факторы концентрации или дробления земельного фонда. Данный подход, во-первых, выдвигает на первый план в изучении феодальной земельной собственности в России типичное (среднее и мелкое) владение, которое, как ни странно, до сих пор не было предметом комплексного анализа; во-вторых, предполагает переход от описательно-статистической характеристики к выявлению факторов устойчивости или распада таких владений в длительной исторической перспективе.

Территориальные рамки исследования охватывают исторический центр Российского государства. Для анализа выбраны: в южной части – Алексинский уезд, в Подмосковье – Дмитровский уезд, в пределах Владимирского ополья – Суздальский уезд, в Верхнем Поволжье – часть станов уезда, в северной части – часть станов Вологодского уезда.

В ходе исследования созданы модели эволюции землевладения для каждой из исследуемых территорий.

К началу XVII в. на всех рассматриваемых территориях, кроме, может быть, Алексинского уезда, мы имеем сложившиеся хозяйственные комплексы с весьма четко определенными границами. Эта территориальная структура оказалась исключительно устойчивой, перераспределения земель между комплексами впоследствии не происходило. Доминирующей тенденцией в их развитии было дробление. Обратная тенденция проявляется слабо и во всех случаях связана со спецификой чисто местных условий – например, близостью к столице в Дмитрове и особенностями землевладения служилых татар в Романове.

В то же время само дробление, как показало проведенное исследование, было несвободно от существенных ограничений.

Чаще всего результатом раздела становилось возникновение совладения – в одном поселении оказывались дворы крестьян, принадлежавших разным хозяевам. При этом при совершении любых операций с землей владелец вынужден был считаться с существованием общинной системы землепользования с ее принудительным севооборотом, разорвать круг которого с тем, чтобы размежевать земли, зачастую было практически невозможно. В этом случае оставалось одно – делить крестьянские дворы, то есть, в сущности, получаемую с них ренту, откладывая раздел земель на неопределенный срок и передавая управление земельным фондом в руки общины.

Существенные местные особенности развития определяются особенностями систем расселения и интенсивностью процессов хозяйственного восстановления в послесмутное время.

А.Н. Жеравина
(Томск)

Историография аграрной политики на кабинетских землях Сибири (середина XVIII – первая половина XIX вв.)

Основное содержание аграрной политики Кабинета с 1747 г. на Алтае и с 1787 г. в Восточном Забайкалье определялась необходимостью обеспечения мастеровых и служащих провиантом, казенных лошадей – фуражом.

Данная проблема, поставленная применительно к Алтаю ещё Н.М. Зобниным, приобрела наибольшую значимость в 60-е гг. XX в. в период подготовки и написанию многотомной «Истории Сибири». Тогда был сделан вывод о закупках провианта у крестьян в приписной деревне по рыночным или близким к ним ценам (М.М. Громыко), возникло суждение о более высоком, чем в Европейской России, уровне товарности зернового хозяйства на Алтае уже в XVIII (Г.П. Жидков).

Позднее с обнаружением новых материалов появилась возможность сделать бесспорный вывод о принудительных поставках крестьянами провианта по ценам значительно ниже рыночных (А.Н. Жеравина, З.Г. Карпенко). Тогда же было установлено сохранение их на тех же условиях до середины XIX в. (С.С. Лукачев, В.А. Волчек, И.В. Побережников). Однако расхождения в оценке характера поставок и уровня товарности зернового хозяйства продолжают сохраняться (Г.П. Жидков, С.С. Лукичев, В.С. Кузнецова).

Кабинет обоснованно исходил из того, что для выполнения поставок провианта все крестьяне должны заниматься хлебопашеством. Но, несмотря на, казалось бы, самые решительные и хорошо продуманные меры по отношению к безлошадным и беспосевным крестьянам, ежегодно в приписной деревне они не переводились.

В снабжении заводов и рудников провиантом и фуражом и в Восточном Забайкалье крестьяне участвовали принудительно в виде внесения отсыпного хлеба и обработки заводской пашни. Это сохранялось более двух десятилетий после отмены в Сибири для государственных крестьян десятинной пашни и хлебного оброка.

Основная ставка Кабинета в начале XIX в. делалась на расширение заводского хлебопашества за счет ежегодного увеличения числа занятых на заводской пашне крестьян. Но к началу 30-х гг. ему пришлось от своих планов отказаться. Это привело к заметному увеличению размера посевов в крестьянском хозяйстве (Т.И. Агапова, Г.П. Жидков).

Составной частью аграрной политики на Алтае явилось отношение Кабинета к самовольным переселениям крестьян внутри заводского ведомства. Одни авторы по материалам ревизских сказок пришли к заключению о праве крестьян свободно переселяться без ведома начальства при его невмешательстве в их хозяйственную деятельность (М.М. Громыко, Г.П. Жидков). Другие авторы, исследовавшие практику повседневной деятельности органов управления приписной деревней, установили не только отсутствие свободы крестьянских переселений. Или установлены многообразные методы наказаний по отношению к самовольно переселявшимся крестьянам, а также к их односельчанам, представителям сельской администрации и даже земским управителям, допускаяшим нарушение запрета переселений (Ю.С. Булыгин, З.Я. Бояршинова, А.Н. Жеравина, К.В. Русаков, В.А. Волчек).

Существенные расхождения в оценке основных направлений аграрной политики Кабинета оказались следствием того, какие материалы были положены в основу исследования.

За десятилетия, прошедшие с 60-х гг. XX в., накоплена основательная фактическая основа, вполне достаточная для теоретических обобщений относительно основных направлений аграрной политики Кабинета в его хозяйстве на Алтае и в Восточном Забайкалье. А это, в свою очередь, имеет решающее значение для определения социальной сущности приписных крестьян кабинетского хозяйства (В.В. Пундани).

М.М. Зилькарнаев
(Уфа)

Историография аграрных проектов Оренбургской экспедиции (30-е гг. XVIII в.)

Оренбургская экспедиция представляла собой крупномасштабное мероприятие Российского государства в первой половине XVIII в. на юго-восточной окраине для реализации разнообразных задач экономического и политического характера. Условием же претворения этих мероприятий являлось дальнейшее существенное укрепление позиций правительства в Башкортостане, в том числе и реализация новой аграрной политики.

Первый исследователь края П.И. Рычков в работах «История Оренбургская» и «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии» обращает внимание на особенности хозяйства и социальную структуру различных этнических групп края. По его мнению, важной задачей правительства с середины 30-х гг. XVIII в. являлось распространение земледелия на юго-восточной окраине страны.

В исследовании В.М. Черемшанского «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях» показаны некоторые аспекты аграрной политики Российской империи по масштабному освоению новых земель. По его мнению, этот политический курс был основан и стал реализовываться еще Петром I.

В фундаментальной работе С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» уделено определенное внимание причинам организации Оренбургской экспедиции. Автор полагает, что наряду с политическими правительство пыталось осуществить и экономические мероприятия.

В монографии В.Н. Витевского «И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.» подчеркивается значение мероприятий Оренбургской экспедиции, связанных с переселением малоземельных крестьян на территорию края.

Н.В. Устюгов в работе «Башкирское восстание 1737-1739 гг.» полагает, что Оренбургская экспедиция стремилась обеспечить полное хозяйственное освоение башкирского края.

В первом томе фундаментального труда «Очерки по истории Башкирской АССР» нашей теме уделено определенное внимание. Здесь рассматриваются социально-экономическое развитие края в первой половине XVIII в. и политика правительства, организация Оренбургской экспедиции в частности. Авторы «Очерков...» верно пишут, что Экспедиция ставила целью полное хозяйственное освоение Башкирского края, использование его богатых природных ресурсов в интересах феодального государства.

В работе И.Г. Акманова «Из истории Оренбургской экспедиции» рассматриваются политико-экономические причины, побудившие правительство обратить внимание на юго-восточное направление. Автор считает, что ряд экономических мероприятий имели положительное значение для хозяйства населения Башкортостана.

Зарубежный историк Роже Порталь в работе «Башкирия в XVII-XVIII в.» обращает внимание на политику России в отношении башкир и влияние индустриализации Урала в XVIII в. на хозяйственную деятельность народов края. По его мнению, Оренбургская экспедиция интегрировала Башкирию в систему Российской экономики. Однако в XVIII в. последствия всего этого были почти незаметны, поскольку эта была первая фаза и негативные моменты в виде неурегулированных земельных отношений преобладали над положительными. Положительный эффект от материального прогресса, считает Р. Порталь, принесенного покорителями, в то время был незначителен.

Таким образом, исследователи проделали определенную работу по теме, однако не все ее стороны нашли отражение в исторических работах.

А.И. Акманов
(Уфа)

Исследователи XIX – начала XX вв. о Генеральном межевании земель Российской империи

Генеральное межевание земель Российской империи было крупнейшим мероприятием государства в сфере учета землевладения. Оно было проведено во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Первые исследования появились к моменту его завершения в 40 гг. XIX в. В работах А.Ф.Малиновского и П.И.Иванова отмечается, что межевание должно было установить границы земельных владений с соответствующим их юридическим оформлением, а также сбор сведений хозяйственного характера. Авторы указывают на основной принцип межевания по «дачам», который мог

объединить ряд владений. Исследователи указывают на правила Генерального межевания для решения земельных споров, когда учитывалась беспорность границ владений до 1765 г. Только в случае отсутствия согласия между сопредельными владельцами отвод земли осуществлялся на основе старинных владельческих грамот. Авторы отмечают, что важным побудительным средством властей к скорейшему размежеванию была полная отдача примерной земли тем владельцам, которые разграничат свои участки без споров.

В коллективной работе «Материалы для преобразования межевой части в России» (СПб., 1868) обращено внимание на цели и задачи Генерального межевания. Данное мероприятие должно было обеспечить урегулирование земельных отношений для многих владельцев при отсутствии споров с соседями. В книге подчеркивается предварительный характер Генерального межевания. Большое внимание здесь уделено организационной структуре межевых учреждений и их конкретным функциям.

К.П. Победоносцев в своем курсе гражданского права видел одну из основных задач Генерального межевания в изъятии излишних угодий от частных владельцев в казну. По его мнению, авторы межевого законодательства поступили верно, отказавшись от принципа проверки старинных документов на землю. Он считал, что удачно использованный принцип Генерального межевания – определение границ окружных дач селений и пустошей – обеспечил достижение цели этого мероприятия только отчасти. Основной помехой было то, что в границах каждой окружной дачи находилось по несколько владельцев, владевших ею в неопределенных границах. Поэтому Генеральное межевание явилось, по мнению автора, своеобразным промежуточным этапом длительного процесса земельного обустройства.

В монографии И.Е. Германа анализируется содержание основных законодательных актов межевания – это манифест от 20 сентября 1765 г. о начале Генерального межевания, инструкции землемерам, межевым канцеляриям и конторам. Определенное внимание в работе уделено структуре и функциям межевых учреждений. Автор касался и некоторых аспектов проведения Генерального межевания в отдельных регионах Российской империи.

В книге С.Д. Рудина манифест 1765 г. о начале Генерального межевания оценивается как новая эпоха в земельной политике царского правительства, ибо был отвергнут прежний принцип проверки права владения и введен новый подход – беспорность границ до 1765 г. Другими новшествами были: межевание земель по названиям селений и пустошей, которые образовывали отдельные окружные дачи; власть землемеров оказалась ограниченной при решении споров, так как функции исполнительных органов были переданы межевым конторам, Межевой канцелярии и Межевому департаменту Сената. Автор считает, что важнейшим достижением Генерального межевания было урегулирование конфликтов о примерных землях.

Отечественная историография участия государственных крестьян Поволжья и Приуралья в Уложенной комиссии Екатерины II

Изучение разных регионов и различных сословных групп остается важным условием для воссоздания прошлого нашей страны во всей его полноте. Без учета роли государственных крестьян в хозяйственной, общественной и политической жизни страны невозможно понимание проблем российской истории XVIII в. в целом. Важнейшим источником в этой связи являются материалы Уложенной комиссии, созданной в 1768 г., которые включают документы о выборах крестьянских депутатов, составленные для них указы, их выступления и письменные предложения. Не касаясь обширной и хорошо известной историографии наказов и требований крестьян Севера, Черноземья, Урала и Сибири, остановимся на исследованиях, посвященных Поволжью и Приуралью. Совместное рассмотрение двух регионов объясняется наличием схожих черт в развитии, а также неопределенностью и подвижностью границы между ними.

Первым обратил внимание на указанные источники С.М. Соловьев, а доступными ряд из них сделали публикации в Сборниках РИО, предпринятые Д.В. Поленовым и В.И. Сергеевичем. Выходившие в XIX – начале XX вв. труды, которые использовали эти материалы, были посвящены в основном самой Уложенной комиссии или положению крестьян в России в целом (В.И. Семеvский, А.Е. Пресняков, В.Н. Бочкарев, А.В. Флоровский, В.О. Ключевский, Н.Н. Фирсов и др.). Специально участию населения, в основном нерусского, Поволжско-Приуральского края в этой комиссии посвятил исследование С.Ф. Ташкин.

В советское время данные наказов указанного региона в качестве иллюстративного материала использовали в работах по истории России в целом, отдельных ее республик и областей П.К. Алефиренко, И.Д. Кузнецов, В.Д. Дмитриев, Е.И. Индова, Н.В. Устюгов и другие. После капитального труда Н.М. Дружинина о государственных крестьянах растет интерес в историографии конца 1940-х – начала 1980-х гг. к этой категории населения, в частности к их наказам и представителям в Уложенной комиссии. Однако в исследованиях Ф.И. Лаппо, Л.В. Гентшке, В.И. Макарова, М.Н. Мартынова, Е.Г. Гороховой, А.В. Камкина и прочих рассматриваемый нами регион не был рассмотрен. Положение несколько исправили работы М.Т. Белявского по крестьянскому вопросу в XVIII в., в т.ч. по обсуждению его в Уложенной комиссии, но и в них материалы по Поволжью и Приуралью привлечены в ограниченных рамках.

Автор данной статьи в своих работах рассмотрела состав и численность территориальных и сословных групп данной категории населения, выявила и проанализировала сохранившиеся документы по его участию в этом законосовещательном органе. Значительное внимание было уделено также сопоставлению материалов Уложенной комиссии с другими источниками: ревизскими сказками, данными Генерального межевания, устными преданиями и т.д.

Вопросы, связанные с положением государственных крестьян и других категорий земледельческого населения Поволжья и Приуралья продолжают исследоваться. Значительное место занимает изучение наказов, дополнений к ним, поданных от отдельных национальных и региональных групп крестьян. Прежде всего назовем Н.М. Кулбахтина, А.Г. Иванова, С.С. Волкова.

Давняя и богатая историографическая традиция изучения участия крестьян в подготовке и работе Уложенной комиссии Екатерины II вовсе не означает того, что эта тема исчерпана как в целом, так и в отдельных аспектах. Происходит расширение круга источников, применяются новые способы их анализа, изменяются принципиальные методологические подходы к их трактовке.

Ю.Н. Смирнов
(Самара)

Историография правительственной политики и народного движения в ходе аграрного освоения юго-восточной окраины Европейской России во второй трети XVIII – середине XIX вв.

Создание в 1851 г. обширной Самарской губернии на левобережье Волги завершило важнейший этап в освоении юго-восточной окраины Европейской России – лесостепного и степного Заволжья. Нижней хронологической гранью данного этапа стали 1730-е гг., когда началось целенаправленное проведение государственной политики по заселению этих обширных пространств, ведущую роль в котором играло многонациональное крестьянство и близкие к нему группы оседлых земледельцев: казаки, отставные военнослужащие и т.п.

Изучение этих процессов начинается “Историей Оренбургской”, написанной П.И. Рычковым более 250 лет назад, переизданной с новыми оценками и комментариями И.В. Кучумова и Ю.Н. Смирнова.

В числе продолжателей рычковской традиции изучения заволжских земель в составе Оренбургского края отметим И. Жуковского, И. Дебу, М. Свирилина, В.Н. Витевского. В работах советского времени, особенно в

трудах Ю.С. Зобова и Ю.М. Тарасова, также представлен ценный материал о заселении и освоении территорий Заволжья, входивших в Оренбургскую губернию, после окончания действия Оренбургской комиссии и до образования Самарской губернии.

Заселение южных земель Заволжья, не вошедших в Оренбургскую губернию изучалось в первой половине XIX в. К.Ф. Германом, А.Я. Сафоновым, А.Ф. Леопольдовым и другими саратовским чиновниками, статистиками, историками. Эти труды продолжали сотрудники Саратовской ученой архивной комиссии А.А. Гераклитов, А.А. Голомбиевский, Н.Ф. Хованский, А.Н. Минх, а затем советские исследователи А.В. Сергеев, В.А. Осипов, И.Ф. Мальцева, М.В. Булычев и проч. Вместе с южными западные уезды Заволжья рассматривались в работах советского времени, как правило, в рамках заселения и развития Поволжского региона П.Г. Любомировым, А.В. Клянкиным и др. В них, как и в общероссийских историко-демографических исследованиях А.Г. Рашина, В.М. Кабузана, В.К. Яцунского, Я.Е. Водарского применялись критерии районирования без учета сопоставимости данных двух половин XIX в. и целостности Заволжья, отчего его уезды в разное время считались в составе разных регионов.

Публикации по поставленной теме в научных сборниках, материалах конференций историков, в краеведческих трудах, а также ряд диссертаций затрагивали важные вопросы формирования земледельческого населения, в т.ч., его этнический (Т.И. Ведерникова), сословный (И.М. Васильев), профессиональный (А.С. Ряжев), семейный (А.А. Ларичев) состав. Удачными примерами современных коллективных исследований, в которых освещались вопросы освоения Заволжья, стали обобщающие труды по истории Самарского края. В их разделах по XVIII-XIX вв., написанных Л.М. Артамоновой, Э.Л. Дубманом и другими исследователями, удалось сочетать на новом теоретическом уровне и расширенной источниковой базе внимание к политико-административным вопросам (дореволюционная традиция) с социальной и хозяйственной проблематикой (советская традиция) процесса заселения и освоения этой окраины страны.

Иностранная литература по теме примечательна тем, что не обособлена от российской исторической науки. Зарубежные исследователи, затрагивавшие вопросы освоения заволжских земель, получили возможность представить результаты своих интересных и ценных исследований на русском языке (Г.Г. Нольте, А.С. Доннелли, Коити Тоёкава, А. Кашелер, С.Д. Сереньи, Р.А. Уэйд).

Итоги изучения аграрного освоения Заволжья в обозначенных пространственных и временных рамках не являются окончательными. Они отмечают промежуточный рубеж, достигнутый историографией темы в начале XXI века.

Сельскохозяйственное производство в округах военных поселений и пахотных солдат в новейшей отечественной историографии

Подлинно научное изучение истории военных поселений российской армии, основанное на анализе разнообразных источников, и, в первую очередь, документальном материале, началось в 1980-х гг. Исследованию подвергались различные аспекты функционирования этого весьма противоречивого института самодержавия, причем, авторы, как правило, пытались рассматривать их в динамике. Изучение проблемы началось с анализа отдельных округов военных поселений, дислоцированных в различных регионах страны (работы Ю.А. Блашкова, А.С. Тургаева, Т.Н. Кандауровой, К.М. Ячменихина). В середине 1990-х гг. К.М. Ячменихин, на основе имеющихся данных и вводя в научный оборот новые, преимущественно архивные, источники, попытался нарисовать общую картину истории военных поселений за весь период их существования.

Одной из наиболее интенсивно разрабатываемых проблем истории военных поселений был сюжет, связанный с динамикой сельскохозяйственного производства (работы А.С. Тургаева, Т.Н. Кандауровой, К.М. Ячменихина). Анализу подверглись все его стороны: зерновое производство, животноводство, сопутствующие промыслы. Тема оказалась настолько увлекательной, что за последнее десятилетие появилось довольно много работ, авторы которых в той или иной степени затрагивали эти сюжеты (А.А. Колесов, В.Л. Цубенко), некоторые работы носили явно компилятивный характер (В.А. Ананьев), а диссертация О. В. Матвеева является откровенным плагиатом.

В результате проведенного исследования (Т.Н. Кандаурова успешно применяет различные методы количественного анализа) были получены следующие данные:

– посевы зерна на душу населения (в среднем за весь период) в округах военных поселений и пахотных солдат составляли: Украинские военные поселения – 0,45 четв. озимые и 0,66 яровые; Новороссийские – 0,48 и 0,65 четв. соответственно; Киевской и Подольской губ. – 0,38 и 0,39 четв.; Новгородской губ. – 0,45 и 1,10 четв.; Витебской и Могилевской губ. – 0,43 и 0,68 четв.;

– сборы зерна на душу населения (в среднем) составляли: Украинские военные поселения – 2,14 и 3,39 четв.; Новороссийские – 2,06 и 2,68 четв.; Киевской и Подольской губ. – 2,20 и 1,63 четв.; Новгородской губ. – 2,28 и 3,83 четв.; Витебской и Могилевской губ. – 1,62 и 2,25 четв.;

– средняя урожайность (в среднем в самах) составляла: в Украинских военных поселениях – 4,8 и 5,0 (соответственно); Новороссийских – 4,2 и 4,0; Киевской и Подольской губ. – 5,8 и 4,1; Новгородской губ. – 5,0 и 3,4; Витебской и Могилевской – 3,7 и 3,4;

– насыщенность хозяйств рабочим и продуктивным скотом (в расчете на 100 душ м. н.) составляла: в Украинских военных поселениях – лошадей – 17,6, волов – 54, коров – 69 голов; Новороссийских поселений соответственно – 11,2, 55,5, 87,8 голов; Киевской и Подольской губ. – 20, 50,5, 64,9 голов; Новгородской губ. – лошадей – 59,4, коров – 178,6; Витебской и Могилевской – 48,6 и 190,2 голов.

Эти показатели превышают аналогичные показатели у других категорий крестьянства, что свидетельствует о более динамичном развитии сельскохозяйственного производства в округах военных поселений и пахотных солдат и более высоком уровне жизни военных поселян.

А.Н. Долгих
(Липецк)

Указ о вольных хлебопашцах: попытка реанимации

Как известно, указ 20 февраля 1803 г. о вольных хлебопашцах, призванный открыть новые возможности для освобождения крестьян, имел незначительные результаты на практике, одной из причин чего были недостатки самого акта. Обнаруженные нами в РГИА черновые документы позволяют выяснить, каким образом в начале царствования Николая I правящая бюрократия пыталась его реанимировать. Они были переданы для изучения по решению императора графу В.П. Кочубею 21 января 1830 г. В одном из них (под грифом «секретно») говорилось, что «сие учреждение имело мало успехов» по ряду причин: слово «свободные» придало этому состоянию одиозный вид в глазах дворянства, чего надо было избегать; формы «увольнения» крестьян были «слишком затруднительны»; немногие крестьяне имели «довольно способов откупиться за наличные деньги» даже при «платеже постепенно всего своего долга»; наконец, автор сомневался в том, «довольно ли зрелы крестьяне наши, чтоб поступить в состояние, в котором не платят податей».

Предлагалось поэтому разрешить отпускать крепостных владельческих крестьян с платежом «вечного поземельного оброка и с приплатою условленного капитала»; им должны быть отданы «твердо обмежеванные земли», и крестьяне поступали «под губернское и земское управление»; для обеспечения платежа оброк (в виде выплат «серебром или хлебом») должен быть умеренный и не свыше казенного – 10 рублей с души, «однако с раскладкою не по душам, а за всю установленную общественную землю раз навсегда»;

дозволялось отпускать крестьян на волю целыми селениями и даже дворами, «но с отдельною частию земли», в том числе и леса. Крестьянским обществам дозволялось разделять земли по дворам, положив при этом «пределы делимости»; можно было отпускать крестьян «с платежом, вместо денег или хлеба – работою по весьма умеренным размерам (1 – 1,5 дня в неделю, «без кумутации работ») с выплатой определенной денежной суммы. Крестьян, заложенных в банках, предлагалось отпускать «в казенные крестьяне», но при этом они «должны платить помещику вознаграждение по условию», а банковский долг должен быть списываться с крестьян с процентами (5 или 6 %, видимо, за год). Вопрос о том, как поступать в случаях возможных недоимок крестьян, оставался нерешенным, последнее должно было зависеть «от ближайшего усмотрения». Предполагалось «в случае вечного денежного оброка» помещику обратить часть его, «на 37-летних правилах, для уплаты банкового долга, но тогда должен оставить долгу на душе не более как от 100 до 120 рублей» с принятием мер «на случай неисправности».

По мнению создателя проекта, этими способами «достигнуть можно того, что постепенно откупится большая часть крестьян», особенно если иметь в виду идею автора о предоставлении крепостным права движимой собственности. На основании этих предложений были созданы особое «Положение о покупке крестьянами у своих помещиков земли» и проект указа Правительствующему сенату.

Из архивного дела неясно, какова была дальнейшая судьба проекта, хотя он вполне корреспондируется с идеями, высказанными Комиссией составления законов Государственного совета в связи с делом об отпуске на волю по духовному завещанию крестьян помещика Кузмина, рассматривавшимся в Совете в 1824 г., и с некоторыми чертами позднейшего указа 1842 г. об «обязанных крестьянах».

В.А. Иванов
(Калуга)

Виды и размеры душевладения служащих-дворян местных органов управления России в середине XIX в.

Одним из важнейших для характеристики социального облика русского чиновничества разных уровней является вопрос о его имущественном положении и, в первую очередь, обеспеченности крепостными и землей. Имущественный ценз определял не только место чиновника в сословной структуре общества, но и оказывал действительное влияние при продвижении по служебной лестнице.

Предметом исследования является чиновничество дворянского происхождения, занимавшее различные должности в структурах местной власти Московской и Калужской губерний в конце 40-х – начале 50-х годов XIX в.

Основным и наиболее аутентичным источником для изучения материального положения гражданских служащих служат формулярные списки, в графы которых вносились подробные сведения как о наличии родового и приобретенного имущества у самого чиновника, его родителей, жены, так и о получаемом им денежном содержании. В общей сложности выявлено и статистически обработано 863 формулярных списка служащих-дворян московских и калужских губернских, уездных и городских присутственных мест от губернатора до канцелярских служащих.

При определении имущественного ценза служащих местной администрации в основу положено землевладение, размер которого исчисляется по числу душ крестьян м. п., что являлось до 1861 г. основным и сопоставим показателем материальной состоятельности поместного дворянства. Владение крепостными подразделяется на владение чиновника, его родителей, жены, чиновника и жены (если крепостных имели оба), нераздельное владение с братьями и сестрами. Имущество чиновника не отделенное от имущества родителей учитывается как собственность его самого. При определении размера землевладения все его виды – родовая, приобретенная, смешанная (родовая и приобретенная) собственность чиновника и его жены, а также родителей (при отсутствии других наследников), рассматриваются как единое целое – владение чиновника. Если имение находилось в совместном владении с братьями и сестрами, то размер его уменьшался на число прямых наследников. При отсутствии в источниках точных указаний на число братьев и сестер в расчет принималось их минимальное число – два брата и две сестры.

Установлено, что на службе в московской гражданской администрации помещики составляли 40,2 % от учтенного числа служащих-дворян, т. е. менее половины, в калужской – 59,2 %. Из них у 2,9 % московских и у 10 % калужских чиновников крепостные числились за женой, т. е. считались приобретенными браком.

Приблизительно $\frac{3}{4}$ всех помещиков, служивших в местной администрации, являлись обладателями родовой, либо родовой и приобретенной собственности (в московских присутствиях соответственно: 49,7 и 24,6 %, в калужских – 50,0 и 28,5 %), т. е. принадлежали к родовому дворянству. Цифры показывают, что практика приобретения потомственными дворянами имущества покупкой (в царствование Николая I практика раздачи крепостных была прекращена) не получила сколько-нибудь широкого распространения в дореформенное время прежде всего из-за экономической несостоятельности большинства представителей высшего сословия, в среде которого

был значительный удельный вес неимущего элемента. Ничтожным был и процент помещиков, приобретших имущество путем браков.

В московских учреждениях помещики, владевшие менее 100 душами м.п. составляли 64,9 % всех душевладельцев, имевшие от 101 до 500 душ м.п. – 25,6 %, а крупнопоместные (более 500 душ) – 9,5 %. В калужской администрации указанных категорий помещиков насчитывалось соответственно: 71, 25 и 4 %.

Таким образом, в местном звене управления преобладали мелкие душевладельцы, владевшие крепостными наследственно. Местное столичное чиновничество отличалось от провинциального значительной долей в его рядах крупных и крупнейших помещиков и меньшим числом мелкопоместных дворян.

Т.Н. Кандаурова
(Москва)

Социальная структура кавалерийских военных поселений в XIX в.

Военные поселения в России в XIX в. стали основой для формирования новой социальной группы российского общества – военных поселян. Создавая новый институт, государство изменило правовой статус, социально-экономическое и социокультурное положение государственных крестьян и казаков, а также старослужащих солдат в отдельных регионах, что привело к формированию особого военно-земледельческого сословия в позднефеодальный период. Военные поселяне выполняли особые обязанности по обеспечению продовольствия действующих частей и устойчивого развития хозяйственной базы армии.

Социальная структура военных поселений кавалерии отличалась определенной дифференциацией и включала в себя несколько микро групп населения: военные поселяне-хозяева, помощники поселян-хозяев, кантонисты, необмундированные коренные жители, служащие и неслужащие инвалиды, непоселенные чины. Каждая социальная группа в поселенных округах имела свои права, обязанности, ролевые функции, закрепленные законодательно. Военно-поселенный состав полковых округов делился на три части: хозяйственную, резервную и действующую. Второй отличительной чертой социальной системы поселений была жесткая иерархичность ее построения с соподчиненностью и дисциплиной, что определялось приоритетом в ней поселянина-хозяина и его руководящим положением в социально-экономической структуре. Военно-поселенная система также была закрытой в связи с особым положением и назначением данного института, а, следовательно, и оторванной от других социальных групп. Государство контроли-

ровало жизнь в округах, предоставляя всем категориям поселян определенные социальные гарантии и льготы, а также достаточную материальную базу для устойчивого развития хозяйственной системы.

При дифференциации населения в поселенных округах учитывались следующие факторы: возраст, хозяйственная состоятельность и наличие рабочего скота, а также здоровье, возможность исполнять определенные служебные обязанности, родственные отношения между членами поселянского хозяйства. Распределение поселян по отдельным группам военно-поселенного образования осуществлялось при передаче территорий в военное ведомство и организации округов поселения. Одновременно создавалась хозяйственная база округов поселений кавалерии, основным звеном которой было военнопоселянское хозяйство. Данная хозяйственная единица округов формировалась посредством объединения семейств и хозяйств военного поселанина-хозяина, его помощника, приписных – неомундированных коренных жителей или инвалидов. В поселянские хозяйства также определялись солдаты-постояльцы, что давало им также дополнительную рабочую силу. Главой хозяйства был поселянин-хозяин. Дети всех военных поселян составляли группу кантонистов (младшего, среднего и старшего возрастов). Часть кантонистов проходила подготовку к службе в армии в учебных эскадронах. Кантонисты, неспособные к строевой службе, получали образование вне округов поселений и впоследствии были учителями в школах округов. Служащие инвалиды в округах несли службу при хозяйственных заведениях, учебных подразделениях, госпиталях, конских заводах. Неслужащие инвалиды проживали в семьях поселян-хозяев и выполняли поильные хозяйственные работы.

Системно-структурное социальное построение военно-поселенного института вместе с другими факторами способствовали его успешному развитию и позволяли решать поставленные перед ним задачи по обеспечению части действующей армии всем необходимым в хозяйственном отношении, а также обеспечивала все необходимые условия для обновленного социокультурного и хозяйственного развития территорий военно-поселенных округов кавалерии.

В.В. Морозан
(Санкт-Петербург)

Особенности сословного строя и социальных отношений в Бессарабии в первой половине XIX в.

Начало XIX в. не внесло сколько-нибудь серьезных изменений в общей стратегии внешней политики России, которая, как и прежде, была нацелена на расширение территориальных владений империи. При этом судьба вновь

присоединенных земель была не одинаковой и во многом зависела от их социально-экономических, этнических, религиозных и др. особенностей. Так, вошедшая в состав России по Бухарестскому мирному трактату 1812 года, Бессарабская область не могла быть просто механически включена в общую сословную структуру империи. Обладая своими особенностями, этот край требовал законодательного определения прав каждой группы населения, их круга обязанностей в отношении государства и тех привилегий, которые правительство готово было им предоставить. В отличие от весьма ограниченного числа сословных групп коренной России в Бессарабии проживал более пестрый состав жителей, «права состояния» которых были несколько непривычны для отечественных сословных норм. В частности, жители этого края разделялись на боярство, духовенство, бояринашей¹, мазылов², рупташей³, купцов, царан⁴ и других более мелких групп жителей. К этим категориям следовало бы причислить и две национальные группы: цыган и евреев, которые местными обычаями и традициями были поставлены в особые условия.

В частности, при отсутствии крепостного права в крестьянской среде края, имелась небольшая группа жителей, положение которых было сравнимо с рабским состоянием. Речь идет о цыганах, число которых составляло в момент присоединения Бессарабии к России около 7 тыс. человек. Эту особенность отмечал в 1820 г. граф А.И. Каподистрия в своем письме к генерал-лейтенанту И.Н. Инзову: «Коренное разделение жителей на вольных и рабов [в Бессарабии] кажется неуместным потому, что оное касается одного только малочисленного состояния цыган, которое равномерно удаляясь от существующих в России прав крепостных и от господствующего в Бессарабии закона личной свободы по сему самому уважению подлежит почитать изъятием из общего правила, а не основанием Бессарабского гражданского права».

Не вписывались в традиционные для России правовые рамки и социальные отношения двух основных групп Бессарабии: царан и молдавских бояр. Будучи лично свободными, царане находились в многосложной эко-

¹ Бояринаши – низший слой боярства.

² Мазылы – феодалы, отстраненные или оставившие боярскую государственную должность и платившие специальную мазыльскую подушную подать. С 1734 г. мазылы занимали низшие боярские должности и выполняли мелкие государственные поручения. С 1741 г. к мазыльскому сословию причисляли потомков бояр третьего служилого ранга, передававших это звание по наследству.

³ Рупташи – привилегированная группа населения, состоявшая из потомков высшего духовенства. В XVIII в. это сословие обязано было вносить господарскую подать, не включавшуюся в раскладку бира в селах.

⁴ Царане – основная масса крестьян, несущих в пользу государства не ограниченные законом подати.

номической зависимости от последних. Особенно тяжелым было положение безземельной части крестьян, которая была обременена непомерной массой социальных обязательств.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ 2 СЕКЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в. – 1917 г.)

М.Д. Карпачев
(Воронеж)

Столыпинская аграрная политика в освещении английской и американской историографии

Устойчивый интерес к аграрной политике самодержавия англо-американское историческое руссиеведение начало проявлять еще в довоенные годы. Крупным историографическим событием стала публикация в 1932 г. обширного и вполне доброкачественного труда Дж. Робинсона, посвященного анализу дореволюционных порядков в русской деревне. На долгие годы это исследование стало основным источником информации об аграрных отношениях в России для читателей в Англии и США. Вплоть до конца 1980-х гг. развитие англо-американских исследований шло под знаком противодействия основным постулатам советской историографии. Если в трудах С.М. Дубровского и его коллег столыпинское реформирование рассматривалось как последний и при этом безнадежный клапан сдерживания революционного взрыва, то в работах западных оппонентов преобладали оптимистические интерпретации развернувшейся в начале XX столетия модернизации аграрных отношений в России. Абсолютное большинство из них утверждало, что реформа была не только целесообразной, но и весьма результативной, а успешное ее завершение было сорвано войной и революцией. Наиболее последовательно такой подход развивали Дж. Блюм, Б. Линкольн, Дж. Павловский и др. В целом позитивно оценивали экономические и социально-политические цели реформаторов М. Конфино, Т. Шанин, Д. Аткинсон и мн. др.. И только в небольшом числе работ встречались скептические оценки результатов дореволюционного землеустройства.

Начавшийся с конца 1980-х гг. интенсивный пересмотр идеологических штампов советской историографии вызвал среди отечественных историков острые разногласия по ключевым проблемам истории аграрного реформирования. Примечательно, что видимое поражение идеологического противника отнюдь не упростило состояние зарубежной историографии. Споры далеко не окончены. По ряду важнейших направлений они только разгораются.

Сохраняются, в частности, разногласия в определении причин нового аграрного курса. С разных позиций решается вопрос о материальном положении русского крестьянства. Некоторые исследователи поставили под сомнение широко распространенный тезис об оскудении земледельческого

центра как одной из причин негативного отношения реформаторов к общине. Ряд авторов (Дж. Симс, Д. Хок, Д. Мун) обращают внимание на возросшую мобильность и новые экономические возможности пореформенного времени. Они отметили, что часть трудовых ресурсов деревни переключалась с малоодоходного земледелия на гораздо более прибыльные занятия. Эти историки не без оснований считают, что происходило снижение хозяйственной привлекательности традиционного земледелия. Это обстоятельство помимо всего прочего побудило власти встать на путь разрушения общины.

Многие исследователи полагают, что реформа была вызвана не столько бедностью деревни, сколько необходимостью сохранения статуса России как великой державы. Т. Лауз, А Гершенкрон и их последователи подчеркивают, что острая потребность в промышленной модернизации заставила правительство перейти к структурной реорганизации земельных отношений в предреволюционной России.

К числу дискуссионных относится вопрос о результатах административных усилий в проведении нового аграрного курса. Как утверждает Дж. Эйни, местные власти (особенно земские начальники) являлись не только основными, но и успешными организаторами перестройки русской деревни. Дж. Пэллот, напротив, отстаивает мнение о низкой эффективности деятельности властей. По ее оценкам, в основе столыпинского курса лежала административная утопия (основным автором такой утопии называется датский специалист А.А. Кофод) о превращении сельского строя России в совокупность крепких и экономически эффективных крестьянских усадеб. Общинное крестьянство, утверждает исследовательница, отвергло подобную утопию, вынудив реформаторов отказаться от первоначального замысла и перейти к гораздо более умеренному курсу на поэтапное землеустройство целых сельских обществ.

Не завершилась полемика вокруг вопроса о жизнеспособности крестьянской общины. Как полагают Э. Кингстон-Манн и Дж. Пэллот, общине не были чужды экономические новшества и ее ресурсы в начале XX в. не были исчерпаны. Хозяйственную и культурную отсталость русской деревни, по их мнению, определяла не община, а архаичная структура российского общества в целом. По мнению многих западных специалистов, перспективы плодотворной разработки ключевых проблем аграрной истории России следует искать на путях развития региональных исследований.

Земельная политика П.А. Столыпина и крестьянская община: дискуссионные аспекты в современной историографии

В истории разработки и осуществления столыпинской аграрной реформы существует немало вопросов, ставших предметом нескончаемых споров между исследователями. Деидеологизация исторической науки и переосмысление прошлого России в последнее десятилетие минувшего века способствовали расширению спектра оценок характера, содержания, результатов и перспектив земельных преобразований П.А.Столыпина в историографии. Как следствие, в ряде трудов были предприняты попытки скорректировать уже, казалось бы, общепринятые взгляды на многие аспекты аграрного реформирования 1907–1916 гг.

В целом, для исследовательской литературы XX в. характерно акцентирование антиобщинной направленности столыпинской реформы. Однако в начале наступившего столетия увидели свет монографические труды, авторы которых, не отрицая дестабилизирующего воздействия земельной политики П.А. Столыпина на положение «мира», тем не менее, обращают внимание и на её компромиссные стороны. К числу последних, как считает О.Г. Вронский, следует отнести включение в законодательство норм, существенно усложнявших процедуру выхода из общины отдельных домохозяев.

Значимыми в научном отношении представляются новые подходы к изучению столыпинского землеустройства. Вплоть до последнего времени оно рассматривалось, главным образом, как орудие борьбы с общиной, индивидуализации крестьянского землепользования и целенаправленной поддержки единоличников. Между тем, констатировал В.Г. Тюкавкин, в процессе землеустроительных работ большая часть крестьянства не вышла из общины, но смогла значительно улучшить условия своего землепользования в результате ликвидации чересполосицы и мелкополосицы, сокращения дальноземелья, отграничения собственных угодий от смежных соседских владений и др.

В современной историографии была подвергнута критике и утвердившаяся ранее точка зрения, согласно которой земельная реформа подрывала развитие крестьянских агротехнических новаций в общине. Напротив, по обоснованному мнению Э.М. Шагина, реформа придала мощный импульс процессу замены традиционного трёхполья многопольными севооборотами. Хотя, для значительной части общинников, стремившихся к технологическому обновлению своего производства, непременным условием достижения этой цели становилось хозяйственное обособление, что в свою очередь,

не могло не привести к замедлению темпов агротехнического прогресса внутри общины.

Следует также отметить важный, но лишь сравнительно недавно попавший в поле зрения учёных сюжет, связанный с адаптацией земельного законодательства к уже действующим нормам корпоративного общинного права и к принципам права традиционного. Уступки в пользу мирских традиций в правовой сфере и особенностей крестьянского правосознания отчётливее всего проявились в процессе толкования и детализации законодательных норм, которые в данном контексте почти не исследовались ни историками, ни правоведами. Объективное и непредвзятое рассмотрение противоречий между общиной и претендующими на укрепление надела крестьянами показывает, что при разрешении подобного рода споров власти не только считались со сложившейся традицией, но и во многом опирались на неё.

Невнимание к указанным аспектам осуществления столыпинской реформы не только упрощает, но и во многих отношениях искажает её реальное содержание. Однако на сегодняшний день учёным-аграрникам по большому счёту ещё только предстоит их глубокое и всестороннее изучение.

Л.И. Земцов
(Литецк)

Крестьянская община и становление рыночных отношений в России (60-80-е гг. XIX в.)

Оценка роли и значения крестьянской поземельной общины продолжает оставаться дискуссионной в российской исторической науке. Сохраняется многозначность оценок, вплоть до прямо противоположных. Это связано с тем, что коллективная форма землевладения оказывала существенное влияние на социально-экономическое развитие России, итоги и тип которого оценивается исследователями по-разному. Кроме того, мир и община отражали специфику духовного состояния основной части населения России, относительно которого продолжают остриться дискуссии.

Особую сложность представляет вопрос о влиянии общины на становление рыночных отношений во второй половине XIX – начале XX века. Не выработаны общие позиции по значимым вопросам, в том числе и о роли общинного землевладения в условиях развивающегося рыночного хозяйства, о возможностях экономической деятельности крестьян при общинном землепользовании, взаимоотношении личности и коллектива в общине, в целом – о соотношении традиции и новаций.

Уже во второй половине XIX – начале XX в. началось выяснение условий хозяйственного быта сельского населения в рамках народнической системы взглядов (Н. Даниельсон, В. Воронцов и др.). Исследовалось и обычное право как регулятор деятельности общины (С. Пахман, А. Посников, Р. Качоровский, П. Вениаминов, А. Чупров, А. Кауфман и др.).

В последнее время многие исследователи высказали критические аргументы в адрес земельной практики крестьянских обществ и обычно-правовых ценностей крестьянства, утверждая, что сельское население страны «концентрировало основной пласт архаики, несовместимый с динамизмом и рыночными отношениями». В работах О.Г. Вронского, Т.В. Шатковской и ряда других исследователей сосредоточен материал, подтверждающий негативные стороны функционирования общины. На выводы О.Г. Вронского и его конкретный материал ссылался В.Г. Тюкавкин.

Правомерность некоторых негативных характеристик хозяйственной деятельности крестьян в условиях общинного землепользования не вызывает сомнений. Однако, экономические итоги деятельности хозяйств, среди которых общинные занимали решающее место, в последнее время подвергается существенному пересмотру (П. Грегори, Б.Н. Миронов).

Для оценки роли общины во внимание должны быть приняты и иные, не менее значимые обстоятельства. Ими являются обычно-правовые ценности народной жизни, определявшие поведение крестьян и в повседневной хозяйственной жизни. Главное заключается в том, что уже в 60-80-х гг. XIX вв. очевидными являются перемены в ценностных ориентациях крестьянства, демонстрирующие приспособление его к новым экономическим реалиям в рамках действующей земельной общины.

Традиционно утверждается, что функционирование общины препятствовало проявлению индивидуальных поисков отдельных представителей крестьянства. Однако, в целом ряде случаев община выступала как инструмент введения в обиход новых элементов хозяйствования, ориентированных на производство товарной продукции. Кроме того, определенное место в регулировании деятельности общины занимал крестьянский волостной суд. В основе его деятельности лежало обычное устное народное право, которое уже в 70-80-х гг. приспособлялось к новым социально-экономическим условиям.

Таким образом, расширение сферы товарно-денежных отношений в деревне было связано с изменением определяющих ценностей народа, взаимоотношений в рамках общины. Преодоление устоявшихся обычно-правовых регуляторов в условиях России рассматриваемого времени увязывалось со сменой поколений носителей традиционных ценностей, переходом от «этики стабильности» к «этике обновления».

Податная деятельность крестьянской общины Среднего Поволжья в пореформенный период

В пореформенный период одной из существенных сторон крестьянской общины была финансово-податная деятельность, критикуемая многими исследователями и публицистами в диапазоне спора между народниками и марксистами об общине и «общинном пути».

Первичным моментом податной деятельности сельских обществ являлась разверстка оклада между отдельными плательщиками. Во всех губерниях Среднего Поволжья казенные, земские и мирские сборы по общему правилу распределялись на сходе между домохозяевами по тем же самым единицам, по каким разверстывалась между ними общинная земля.

В Казанской губернии разверстка земли по ревизским душам преобладала в северных нечерноземных уездах. В уездах же черноземных – земли делились в основном по наличному населению. Казенные и земские сборы во всех уездах Самарской губернии разверстывались между домохозяевами по количеству числящейся у них земли. В Самарском и Ставропольском уездах преобладала ревизская разверстка земли. В остальных уездах земля делилась и по ревизскому счету, и по количеству мужского населения всякого возраста, или начиная с 10, 12, 15 лет и т.д.

По всем уезда Пензенской губернии разверстка земли в общинах между отдельными домохозяевами производилась по числу ревизских душ или по числу работников в семье, или же по числу наличных мужчин, без различия в возрасте. К концу XIX в. в некоторых общинах Симбирской губернии для основания раскладки принималось количество, находящейся у общин надельной земли, разделенной на пай, равнозначно на каждый пай.

Волостные сборы раскладывались во второй половине XIX в. между селениями на волостных сходах в громадном большинстве случаев по числу ревизских душ. Что касается мирских сельских сборов, то основная их часть разверстывалась на одинаковых основаниях с казенными и земскими – именно те, которыми покрывались обязательные расходы сельского общества (Ст. 179 Общего Положения). Остальные мирские сборы разверстывались нередко на иных основаниях, смотря по специальному их назначению.

В Среднем Поволжье препятствием для перехода с разверстки по ревизским душам на новые разверточные единицы служило ожидание ревизии, убеждение, существовавшее у крестьян будто землю можно одновременно с казенной ревизией. Поэтому до конца 70-х и начала 80-х годов XIX в. земельных переделов по новым основаниям почти не было. Однако тщетное ожидание ревизии в течение двадцати лет, большое несоот-

ветствие наделов с разверсточной единицей, затруднение в отбывании повинностей – все это вместе побудило, наконец, крестьян к массовому переходу в распределении земли по новым основаниям. В частности, к концу XIX в. в Казанской губернии 54,74 % общин делили землю по наличным душам, 39,15 % – по ревизским, 1,64 % – по работникам, 1,5 % – по тяглам, 0,55 % – по едокам, 0,14 % – по дворам.

В пореформенный период идея прогрессивно-подоходного налогообложения не получала поддержку в крестьянской среде: сельские общины ни один из видов обложения не соизмеряли с общей доходностью хозяйства. В факте, что раскладка податей была строго привязана к земельной разверстке, сказался традиционный взгляд на экономическое и податное значение земли как главного капитала, находящегося в распоряжении крестьян. Общая совокупность дохода двора, как основание для раскладки сборов, более чем всякое другое основание, по мнению крестьян, способно было породить злоупотребление сельских сходов.

Благодаря нарастающему аграрному перенаселению в землепользовании крестьян стало все больше и больше проявляться уравнительное начало, а передача всей земли в распоряжение общин для распределения ее между хозяйствами являлось одним из основных требований в начале XX в.

О.А. Сухова
(Пенза)

«Общинный архетип» в условиях аграрной модернизации в России

Тезис о жизнеспособности и гибкости общины, выдвинутый еще ее до-революционными защитниками, получил дополнительную аргументацию в работах П.Н. Зырянова. По мнению автора, спад движения за переделы в начале XX в., последовавший за мощным всплеском интенсивности передельной практики в 1890-х гг., нельзя оценивать лишь как «анабиоз» или «летаргию» поземельной общины. Он признает уменьшение передельной активности общины, но лишь частично связывает это с внутренними процессам, протекавшими в общине, относя к основным причинам замедления переделов, прежде всего, политику государства и отсутствие сильных неурожаяев.

Некоторые итоги длительным спорам об общине попытался подвести В.Г. Тюкавкин. Свои выводы автор основывает на официальных данных, опубликованных Крестовниковым, а также материалах фонда Земского отдела МВД, введенных в научный оборот А.М. Анфимовым и А.П. Корелиным, свидетельствовавших об отсутствии передельной практики в более чем 58% общин в 40 губерниях России. Это позволило В.Г. Тюкавкину утверди-

тельно ответить на вопрос о том, была ли столыпинская аграрная реформа подготовлена отказом многих общин от переделов. Тормозящее влияние поземельных прав общины представлено в работе в качестве аксиомы, причем, в том числе, и в интерпретации самих крестьян. Проблема переделов является, по мнению автора, первоочередной при рассмотрении хозяйственно-распорядительной функции общины, и, в конечном итоге, превращается, в своего рода, обвинительный вердикт, не оставляющий общинному мироустройству ни единого шанса на существование. Вместе с тем, В.Г. Тюкавкин допускает одну немаловажную, на наш взгляд, оговорку, признавая в принципе значение защитной функции общины, имея в виду препятствование монополизации земли в руках меньшинства, что гарантировало относительное равенство всех ее членов и спасение от окончательного разорения. Но при таком бурном росте населения, который наблюдался в России в конце XIX – начале XX вв., любой общинный фонд истощился бы, по словам автора, сравнительно быстро.

Говоря о явственно поступательном развитии российской деревни в пореформенный период, Н.Л. Роголина также в качестве главного тормоза, порождавшего социальные противоречия, называет преобладание натурального хозяйства с неправильной организацией территории, принудительным севооборотом, экстенсивным производством, переделочно-общинным землепользованием. А ведь подобная практика диктовала, в том числе, и определенное демографическое поведение. Именно из-за общинного землевладения размножение сельского населения, по мнению Н.Л. Роголиной, в среднечерноземных губерниях шло гораздо быстрее, чем в нечерноземных.

Однако подобные оценки, произвольно завышающие степень готовности крестьянского сознания к восприятию «ценностей производства и творчества, присущих свободной личности», идеализирующие собственно либеральные ценности, рассматриваемые подчас исключительно как положительный антипод архаичным варварским ценностям патриархального сознания, на наш взгляд, лишены конструктивного начала. Столь же негативными характеристиками наделяется и правосознание российского крестьянства. В этом случае за гранью исследования остается решение проблемы определения адекватности поведенческих моделей условиям и особенностям крестьянской повседневности. И если на одной чаше весов находится суждение о необходимости ликвидации рудиментарных хозяйственных отношений, то на другой – вопрос о соответствии проводимых преобразований «базовым инстинктам народа» (П. Сорокин).

Как же рассматривать проблему соотношения общины, мира, и сельского общества? Оставить ли за общинной организацией исключительно функции хозяйственно-распределительные и административно-полицейские и, согласуясь с их исчерпанием, засвидетельствовать отмирание общины к началу проведения столыпинской реформы. Или придать ей статус микро-

косма, включенного в общий (в единстве с природой) универсум, состоявшего, в свою очередь, из более мелких элементов: малой семьи, родственников, свойственников, словом индивидуумов, объединенных общностью повседневной жизни и поддерживающих личностные отношения.

Н.М. Александров
(Ярославль)

Проблема аграрного районирования пореформенной России в отечественной историографии

Изучение аграрного развития России в эпоху капитализма и его региональных особенностей занимает видное место в отечественной историографии как в силу того, что сельское хозяйство доминировало в народном хозяйстве, так и в силу того, что характер аграрных отношений оказывал огромное воздействие на другие стороны жизни общества.

Аграрное развитие в значительной степени зависит от географических условий, характера почвы, климата, состава и плотности населения. Во многом под воздействием этих факторов формируется уклад жизни и способ ведения хозяйства сельского труженика. Как показал в своих последних работах Л.В.Милов, географическая среда оказывала влияние не только на чисто хозяйственные, но на социальные процессы, в том числе и на этническую психологию.

Даже при единой внутренней политике Россия с ее необъятными просторами, разнообразием природных условий, сложным этническим составом не могла не иметь существенных различий в аграрном развитии. В связи с этим аграрное развитие как никакой из экономических процессов требует для своего изучения регионального подхода. Региональные исследования позволяют, во-первых, углубить изучение тех или иных конкретных процессов, которые сложно проанализировать сразу в масштабе всей страны; во-вторых, сопоставить эти процессы с аналогичными явлениями в других регионах и тем самым выявить общее и особенное в них.

Региональный подход эффективен лишь при научном решении проблемы сельскохозяйственного районирования. Это хорошо понимали ученые уже во второй половине XIX – начале XX вв. В стране велась интенсивная работа по хозяйственному районированию. При всем многообразии и различии в подходах вплоть до начала XX в. в работах по районированию в основу принимались преимущественно природно-климатические условия. Принцип разделения России на районы согласно природно-климатическим условиям был положен в основу работ А.Ф. Фортунатова, В.В. Винера, А.И. Скворцова и др. По мере разработки проблемы ученые все чаще стали принимать во

внимание и экономические факторы. Деление страны на районы по совокупности природных и хозяйственных признаков содержится в работах П.П. Семенова, В.Г. Бажаева, Ю.Э. Янсона, В.П. Семенова-Тян-Шанского и др. Однако и в этих работах первенство признавалась за природными факторами.

В советской литературе сельскохозяйственному районированию долгое время не уделялось достаточного внимания. Монография Е.С. Карнауховой, изданная в 1951 г., продолжительный период являлась единственной работой по этой проблеме.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. с появлением работ И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкина по аграрной типологии губерний Европейской России происходит качественный скачок в исследовании проблемы районирования страны в пореформенный период. На основе многомерного анализа авторы выявили макро- и микро-типы аграрных районов, тем самым во многом определили направление дальнейших исследований. Интересен следующий факт: несмотря на то, что в основе работы лежали экономические показатели, ученые пришли к выводу, что аграрная типология имеет ярко выраженный региональный характер и все выявленные виды сельскохозяйственных районов за отдельным исключением состоят из территориально смежных губерний. Это еще раз указывает на то, что географическая среда играла определяющую роль в развитии сельского хозяйства того или иного района.

Данное положение во многом подтверждается и материалами последних сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Особенно ярко это прозвучало при обсуждении вопроса о развитии аграрных технологий и проблеме неземледельческой деятельности крестьян, где были показаны как общие черты развития села, так и существенные отличия в жизни крестьян разных регионов пореформенной России.

В.Н. Ратушняк
(Краснодар)

Проблемы аграрно-капиталистического развития Северного Кавказа в отечественной историографии XX в.

Аграрный вопрос был одним из самых животрепещущих в предреволюционной России. Не менее актуальной аграрная проблема была и на Северном Кавказе с его многоукладной экономикой, мозаичностью этносов и природно-географических условий их обитания. Первыми исследователями земельных отношений в регионе были в основном местные чиновники, которые оценивали уровень экономического положения крестьян и казаков,

прежде всего исходя из визуальных наблюдений и с позиций своего общественного статуса. Отсюда и совершенно разные оценки, например, колонизации казачьих областей иногородним крестьянством. Одни видели в этом крестьянстве «паразитов для казачьего благосостояния» (Л. Тмутараканский), другие – важный фактор экономического прогресса края (Б. Городецкий). Одни считали причиной социальной напряженности вопиющее малоземелье горцев (В. Погожев), другие – абречество чеченцев и ингушей (Г. Ткачев). Подмеченные явления и факты и собранный ими статистический материал оказали в дальнейшем неоценимую помощь в формировании источниковой базы исследований советских историков. Последние, как известно, в своих теоретических построениях опирались на марксистско-ленинскую методологию, общественно-экономическую основу которой определяла формационная парадигма.

Теоретическая концепция капитализма XIX в. К. Маркса давала ключ (но не всегда и не везде) к пониманию стадийности развития рыночно-капиталистических отношений. Эта стадийность хорошо просматривается в многоуровневой (многоукладной) экономике Северного Кавказа на рубеже XIX и XX вв. И она нашла отражение в ряде работ северокавказских авторов (Ф.П. Тройно, Г.Г. Османов, Ю.В. Хоруев и др.). Однако широко утвердившаяся в советской исторической науке идеологема о вызревании социально-экономических предпосылок победы социалистической революции в российской деревне не обошла стороной и исследователей Северного Кавказа. Некоторые из них (Б.Х. Ортабаев, А.Д. Бесленев и др.), оперируя главным образом иллюстративным материалом, преувеличивали уровень развития капитализма в горских аулах Северного Кавказа. К числу последних относился и майкопский историк Б.М. Джимов, который доказывал идентичность социально-экономического развития горских аулов и казачьих станиц степных районов Кубани. Между тем эти выводы опровергаются данными переписей 1897 и 1917 гг. Так, сельскохозяйственная перепись 1917 г. по Кубанской области показала существенное отставание в уровне капиталистического развития горских хозяйств от казачьих. Индекс применения наемной рабочей силы у казаков степных районов был в четыре раза выше, чем у горцев. Сельскохозяйственных орудий в расчете на одно хозяйство у казаков было в среднем до трех единиц, у горцев – менее единицы. Казаки использовали тысячи паровых молотилок, у горцев их не было вообще.

Почему же происходило такое преувеличение аграрно-капиталистического развития отдельных районов Северного Кавказа? Это было связано с отсутствием системного подхода в изучении этого сложного процесса, неверным пониманием научно-понятийного аппарата исследования. Без учета четких научных дефиниций смешивались такие понятия как развитие рыночно-капиталистических отношений в земледелии, сельскохо-

зяйственном производстве, в станице, ауле. Обычно игнорировался и такой показатель капитализации земледелия как соотношение затраченного на сельскохозяйственное производство переменного и постоянного капитала. А чем рельефнее было это соотношение в пользу второго, тем выше был уровень капиталистического развития станицы, аула. Кстати, часто историки трактовали и крестьянский отход на заработки как свидетельство высокой стадии капиталистической эволюции в местах выхода. Но это явление как раз говорило о недостаточном развитии капитализма, хотя и сравнительно более высоком, чем в местах, где не было такой массы потенциальных наемных рабочих. Ш.М. Магомедов, например, подсчитал, что из дагестанских аулов в начале XX в. уходило на заработки до 70% отходников, а ведь Дагестан явно не отличался высокоразвитым капитализмом.

В целом советскими историками была проделана большая и плодотворная работа по исследованию аграрно-капиталистической эволюции Северного Кавказа, особенно ее отдельных аспектов и по конкретным районам. Это прежде всего сельское хозяйство (П.А. Шацкий, Т.А. Жакомихов, Ш.Ш. Хуранов и др.), товарный рынок региона и его связь с общероссийским и мировым рынками (Т.Х. Кумыков, В.А. Золотов, Э.Г. Алавердов и др.), расслоение крестьянства и казачества (А.И. Годючко, А.Г. Мелешко, Л.И. Фурторянский и др.), землевладение и землепользование (Г.М. Кашежева, Н.Т. Ерохин, Ф.П. Тройно и др.), столыпинская аграрная реформа (Т.П. Костина, Т.А. Невская), сельская кооперация (Г.Я. Раенко, Т.Н. Сидоренко), кустарные промыслы крестьян (О.А. Габуева, Г.Х. Мамбетов, И.М. Шаманов и др.). Создавались и коллективные работы, в которых в масштабах региона делались попытки обобщить исследованный материал. Это, прежде всего монография «Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма» вышедшая в Ростове-на-Дону в 1990 г. под редакцией А.М. Анфимова.

В 90-е гг. XX в. в силу разных причин северокавказская аграрная тематика ушла на периферию исторических исследований (одна из них – интерес к ранее табуированным темам), но она, по-прежнему, остается востребованной, актуальной и ждет дальнейшего изучения на базе апробированных современной исторической наукой методов исследования.

С.В. Беспалов
(Москва)

Причины кризиса аграрной политики правительства в восприятии российских консерваторов на рубеже 1890-1900-х гг.

На рубеже XIX – XX столетий и во властных структурах России, и в научных кругах, и в публицистике активизировалась дискуссия о характере аграрного развития страны, результатах осуществления проводившейся вла-

стями в конце XIX века аграрной политики (кризис которой становился всё более очевидным) и возможности реформирования аграрных отношений силами существующей власти как условия предотвращения революционного взрыва. К тому же, если ранее у кого-то ещё могли существовать иллюзии по поводу того, что возможно в течение длительного времени осуществлять индустриализацию, не реформируя аграрные отношения, или что развитие промышленности само по себе со временем приведёт к перестройке сельского хозяйства, то к началу 1900-х гг. несостоятельность подобных представлений стала абсолютно очевидной.

Характерно, что дебаты шли между представителями власти, либеральных кругов, неонародниками и консерваторами, выражавшими преимущественно интересы помещного дворянства. Внутри каждого из этих «лагерей» хотя бы относительного единомыслия о сути основных противоречий и проблемах аграрного сектора российской экономики не существовало. В частности, активная и весьма содержательная (во многих отношениях) полемика велась в среде российских консерваторов. При практически полном единстве мнений по вопросу о том, что одной из главных причин углубления кризисных явлений в аграрном секторе экономики является «обескровившая» сельское хозяйство правительственная политика форсированной индустриализации, по другим вопросам – о целесообразности сохранения сословной неотчуждаемости крестьянского землевладения, о необходимости и методах реформирования общинных порядков, возможности и способах государственной поддержки крупного и среднего (преимущественно дворянского) частного землевладения – консервативные политики, экономисты и публицисты дискутировали весьма активно.

Следует отметить, что в отечественной историографии ещё с советского периода преобладающим является представление (что любопытно – весьма сходное с представлениями российской либеральной оппозиции начала XX века) о том, что «антиобщинные» настроения и, соответственно, убеждение в необходимости кардинального реформирования аграрного строя России на основе индивидуализации крестьянского землевладения возобладали в среде российских консерваторов (прежде всего помещного дворянства) лишь в годы первой русской революции. Однако, по нашему мнению, уже к началу 1900-х гг. не только реформаторски настроенная часть высшей бюрократии, но и многие консервативные общественные деятели (К.Ф. Головин, С.С. Бехтеев и др.) осознали необходимость аграрных преобразований именно в этом направлении. Это было связано не в последнюю очередь с тем, что наибольших успехов аграрный капитализм достиг в сфере частновладельческого хозяйства, в том числе и дворянского. Естественно поэтому, что наиболее трезвомыслящая часть дворян-землевладельцев, осознавая свои экономические интересы, выступала фактически за ускорение государством развития капитализма в сельском хозяйстве страны и устранение

(или, во всяком случае, за создание условий для устранения в дальнейшем) остатков патриархальных отношений в российской деревне.

Л.М. Галутво
(Краснодар)

К вопросу об изучении артелей в пореформенной России (по материалам Ф.А. Щербины)

В 1881 г. в Одессе вышла в свет книга Ф.А. Щербины «Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм» – во многом пионерское исследование.

Автор конкретизировал собственное понимание сущности артелей и общинно-артельных форм как традиционных, обычных памятников прошлого; идеальных вариантов организации труда и общественных отношений, имеющих определенные перспективы развития. Подобная установка вполне соответствовала воззрениям 1860 – 70-х гг. Однако, авторская аргументация отличалась оригинальностью. В ее основе – взаимосвязь обычая с природой человека, их идентичная «физиология» и отсутствие какого-либо юридического оформления. Подобное утверждение диссонировало с встречающимся суждением известного русского юриста С.В. Пахмана о присутствии договорного союза в обычном гражданском праве Руси. Ф.А. Щербина одним из первых предложил собственную классификацию южнорусских артелей. Примечательно его убеждение в значимости трех начал – трудового, военного и капиталистического. Признавая примитивность и незначительный экономический эффект от описанных артелей, автор характеризовал их как подготовительный материал «для развития высших форм ассоциационного труда и отношений». Ф.А. Щербина собрал и систематизировал богатый фактический материал по артелям и как формам организации труда и как идеалу общественных отношений. Подобный дуализм соответствовал традициям 1860 – 70-х гг. Однако, объем и качество сделанного Ф.А. Щербиной, попытки научной классификации расширили опыт предшественников и заложили основания для более высокого уровня исследований в последующее двадцатилетие. Так, на генетическую связь артельного начала и общинного устройства указывал известный экономист А.А. Исаев. В его же работе начала 1880-х гг., равно как и в статье из энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, вышедшей в 1890 г., подтверждался общепризнанный вывод об артели как естественноисторическом развитии человеческой жизни с первобытных времен. Взаимообусловленность между национальной принадлежностью артельщиков, регионом их деятельности и продуктивностью ассоциации отмечал в середине 1880-х гг. В.П. Воронцов.

Идею о своеобразном и присущем только русскому народу сочетании индивидуалистических тенденций с артельными и общинными принципами обосновал Н.О. Осипов в 1897 г.

В 1890-е гг. Ф.А. Щербина уже по-иному оценивал неземледельческие артели. Теперь для исследователя представлялись проблематичными стихийность возникновения и примитивность сфер приложения артельного начала. Как Г.П. Сазонов, В.П. Воронцов и другие апологеты общинных порядков и артельных начал он признал вполне приемлемым их творческое развитие и приспособление к новым экономическим условиям. Но в отличие от многих своих единомышленников, Ф.А. Щербина освободился от их идеализированного восприятия, конкретизировал направления модернизации и усовершенствования «народного производства». Артельность, составляющую константу русского национального бытия, должно было сохранить как понятную, близкую большинству народонаселения основу для вживления в историческую почву новационных капиталистических элементов.

В первое двадцатилетие XX в. идея о преимуществах артельного начала как исконной черты русского народа получила значительное распространение. Идеология артельности вылилась в практику кооперативного движения. В обозначившемся споре об уровне политичности кооперативного движения, его взаимообусловленности классовыми противоречиями и соотношении кооперации с капитализмом или социализмом, Ф.А. Щербина занимал своеобразную позицию. Соглашался с Е.Д. Максимовым о противостоянии артельных начал, как особой социальной системы капиталистическому духу. Но в отличие от последнего не расценивал производственную кооперацию как современную фазу развития артели, считая, как и М.И. Туган-Барановский, их существование параллельным.

В.А. Кумпан
(Краснодар)

Аграрная политика и национальный вопрос в Российской империи: основные концепции в изучении

В Российской империи, которая была аграрной страной, проблема наделения землей и этнический статус играли значимую роль, что можно считать характеристикой государств данного типа. Основная корреляция при этом происходила через сословную структуру общества. Региональные аспекты национальной политики в аграрном вопросе подробно исследованы, как на окраинах империи, так и в центре. Выделены основные тенденции эволюции методов и целей. Не останавливаясь на сущностных характеристиках рассматриваемой проблемы, с точки зрения концептуальных подхо-

дов мы можем выделить несколько типов национальной политики в аграрной сфере: 1) этнодискриминационная политика – предполагающая ограничение во владение землей определенных народов, вплоть до запрета; 2) этнопреференционная политика – в рамках которой выделенные народы получают дополнительные права на владение землей; 3) этноэгалитарная политика – политика, не связывающая национальную принадлежность с правом на владение землей.

Можно отметить, что первые два типа политики являются «сторонами одной медали», преференции одному народу могут даваться только в ущерб другому. Различие между этими двумя типами политики может быть связано с адресностью: дополнительными правами обладает титульный этнос, речь идет о первом типе, национальные меньшинства – о втором. Основные методы, в данном контексте: наделение землей; право на приобретение, либо аренду земли; величина налогов и повинностей.

В развитии отечественной исторической науки традиционно выделяются три этапа – дореволюционный, советский и современный. Между ними существует принципиальное различие в методологии, выборе проблематики исследования и в оценке многих событий.

В дореволюционной отечественной историографии аграрная политика увязывалась с национальным фактором в рамках сословной принадлежности, служебных отличий, экономических возможностей, большое значение отдавалось региональным особенностям.

После 1917 г. в исторической литературе согласно господствующей методологии дореволюционная Россия определяется как «тюрьма народов». В настоящее время некоторые заявления этого периода, можно считать историографическим курьезом, впрочем, достаточно горьким и характеризующим эпоху. В советской историографии традиционной была точка зрения, что «свыше 57% населения Российской империи подвергалось национальному гнету со стороны царизма, русских помещиков». Данная позиция, на наш взгляд, обусловлена скорее существовавшими идеологемами периода застоя, чем имперскими реалиями. Более того, распад империи и позднее Советского Союза как мощных системообразующих компонентов привел к росту сепаратизма.

В последние десятилетия падение идеологических запретов и обострение интереса к национальной проблематике привели к буму публикаций. Первоначально с ростом национализма появилась «историко-публицистическая культура», доминантой которой были претензии к Российской империи.

В большей мере соответствует реалиям имперской России, на наш взгляд, позиция «В России все народы испытывали политический, социальный гнет, но национального гнета в смысле эксплуатации, ограбления одного народа другим, не было». Сословные права и привилегии постепенно

размывались, и в перспективе можно было бы вести речь о полноправии всех подданных российского императора, Октябрьская революция изменила вектор развития, переведя его в направление равноправия.

Т.Н. Сидоренко
(Краснодар)

Сельская кооперация Северного Кавказа начала XX века (историографический обзор)

Сельская кооперация, получившая значительное развитие в дореволюционный период, представляла собой значимое явление в социально-экономическом развитии страны. В настоящее время в условиях реформирования аграрного сектора в России вновь встает проблема создания конкурентоспособных крестьянских хозяйств. Именно кооперация представляется наиболее эффективным средством адаптации мелких и средних сельскохозяйственных товаропроизводителей в рыночной экономике и развития аграрного сектора в целом. Отсюда вытекает большое научно-теоретическое и практическое значение всего комплекса вопросов, связанных с изучением дореволюционной кооперации. Особый интерес представляет деятельность кооперации на Северном Кавказе – крупнейшем регионе развитого аграрно-капитализма в России.

В историографии темы на разных этапах прослеживаются различные методологические подходы к изучению сущности и роли кооперации в аграрно-капиталистическом развитии. В обобщающих трудах виднейших историков и теоретиков российской кооперации досоветского периода С.Н. Прокоповича, М.Л. Хейсина, Меркулова, М.И. Туган-Барановского и др. представлен достаточно широкий фактический материал о деятельности кооперативов Северного Кавказа, где кооперативное строительство приобрело значительный размах и не могло остаться без внимания исследователей кооперации. В целом, почти все исследователи дооктябрьского периода видели в кооперации орудие социального мира, форму экономической взаимопомощи большинства жителей, а некоторые – признавали антикапиталистический характер кооперации и возможность её эволюции к социализму.

Специальных работ, посвященных исследованию кооперативного движения на Северном Кавказе, в дореволюционный период было крайне мало, и написаны они, как правило, руководителями кооперативного движения. Работы В.А. Мошкова, В. Мокроуса и др., благодаря богатству статистического и фактического материала, могут представлять интерес как источники.

В первые послереволюционные годы выходят статьи П.И. Ляшенко, С. Осинского, И. Оборина, в которых впервые были выделены этапы и показана динамика развития сельской кооперации Дона и Северного Кавказа. Однако проследить социально-экономическую сущность кооперативных организаций начала века авторам не удалось. С конца 1920-х гг. в науке стал преобладать классовый подход, согласно которому кооперация в условиях царской России рассматривалась как капиталистическое предприятие, служившее, преимущественно, интересам небольшой части населения – зажиточным слоям.

В 1970-1980-е гг. активизируется исследование проблем кооперативного движения северокавказского региона. Выходят работы Г.Я. Раенко, В.Н. Ратушняка, И.В. Просяновой. На основе проведенного анализа развития разных видов кооперативов в указанном регионе, В.Н. Ратушняк приходит к выводу, что кооперация стала неотъемлемой частью экономики областей и губерний Северного Кавказа, эволюционируя под воздействием развивающихся капиталистических отношений и в свою очередь генерируя их.

В постсоветский период в фундаментальных работах российских историков – А.П. Корелина, А.В. Лубкова, Л.Е. Файна и др. на богатейшем фактическом материале сделаны выводы, содержащие новые методологические подходы к сущности кооперации. «Кооперация, – пишет Л.Е. Файн, – важный компонент рыночных отношений. Она возникает и получает развитие тогда, когда в сферу этих отношений начинают втягиваться широкие слои населения...». С этих же позиций в последние десятилетия проводились исследования северокавказской кооперации в кандидатских диссертациях (Т.А. Шебзухова, Т.Н. Сидоренко, О.В. Моисеева). Однако многие аспекты специфики развития кооперации на Северном Кавказе по-прежнему остаются малоизученными.

Т.М. Китанина
(Санкт-Петербург)

**Об одном полузабытом источнике по аграрной истории России:
«Высочайше учрежденная в 1888 г. Комиссия по поводу падения цен
на сельскохозяйственные произведения в пятилетие (1883-1887 гг.)»**

Мировой кризис перепроизводства продуктов аграрной отрасли, охвативший в 1875 г. страны Западной Европы и ряд штатов Северной Америки, сопровождался принципиальными изменениями в сфере сельскохозяйственного производства, состоянии внутреннего рынка, уровне цен. Россия вступила в полосу кризисных явлений позднее западноевропейских стран, в конце 1870-х гг., однако именно в российских условиях проявления кризиса

приобрели тяжелый, затяжной характер – результат крайне непоследовательного и мучительного процесса приспособления земледелия к новой экономической конъюнктуре, медленного перехода аграрной экономики в целом на более высокую ступень капиталистического развития.

В условиях обострившейся конкуренции мирового рынка возникла насущная необходимость перестройки аграрного сектора, создания современных отраслей, развития промышленной переработки сырьевых продуктов земледелия, инфраструктурной реконструкции деревни, т.е. совокупности государственных мер, направленных на модернизацию сельскохозяйственного производства. Стало быть, возникла необходимость общих институциональных преобразований, способных оздоровить рыночные отношения и затрагивавших интересы как помещичьего, так и крестьянского хозяйства.

В 1888 г. по инициативе министра внутренних дел гр. Д.А. Толстого и под председательством товарища министра В.К. Плеве была создана Комиссия для выяснения причин падения цен на сельскохозяйственные продукты в условиях кризиса. Материалы Комиссии, ее решения представляют исключительный интерес для оценки аграрной экономики пореформенной России и правительственных мер, направленных на ее преобразование.

На основе анализа представленного в Комиссию обширного первичного материала об эволюции помещичьего и крестьянского хозяйства ею были выработаны рекомендации по интенсификации сельского хозяйства и активизации рыночных отношений. Признав несоответствие «хозяйственного строя нашей деревни требованиям современного международного рынка», Комиссия сочла необходимым более деятельное вмешательство государства «в условия сельского хозяйства» и «торгового обращения его продуктов». Конкретные меры государственного регулирования были обоснованы в обширном докладе В.К. Плеве и в специальном исследовании сотрудничавших в Комиссии известных экономистов А.И. Чупрова и М.И. Мусницкого о мерах к урегулированию тарифной системы, опубликованном для всеобщего сведения в 1890 г.

Задачами государственной важности Комиссия признала строительство элеваторов, совершенствование форм краткосрочного кредита, развитие путей сообщения, упорядочение тарифной системы, разработку торговых правил и т.п. Следовательно, намеченные Комиссией «новые задачи народно-хозяйственной политики» объективно открывали путь к капиталистическому переустройству сельскохозяйственного производства при непосредственном вмешательстве государства. И в этом плане, следует подчеркнуть, Комиссия Плеве несомненно предварила рассмотрение многих аграрных вопросов, явившихся предметом обсуждения в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 года.

Наметив принципиально важные задачи, отвечавшие требованиям времени, Комиссия, однако, не сумела отказаться от проведения традиционно-

го, социально ориентированного, курса поддержки помещичьего землевладения. Противоречивость законодательных предложений Комиссии наиболее отчетливо отразило её решение об отказе от системы гибких дифференцированных тарифов, введенной группой частных железнодорожных обществ по собственному почину, фактически явочным путем. Комиссия заняла сугубо негативную позицию по отношению к неравенству тарифных такс для близких и дальних расстояний, уравнивавших экспортные возможности великорусского помещичьего центра и отдаленных окраин с их экономически сильным крестьянским хозяйством, не обремененным разного рода пережиточными явлениями. Потенциально тем самым Комиссия В.К. Плеве ограничивала возможности капиталистического развития земельных окраин и вступала в известное противоречие с провозглашенными ею же принципами. В итоге капитализирующемуся сельскому хозяйству отдаленных регионов предоставили самому пробивать себе дорогу к сбытовым внутренним и международным рынкам. Значение решений Комиссии В.К. Плеве в том, что предложенные ею программные «задачи народнохозяйственной политики» строились, по существу, уже на принципиально иной основе – активном государственном вмешательстве в аграрные отношения в целом и в торгово-рыночную сферу, в частности.

М.И. Роднов
(Уфа)

Пространство источника: пореформенное крестьянство в новейшей российской историографии (1997–2007 гг.)

От советской историографии осталась дискуссия об источниках. А.М. Анфимов фактически последним использовал традиционный метод эмпирического подбора территориальных объектов для доказательства общероссийских процессов. И.Д. Ковальченко предлагал выбрать источник, содержащий массовую статистическую информацию общероссийского характера (к примеру, перепись 1917 г.), который, якобы, позволит получить итоговый результат в масштабах страны. Несмотря на прошедшие десятилетия, поставленные вопросы остаются актуальными – насколько доказуемы выводы, опираются они на массовые источники или на авторский (тенденциозный) подбор фактов?

Среди главных процессов в развитии аграрно-исторической науки в последние десятилетия можно выделить окончательный отказ от марксистской парадигмы и расцвет региональных исследований. Помимо многочисленных сборников, защит диссертаций и конференций, выходят фундаментальные монографии по истории крестьянства (аграрного строя) отдельных губерний

(А.В. Островский, А.В. Ефременко, Н.М. Александров, Д.В. Ковалёв, В.Н. Никулин, О.А. Сухова, В.Б. Безгин, др.) и регионов Европейской России (Запад, Северо-Запад, Поволжье). Сформировались локальные научные центры по крестьяноведению (Самара, Тамбов, Вологда). Региональные историки начинают изучать перспективные направления – демографические аспекты (В.В. Канищев и др.), крестьянскую ментальность (Л.И. Земцов и др.), местные рынки (Н.Ф. Тагирова). Их труды отличаются богатством источниковой базы (архивы, земская и ведомственная статистика, этнографический материал, пресса и пр.). Исследователи из регионов просто «обошли» старую дискуссию об источниках, но ценой стала «изоляция» в границах своих территорий.

К концу 1990-х гг. в обществе назрела потребность в обобщающих исследования общероссийского масштаба, в создании единой концепции истории Отечества, подавляющее большинство населения которого составляло крестьянство. Выходят монографии В.Т. Рязанова, Б.Н. Миронова, В.Я. Гросула и др. Наиболее подробно обратившийся к аграрной теме Б.Н. Миронов также постарался обойти проблему, в основу своей аргументации положив демографические, биометрические и иные (нестандартные) показатели. Ряд исследователей поддались «искушению» И.Д. Ковальченко и попытались найти некий «архимедов рычаг», выстроить общероссийскую концепцию на одном источнике (П. Грегори, М.А. Давыдов, С.А. Нефедов). Но, в отличие от И.Д. Ковальченко, они использовали официальную статистику ЦСК МВД, низкая достоверность которой была показана ещё современниками (Д.Н. Иванцов) и подтверждена в новейших работах.

Поставленная А.М. Анфимовым и И.Д. Ковальченко проблема поиска удовлетворительной источниковой основы для создания общего, единого для России понимания аграрного строя рубежа XIX-XX вв. не решена до сих пор. Современная аграрно-историческая наука развивается как бы в двух почти не пересекающихся плоскостях: региональной и, условно говоря, «столичной». Используются разные источники и методики, получаются часто не совпадающие итоги, а в случаях пересечения вспыхивает полемика.

Возможным выходом из создавшегося положения могли бы стать комплексные общероссийские программы с привлечением значительных научных коллективов исследователей из разных регионов, какие пытался создать ещё И.Д. Ковальченко.

Образ русского крестьянства в представлениях агрономов и кооперативных деятелей (1905-1914 гг.)

События, происходившие в российской деревне в годы первой русской революции, вызвали неоднозначную реакцию в различных слоях общества. Если представители бюрократии стали понимать, что от активности правительства в аграрном вопросе зависит судьба правящего режима и династии, то агрономы, экономисты, кооператоры-практики осознали важность пересмотра взглядов на крестьянство и методы работы с ним. При этом упор был сделан на идею противопоставления крестьян как жертв собственной невежественности, неспособных выразить свои интересы и адекватно их воспринять, и профессионалов (агрономов, экономистов, кооператоров), специализировавшихся на проблемах деревни, стремившихся к тому, чтобы «наука» управляла сельским хозяйством. Из этого и исходила подавляющая часть кооперативных деятелей, разворачивавшая работу в деревне после 1905 г., приступив к формированию нового образа крестьянства.

Агрономы и кооператоры совместно выдвинули притязания на осуществление особого типа власти в деревне. В отличие от Столыпина и земского дворянства, устремления агрономов были ориентированы на «реорганизацию» всех крестьян в новое сообщество деревни, жизнь которого будет определяться и направляться именно ими.

Конечно, агрономы, экономисты и кооператоры уделяли внимание распространению технологии, техники в деревне, улучшению хозяйства и материального положения крестьянства. В этом их планы совпадали с деятельностью других социальных групп населения, вовлеченных в аграрную политику. Вместе с тем, большинство агрономов того периода называли свой подход к проблеме «общественной агрономией», подразумевая, что материальные изменения требуют от них понимания и рационального изменения культуры самого общества, в котором эти изменения происходят. Наиболее полное выражение данный подход нашел в трудах А.В. Чайнова.

Основным для агрономов был вопрос о том, как использовать знания и технические усовершенствования для преобразования крестьянства. При этом задача распространения технических усовершенствований превращалась в анализ и подробное комментирование состояния всего крестьянского общества и культуры. Отсюда возникали новые концепции социального управления. Например, когда агрономы писали о «реорганизации крестьянского хозяйства», воздействии на «мысли и душу отсталого крестьянина», они, на наш взгляд, подразумевали следующее: кооперативы могут стать активными участниками процесса реорганизации обособленного крестьянского со-

словия по правилам «прогресса» и «науки», но ключевую роль в управлении этим процессом должны сыграть именно профессиональные агрономы.

Своим пониманием крестьянства как «темной» массы, неспособной к переменам и нуждающейся в опеке со стороны образованного меньшинства, агрономы и кооператоры закрепляли образ крестьянства как самодостаточной касты, а крестьян как объектов постороннего воздействия, а не участников процесса собственной трансформации. До 1905 г. в образованных слоях русского общества преобладал антикапитализм, однако, отрицательное отношение к капитализму и сходным типам экономических систем со временем смягчилось, он даже стал считаться приемлемым для развития городов и промышленности. Но данный строй отвергался по отношению к деревне, поскольку крестьяне считались не готовыми выполнять обязательства и принимать на себя риски, свойственные этой социально-экономической системе.

Нести идею перемен в массы – обычная задача для образованной элиты любой страны. Профессионалы многих стран в рассматриваемый период активно распространяли разумные экономические и технические новшества, успевая обсудить условия предстоящих изменений с различными группами населения. Противоположной являлась российская ситуация, где практически не зафиксировано случаев широкого обсуждения назревших проблем и стремления к компромиссам. Считалось заранее доказанным, что крестьяне не способны сами формулировать свои интересы. Элита русского общества была далека от того, чтобы использовать кооперативы для вовлечения крестьян в формирование будущего, в котором они могли бы активно участвовать.

Е.М. Петровичева
(Владимир)

Земская статистика – важный источник по изучению аграрной истории периода поздней империи*

Неоценимое значение для изучения аграрной истории конца XIX- начала XX вв. имеет земская статистика. В целях правильной организации налогообложения земства должны были выработать методы определения ценности и доходности земель и другого недвижимого имущества. Стараниями земских статистиков эти конкретные задачи вскоре переросли в более широкие – «изучение экономических и других условий народного быта». Первые статистические обследования были проведены земствами вскоре после

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 07-01-00164 а.

их образования; эта работа активизировалась после создания при земских управах специальных статистических учреждений.

Приняв во второй половине 70-х гг. XIX в. систематический вид, земские статистические исследования стали весьма быстро распространяться; однако, со второй половины 80-х гг. наблюдается их сокращение, вызванное недовольством помещиков. В целом, в 1893 г. земскими статистическими исследованиями была охвачена очень значительная часть территории: результаты подворной переписи были напечатаны по 35 губерниям.

Уже в первый период развития явно выделяется два основных типа земской статистики, представленных черниговской и московской школами. Основной задачей московской школы признавалось получение сведений о каждой хозяйственной единице и об общих условиях жизни населения. Характерной чертой земской статистики московского типа была подворная перепись; основным инструментом являлась подворная карточка. Главной целью черниговской школы признавалась классификация почв; основным типом наблюдения было поселенное обследование, а инструментом – поселенный (пообщинный) список. В ходе исследования составлялись карты с выделением почвенных зон, устанавливались показатели урожайности. Наиболее удачное совмещение двух типов земской статистики демонстрировало Нижегородское губернское статистическое бюро.

С 1893 г. начинается новый этап развития земской статистики, связанный с принятием оценочного закона, установившего новые принципы оценки земли по ее доходности. В 1899 г. был принят закон, фактически передавший все статистические работы в ведение губернских земств. Встреченные критикой со стороны лидеров либерального земского движения, оценочные законы 90-х гг. дали сильный толчок развитию как основной, так и текущей статистики.

Являясь неоценимым и единственным в своем роде источником точных сведений для изучения экономической и социальной жизни российского крестьянства, земская статистика имеет целый ряд недостатков. Преобладающей ее чертой, существенно умаляющей научную ценность ее результатов, являлась крайняя разрозненность статистических работ, проводимых в разных местностях в разное время, многообразие методов и приемов собирания и, в особенности, обработки материалов. Отсутствие общей основы, единой методологии исследований делает результаты работы земских статистиков мало сопоставимыми.

В то же время чрезвычайное разнообразие программ земских статистических работ представляет значительный интерес для современных исследователей и диктует необходимость применения регионального подхода. Деятельность статистических отделений многих губернских земств нуждается в более глубоком изучении. В частности, отсутствуют специальные исследования, посвященные Владимирскому губернскому оценочно-

экономическому отделению, в работе которого был развит московский и нижегородский опыт и сделаны собственные интересные находки.

Обращение к материалам земской статистики позволяет сделать вывод, что она представляет собой группу, пожалуй, наиболее полных и точных источников по экономической жизни российской деревни конца XIX – начала XX вв., нуждающихся в дальнейшей разработке.

И.Н. Слепнев
(Москва)

А.М. Анфимов об эволюции аграрной политики в конце XIX – начале XX в.

В творческой судьбе А.М. Анфимова, выдающегося отечественного историка-аграрника, ярко отразились наиболее характерные черты и тенденции аграрной историографии второй половины XX века.

В 1955 г. А.М. Анфимов защитил в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию, в начале 1960-х гг. опубликовал свои первые монографии – «Земельная аренда в России в начале XX в.» и «Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.)».

С момента возникновения аграрного симпозиума в 1958 г. А.М. Анфимов принял самое активное участие в работе по подготовке и проведению его сессий и в качестве члена редколлегии изданий симпозиума. В 1960-х гг. регулярно освещал работу форума историков-аграрников в периодической печати. Как представляется, одним из существенных результатов участия в работе такого крупного историографического явления, как аграрный симпозиум, явился интерес к сравнительно-историческому анализу. В частности, этот интерес проявился в исследовании альтернативных путей аграрной эволюции России.

В результате неустанного труда, продуктивного участия в дискуссиях по аграрно-теоретической проблематике, А.М. Анфимов вышел на уровень изучения кардинальных историографических проблем. Заслуживает внимание попытка А.М. Анфимова объективно оценить уровень развития капитализма в российской деревне. Ключевым моментом в творчестве историка стало опубликование в 1959 г. статьи «К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в.». В статье был выдвинут тезис о господстве полукрепостнических отношений над капиталистическими в российском сельском хозяйстве вплоть до I мировой войны.

Дальнейшее изучение социально-экономической аграрной истории имело результатом защиту во второй половине 1960-х гг. докторской диссертации и публикацию монографии «Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX – начало XX века)». Этапными стали также из-

данные в первой половине 1980-х гг. монографии о крестьянском хозяйстве и крестьянском движении в России в конце XIX – начале XX вв. Под руководством А.М. Анфимова были подготовлены два сборника о крестьянском движении в России в начале XX в., последний из которых, изданный в 1998 г., логически завершил известную «Дружининскую» серию документальных публикаций.

На период перестройки пришелся заключительный период творческой активности А.М. Анфимова. «Девятый вал» интереса к дореволюционной истории и, в частности, к столыпинской аграрной реформе, буквально захлестнул общество. В новых историографических условиях А.М. Анфимов одним из первых профессиональных историков–аграрников сумел подготовить монографию о П.А. Столыпине и проведенных им реформах. Знание реального содержания аграрно-исторических процессов, закономерностей функционирования крестьянской общины, мастерское владение источниковой базой позволило А.М. Анфимову сделать глубоко фундированные выводы о характере и перспективах аграрной политики дореволюционной России. Книга явилась серьезным исследованием, характеризующим историографические процессы в аграрно-исторических исследованиях с 1950-х гг. Особое внимание в монографии уделено событиям в исторической науке в начале 1970-х гг., определивших историографическую ситуацию вплоть до перестроечного периода. Чрезвычайно интересен и важен анализ наделенности крестьянства земель, и сделанные А.М. Анфимовым выводы о возможных путях аграрной эволюции в условиях преобладания тенденции к сокращению помещичьего землевладения.

А.М. Анфимовым был достигнут высочайшей степени профессионализм в методике и методологии аграрно-исторических исследований. Данные им характеристики целей и перспектив аграрно-крестьянской политики, деятельности банков в аграрной сфере, тщательно исследованный механизм выжимания государственным аппаратом податей методами экономического и внеэкономического принуждения и влияния этих факторов на положение крестьянского хозяйства, намеченные теоретические подходы к изучению фермерской тематики до сих пор не потеряли своего значения. Более того, в силу сегодняшнего состояния историографии, заслуживают особого внимания.

Принцип уравнительности в системе землераспределительных отношений российских крестьян второй половины XIX в.

Действие принципа уравнительности в системе крестьянских имущественных отношений определялось народными представлениями о справедливости, особенностями общинного уклада и податной политики государства. Равенство в крестьянском обычном праве следует отличать от коммунистического стремления унифицировать и стандартизировать народные массы. Общинники понимали, что «в лесу лес не ровен, в миру – люди», «на руке и пальцы не равны», «бывает добро, да не всякому равно». Как любое традиционное общество крестьянский «мир» поддерживал и закреплял различные формы неравенства, например, в правовом положении мужа и жены, детей и родителей, члена семьи и домохозяина и т.п. Неравенство являлось одной из основ устойчивости общины. При этом подчиненное положение члена «мира» не должно было стать поводом к его угнетению и тем более разорению. Именно поэтому сформировались общинные правила, запрещающие богачам возить свои снопы, пока бедные не убрали своего хлеба с полей и др. Приоритет «мужского» права на землю сохранился даже при консолидированном решении общины распределять земли по душам, не взирая на пол. Например, в ряде селений Елизаровской волости душевой надел получали мальчики практически с рождения, а девочки с трех лет. В Ростовском уезде Ярославской губернии при разверстке земли мужской пол имел преимущество перед женским и взрослые перед детьми. Семье, в которой преобладала женщины или дети, давали надел меньше нормы на $\frac{1}{4}$ или даже $\frac{1}{2}$ души.

Целью уравнительности в крестьянском сообществе было, с одной стороны, достижение гармонии интересов «мира» в целом, отдельных крестьян и фискальных устремлений государства. С другой стороны, предоставление равных хозяйственных возможностей и прав членам общины в использовании объектов общинной собственности. В первую очередь, конечно, земли. Поэтому наиболее наглядно принцип уравнительности проявился в практике земельных переделов, ориентированных на наиболее справедливое распределение земельных наделов и угодий между отдельными крестьянскими хозяйствами.

Зажиточный крестьянин нарушал общинную гармонию тем, что посягал на исконные полномочия «мира». Только «мир» мог вмешиваться в частные дела членов общины, ограничивать их общественные права и экономическую свободу. Зависимость от богача выводила крестьянина из под власти «мира», тем самым, ограничивая ее. Поэтому при распределении общественных работ, должностей и других обязанностей в первую очередь

назначали экономически более состоятельных крестьян. По решению «мира» богатеи нередко оплачивали общинные праздники. Производственная инициатива мироедов сдерживалась системой общинных запретов, определяющих сроки, характер и порядок проведения сельскохозяйственных работ.

Домашний характер земельного регулирования, основанного на традиционных обычно-правовых принципах, способствовал консервации крестьянских представлений о собственности. В их основе – приоритет земледельца-труженика на необходимый для выживания и исправной выплаты податей земельный надел, неотъемлемые права члена «мира» на долю общинной собственности, предоставление равных возможностей всем общинникам для успешного ведения хозяйства, гарантированность социальной защиты со стороны «мира» и государства, неприемлемость исключительных прав и частной собственности на землю. Права отдельного земледельца на надел крестьяне мотивировали принадлежностью к крестьянскому сословию и членством в общине, фактическим участием в обработке земли (вложенным трудом, потом и кровью) и выплатой повинностей. Доминирование общинной собственности и ее легитимация, признаваемые основной массой крестьян, тормозили развитие других форм собственности на недвижимость в крестьянской среде. Появление и существование альтернативных общинной форм собственности при отсутствии правовой защиты со стороны государства происходило до очередного коренного передела земли, в ходе которого вся недвижимость включалась в общинный земельный фонд и подлежала уравнительному перераспределению.

Н.И. Голикова
(Вологда)

Деятельность передвижной школы маслоделия как проявление сельскохозяйственной рационализации на Европейском Севере во второй половине XIX в.

История развития молочного хозяйства в России во второй половине XIX века тесно связана с именем известного специалиста аграрника Н.В. Верещагина. В исторической литературе достаточно широко освещена его деятельность по организации в Центральном Нечерноземье массового сыро – и маслоделия на артельных началах. В то же время Н.В. Верещагин обращал внимание на состояние молочного хозяйства на территории вологодского края, апеллируя по этому вопросу как к государственным структурам – департаменту Земледелия МГИ, так и губернской земской управе.

В июле 1886 г. департаментом земледелия в Вологодской губернии была организована передвижная школа маслоделия во главе с учеником Н.В. Верещагина С. Косаревым. Задача школы состояла в том, чтобы «дать возможность научиться всякому желающему правильной обработке молочных продуктов и тем поднять уровень молочного хозяйства на уровень требований рынка ...». По заявлению Н.В. Верещагина в губернскую земскую управу школа была направлена в ту часть Вологодского уезда, которая граничила с Пошехонским уездом Ярославской губернии и Череповецким уездом Новгородской, с целью обеспечить влияние школы на уезды соседних губерний.

Как следует из отчетов заведующего школой С. Косарева передвижная школа работала не только с крестьянскими обществами, но и в крестьянских индивидуальных хозяйствах. В апреле 1887 г. школа переехала в восточную часть губернии – в Шуйскую волость Тотемского уезда, где маслоделие только начиналось, отсутствовал опыт у крестьян, хотя природные и социальные условия носили благоприятный характер. В отчете С. Косарева указывалось на отсутствие традиций крепостного права, достаточно большие наделы и наличие заливных лугов по берегам Сухоны. В то же время в силу крестьянского менталитета в деревне не возникало особого доверия к безвозмездной помощи со стороны чиновников. Только ряд крестьянских хозяйств согласились участвовать в эксперименте, что имело для них положительные результаты. Применение сепаратора Лаваля обеспечило большую экономию при переработке молока, а сбыт масла крестьянами был организован не только в Вологде, но и Москве.

Осенью 1887 г. школа переместилась в помещичьи усадьбы Грязовецкого уезда, владельцы которых вели предпринимательское молочное хозяйство, получая в год от своих коров до 5000 и более пудов молока, имели маслодельческие заводы. В последние месяцы 1887 г. школа работала в усадьбе купца Д.И. Королева Пошехонского уезда Ярославской губернии.

Таким образом, деятельность вологодской передвижной школы маслоделия в конце 1880-х гг. охватывала территорию северной деревни близлежащих губерний, обеспечивала демонстрацию улучшенной техники в крестьянских и частновладельческих хозяйствах, убеждала крестьян в необходимости создавать артельные товарищества в молочном производстве, оживляла рыночные интересы в крестьянской среде, вносила изменения в традиционный менталитет сельского населения.

Деятельность Н.В. Верещагина по оживлению молочного хозяйства была тесно связана с организацией выставок в этой отрасли, среди которых особое место заняла вологодская губернская выставка 1888 г. по количеству отделов, освещения в средствах массовой информации, в том числе и российских изданиях, по объему накопленного анкетированного материала

участников выставки, среди которых были и представители тех хозяйств, где успешно работала передвижная школа маслоделия С. Косарева.

Л.В. Морозов
(Саранск)

Некоторые аспекты дореволюционной историографии промысловой деятельности крестьян в России во второй половине XIX – начале XX в.

Дореволюционная историография промысловой деятельности крестьян характеризовалась повышенным вниманием исследователей к четко обозначившейся в то время проблеме интенсивного развития крестьянской промысловой деятельности в России. Рассматривая неземледельческие занятия сельского населения на конкретном материале, описывая основные промыслы и пытаясь выявить причины их активного развития, они в то же время пытались установить наиболее существенные критерии этого вида хозяйственной деятельности, определить его место и роль в экономике страны. Так, А.К. Корсак, Э.Р. Вреден, Е.Н. Андреев, В.П. Воронцов одним из главных признаков кустарной промышленности называли связь мелкого товарного производства, носившего для крестьян характер побочного занятия, с земледелием. По мнению С. А. Зыбина и А. А. Карелина, в 90-е гг. XIX в. неземледельческие промыслы перестали играть побочную роль по отношению к земледелию и стали основным источником существования для большинства сельских промышленников.

Другой взгляд на кустарную промышленность получил распространение в 90-е гг. XIX в., в период борьбы народнического мировоззрения с марксистским. В его основу было положено мнение П. Струве и М. Туган-Барановского, считавших ее частью крупного децентрализованного производства (фактически рассеянной мануфактурой). Кроме того, экономисты-народники первыми обратили внимание на характерную для кустарной промышленности жесточайшую самоэксплуатацию, которая осуществлялась через семейную, патриархальную форму. В то же время они признавали, что кустарное хозяйство являлось частью капиталистического рынка.

В отличие от народников марксисты, заново пересмотрев земскую статистику, старались доказать повсеместное присутствие в народном хозяйстве страны признаков развивавшегося капитализма. По их мнению, сама мелкая промышленность являлась лишь фазой в развитии капитализма. При этом В. Ильин (В.И. Ленин) из анализа данных Пермского кустарного исследования приходит к выводу, что никакой особой «кустарной формы производства» нет (это вымысел кустарных экономистов), что из мелких това-

производителей вырастают крупные капиталистические заведения, следовательно, – кооперация семейная является залогом развития капиталистической кооперации.

Таким образом, дореволюционный период российской историографии характеризуется использованием фрагментарных данных о развитии промысловой деятельности крестьян, в большинстве своем основанных на анкетных материалах и личных исследованиях. Тем не менее, был накоплен значительный фактический материал и намечён ряд ключевых проблем, разграничивающих различные аспекты развития кустарного производства.

В.Л. Степанов
(Москва)

Налоговая политика в российской деревне в конце XIX – начале XX в.

В царствование Александра III по инициативе министра финансов Н.Х. Бунге (1881–1886 гг.) были понижены выкупные платежи и отменена подушная подать с крестьян. Для перенесения части налогового бремени на более «достаточные» слои населения введены налоги с наследства и денежных капиталов, повышены государственный поземельный налог и налог с городской недвижимости, преобразовано торгово-промышленное обложение. В 1885 г. для упорядочения взимания прямых налогов при губернских казенных палатах был учрежден институт податных инспекторов. Эти реформы стали важным шагом на пути модернизации налоговой системы России, однако они не привели к повышению жизненного уровня сельского населения.

Создание податной инспекции почти не изменило прежнего порядка взимания прямых податей в деревне, которым ведал Департамент окладных сборов Министерства финансов. Ему подчинялись губернские казенные палаты и податная инспекция. Непосредственным сбором налогов занимались чины губернской и уездной полиции. Становые приставы и урядники обходили действующие законы, которые запрещали продажу за недоимки крестьянских наделов, построек, скота и инвентаря. Полицейские власти оказывали на недоимщиков прямое давление, сдавали их земельные участки в аренду, реквизировали или заставляли крестьян продавать свое имущество. Система круговой поруки в сельской общине обязывала погашать недоимки неисправного домохозяина. По постановлениям сельских и волостных сходов недоимщики могли подвергаться публичным телесным наказаниям.

Налоговый пресс на деревню был усилен при министре финансов И.А. Вышнеградском (1887–1892 гг.). Он требовал от управляющих казенными

палатами и податных инспекторов строго взыскивать с крестьян налоги и недоимки, в том числе и по уже отмененной подушной подати. Правительство ввело специальные премии губернаторам, которые сдавали установленные налоговые суммы со своей территории полностью, или, как минимум, в размере двух третей. Срок уплаты прямых податей обычно назначался к моменту сбора урожая, когда платежеспособность сельского населения была максимальной. Чтобы избежать репрессий со стороны полицейских и мирских органов, крестьянам приходилось выбрасывать на рынок не только излишки, но и часть продуктов, необходимых для собственного потребления. Предложение на рынке огромной массы хлеба приводило к падению цен на него ниже издержек производства. Экспортеры скупали зерно за бесценок и с большой выгодой перепродавали за границу.

Однако подобная практика наносила огромный ущерб, как сельскому населению, так и казне. «Выколачивание» податей при полном пренебрежении к интересам налогоплательщиков приводило, с одной стороны, к разорению крестьян и снижению платежеспособности, а с другой – к потере казной огромных сумм, которые могли быть собраны при более рациональном порядке налогообложения. Отрицательные последствия подобной налоговой политики проявились в период катастрофических неурожаяев 1891–1892 гг. Во многих хозяйствах не оказалось резервов, которые помогли бы земледельцам пережить трудные времена. Несмотря на оказание помощи голодающим, правительство не пошло на какие-либо «ослабления». Более того, жесткие меры по отношению к недоимщикам продолжали применяться и в неурожайные годы. Только на рубеже веков по инициативе министра финансов С.Ю. Витте был предпринят ряд мер по некоторому смягчению прежнего порядка – в 1899 г. расширена компетенция податных инспекторов, полиция стала выполнять чисто исполнительные функции, в 1903 г. упразднена круговая порука. Сложившаяся в начале XX в. система взимания прямых налогов в деревне в основном сохранилась до 1917 г.

Е.В. Яковкина
(Ставрополь)

Крестьянство Царства Польского в условиях капиталистической модернизации конца XIX – начала XX вв. как объект научного анализа (на примере аграрной историко-социологической концепции Ф. Знанецкого (1882-1958гг.))

Со второй половины XIX в. в экономическом развитии стран Европы наступает эпоха глобальных перемен, стимулировавших изменения в политической, социальной, культурной сферах. Этот сложный, комплексный

процесс перехода от аграрного общества к обществу индустриальному получил в научной мысли XX столетия определение «модернизация».

Восточноевропейские страны, вступив несколько позже, в силу специфики исторического развития, на этот путь, к концу XIX столетия оказались в полной мере вовлечены в процессы, связанные с капиталистической модернизацией хозяйства. Не составляет исключения и один из регионов Российской империи – Царство Польское.

Глубинные экономические процессы, трансформировавшие аграрно-патриархальный характер польского общества, затрагивали, прежде всего, крестьянство как основную системообразующую компоненту традиционного социума.

Динамика социальных изменений, их интенсивный характер были настолько очевидны, что не могли остаться вне сферы внимания современников-интеллектуалов. Если на протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. интерес к крестьянству был вызван преимущественно влиянием идей просвещения, а затем романтизма, и ограничивался в большей степени изучением традиций народной культуры (О. Кольберг, И. Лелевель), то в начале XX-го столетия внимание историков и социологов, разрабатывавших в своих исследованиях аграрную проблематику (В. Грабский, Л. Крживицкий, Я. Модлинский), обратилось к таким насущным вопросам, как прогрессирующая социальная дифференциация крестьянства, аграрное перенаселение и его последствия, положение сельскохозяйственных рабочих, возможности сельскохозяйственной кооперации и т.д. Уже в конце 10-х гг. XX в. появляется первое комплексное исследование, посвященное польскому крестьянству – фундаментальная работа «Польский крестьянин в Европе и Америке» (Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. 5 V. Boston, 1918-1921), написанная польским философом и социологом Ф. Знанецким в соавторстве и при финансовой поддержке известного американского социолога В. Томаса.

В этом исследовании, ставшем первым опытом анализа крестьянства с позиций социокультурного подхода, была дана характеристика традиционного крестьянского социума (устройство крестьянской семьи; социально-экономические отношения в деревне; роль общины в жизни крестьянина; характер религиозных представлений и т.д.) и обозначены тенденции его трансформации под влиянием изменившихся социально-экономических условий, прежде всего – индустриализации и урбанизации (появление новых ценностных ориентаций наряду с изменением отношения к таким базовым ценностям хозяйственной культуры, как труд, собственность, богатство, предприимчивость; нарушение функционирования таких социальных институтов как большая семья и община). Кроме того, были обозначены факторы, способствовавшие интеграции крестьянства в экономическую и политическую жизнь польских земель, его адаптации к рациональным методам

хозяйствования и рациональным принципам социальной организации. Среди них – деятельность польских общественных лидеров, растущая значимость в крестьянской среде образования и прессы, развитие института экономической кооперации.

При рассмотрении научных построений Ф. Знанецкого становится очевидным, что исторические изменения, происходившие в крестьянском социуме на рубеже XIX–XX вв. и повлекшие за собой изменение типических характеристик традиционного крестьянства как носителя ценностей аграрного общества, были настолько кардинальны, что вызвали у современников необходимость аналитического осмысления происходящего, а, в конечном счете, появление новой отрасли знания – аграрной социологии, заложившей методологические основания крестьяноведческих исследований второй половины XX столетия.

В.Н. Никулин
(Калининград)

Проблемы аграрной истории на страницах сборника «Северо-Запад в аграрной истории России» (1984–2008 гг.)

Межвузовский тематический сборник научных статей «Северо-Запад в аграрной истории России» начал издаваться с 1984 г. как печатный орган проблемного объединения по аграрной истории Северо-Запада России.

К настоящему времени выпущено четырнадцать сборников, на страницах которых опубликованы статьи по аграрной тематике, подготовленные исследователями из разных городов России, а также ближнего и дальнего зарубежья. Сохраняя локально-региональный характер издания, редколлегия стремилась расширить круг авторов, установить более тесные научные контакты с коллегами-аграрниками не только ведущих научных центров, но и с периферии. Это способствовало не только расширению географии публикаций, повышению научного уровня издания, но и позволило сборнику избежать превращения в сугубо региональное издание с сильной краеведческой струей и налетом провинциализма.

В четырнадцати сборниках «Северо-Запад в аграрной истории России» увидели свет 248 статей 103 авторов из 23 городов. По содержанию материала и тематике опубликованные работы можно разделить на конкретно-исторические (174), источниковедческие (41) и историографические (33) статьи.

Статьи по конкретно-исторической проблематике преобладают, они написаны, преимущественно, на основе новой информации, извлеченной из архивов и опубликованных источников. Они характеризуются новым под-

ходом авторов к материалу и оригинальной трактовкой спорных вопросов. Источниковедческие и историографические работы значительно расширили диапазон проблем, затронутых исследователями.

Территориальные границы публикаций сборника охватили большую часть территории России, в том числе Сибирь. Хронологические рамки статей весьма обширны, в них затронуты важнейшие события отечественной аграрной истории – от XVI века до наших дней. В рамках традиционной аграрно-исторической триады: землевладение – землепользование – система хозяйства, достаточно широким представляется тематический спектр статей – от характеристики орудий труда, использовавшихся в сельскохозяйственном производстве, до изучения предпринимательства в аграрной сфере и повседневной бытовой жизни крестьян.

На основе различных документов рассмотрена хозяйственная жизнь отдельных духовных вотчин в XVI-XVII вв., показана их связь с рынком. В ряде статей освещены особенности хозяйственной жизни военных поселенцев 20-50-х гг. XIX в. Рассмотрены вопросы экономического и социального состояния удельной деревни, показано изменение аграрной политики удельного ведомства после реформы 1863 г.

Проанализировано содержание и структура крестьянского менталитета в различные исторические периоды. Отмечено тормозящее влияние крепостничества на самосознание крестьян. Особое внимание было уделено показу тех важных изменений в социальной психологии крестьянства, что произошли после реформы 1861 г.

Интересным представляется вывод о том, что аграрные преобразования второй половины XIX – начала XX вв. стали главным средством модернизации и ускорения социально-экономического развития страны, определяя не только направление аграрной эволюции, но и общий ход истории России.

В ряде статей рассмотрена история крестьянской общины на Северо-Западе, экономическое и социальное значение крестьянских промыслов, эволюция помещичьего хозяйства в пореформенные годы и другие сюжеты.

В статьях, посвященных аграрной истории Калининградской области, показана специфика социально-экономического развития калининградского села и особенности политики государства в регионе.

К сожалению, весьма слабо представлены в сборнике статьи по истории производительных сил в сельском хозяйстве Северо-Запада России. Явно недостаточно отражены аграрная политика правительства и аграрно-крестьянский вопрос в деятельности политических партий и организаций, в литературе и публицистике. Мало статей о повседневной жизни крестьян, о трудовых и семейных отношениях в сельском социуме. Ощущается нехватка содержательных и проблемных статей по аграрной истории советского периода и о современном положении в аграрном секторе.

«Крестьянское движение» как проблема крестьяноведения: итоги и перспективы изучения

Крестьянское движение в России было и остается одной из основных тем отечественной историографии. В «советский» период тема классовой борьбы вообще была едва ли не базовой: крестьянский протест всегда шел по нарастающей, при неперемнной руководящей роли пролетариата, а затем и его партии. В эпоху доминирования «Краткого курса» наиболее распространенным был иллюстративный метод: новизна работы доказывалась фактом использования архивных сносок, а правильность выводов – соответствующими цитатами. Постепенно появлялись и накапливались работы, становившиеся определенными вехами в изучении темы, рассматривавшими движение (протест) крестьян в определенный исторический период, в конкретно взятом регионе, одной категории крепостных, а иногда и все вместе (И. Игнатович – 1924, 1925, Я.И. Линков – 1952, М.Е. Найденов – 1955, П.А. Зайончковский – 1968, Б.Г. Литвак – 1967, 1972, Н.М. Дружинин – 1978, В.А. Федоров – 1980 и другие). Главный итог заключался в том, что исследователи доказали, что изучение крестьянского движения не может быть результативным без нескольких обязательных моментов: формы движения должны изучаться в конкретных исторических условиях и для доказательности выводов нужна достаточная источниковая база.

Существующая сегодня знаменитая «дружининская» серия «Крестьянское движение в России» была основана на материалах центральных архивов. Мнение Б. Литвака, высказанное в 1970-х гг., относительно того, что архивные изыскания на местах дадут более адекватную картину протеста, к настоящему времени полностью подтверждается локальными исследованиями.

Практически все авторы едины во мнении, что основой исследования по теме должна быть хроника. В отличие от хроники рабочего движения создание таковой шло параллельно с созданием методики ее составления. Горячие споры велись вокруг единиц учета, многоформности выступлений, учета повторных случаев, числа участников и т.п. (Б. Литвак, Л. Горюшкин, М. Рахматуллин, И. Побережников, Н. Дружинин, Н. Лещенко, А. Анфимов и мн. др.). Однако окончательного единообразия так и не установилось. Полной хроники ни по стране в целом, ни по какому-либо конкретному региону еще не создано. В хроники не включались события т.н. «крестьянских войн». В советской историографии крестьянское движение завершалось в 1917 году. Отметим, что на этот недостаток указывал В.П. Данилов еще в 1969 г.; но перемены стали возможными только в перестройку, когда особое

внимание стало уделяться «антибольшевистскому» протесту. Тогда же произошло сворачивание исследований по «дореволюционному» периоду.

В годы гражданской войны протест как бы «уходит» из деревни, перестают работать прежние критерии учета. Весьма вероятны информационные «лакуны», когда исчезают и замолкают источники, однако, не исчезает проблема. Позднее появляются совершенно новые формы протеста. Сама постановка темы приводит к преобладанию рассмотрения конфликтов крестьянства с государством, хотя не менее важен и положительный опыт их взаимоотношений.

Поднятая нами проблема как бы распадается на две важные части – количественный и качественный анализ социальной активности крестьянства. Количественный – это прежде всего статистический анализ крестьянских выступлений. Качественный – изучение сознания крестьянства с учетом социальной активности масс. Они находятся в тесной взаимосвязи и во взаимодействии. Социальная активность влияет на развитие общественного сознания, а крестьянские представления проявляются в активном протесте. Отечественная историческая наука в течении достаточно долгого времени уделяла основное внимание социально-экономическим аспектам крестьянской жизни. Но всесторонне понять российское крестьянство можно лишь изучив его внутренний мир, устремления, желания, политические ориентиры.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ 3 СЕКЦИИ (1917 – 1940 гг.)

С.А. Есиков, В.В. Кондрашин
(Тамбов, Пенза)

Влияние международных проектов по аграрной истории России XX века на развитие региональной историографии

В последнее десятилетие региональная историография развивается под несомненным влиянием результатов осуществленных в конце XX – начале XXI вв. под руководством В.П. Данилова, Т. Шанина и А. Береловича международных научных проектов по аграрной истории России XX века. Речь идет о проектах, организованных ИРИ РАН и Московской высшей школой социальных и экономических наук (МВШСЭН) «Изучение социальной структуры советского и постсоветского села», «Крестьянская революция в России. 1902-1922 гг.», «Советская деревня 1920 – 1930-х годов глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939 гг.» В ходе работы над этими проектами коллективы российских и зарубежных исследователей (из США, Великобритании, Канады, Франции, Южной Кореи, Украины) ввели в широкий научный оборот огромный массив ранее недоступных архивных источников по истории российского крестьянства первой половины XX в. В рамках данных проектов на протяжении 1990-х – 2000-х гг. регулярно проводились научные мероприятия (теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития», международный симпозиум «Куда идет Россия?»), оказавших немалое влияние на региональных историков – аграрников.

В итоге в российских регионах в последние 15 лет наметилась четкая тенденция изучения истории крестьянства и аграрной политики государства в русле традиций и достижений названных проектов и связанных с ним исследований. Участие в проектах способствовало творческому росту их непосредственных участников, в том числе из регионов.

Важным результатом международных проектов по аграрной истории было то, их участники из регионов дали толчок региональным исследованиям, связанным с тематикой проектов. Под их влиянием, прямым и опосредованным, основные идеи данных проектов апробировались на региональном уровне в виде диссертаций, статей и монографических работ.

В русле традиций международных проектов в последнее десятилетие аграрная история активно разрабатывается во многих российских регионах (Вологда, Екатеринбург, Оренбург, Пенза, Самара, Тамбов). По инициативе

Института истории и археологии УрО РАН на базе Оренбургского педуниверситета ежегодно проводятся крупные международные конференции по проблемам аграрного развития и продовольственной политики России, в которых принимают участие ведущие историки-аграрники из регионов, в том числе и участники международных проектов.

Положительным результатом международных проектов стало продолжение научного сотрудничества российских и зарубежных ученых, установивших научные контакты в годы их осуществления. Так, например, в период с 2002 по 2005 г. коллективом российских историков и исследователей из Японии, в основном из провинции с той и другой стороны, был осуществлен проект «История российского крестьянства в XX веке», организованный Токийским университетом. В 2006-2007 г. в контексте проекта «Трагедия советской деревни» участниками проекта из регионов был организован и выполнен совместный научный проект с украинскими историками на тему «Современная российско-украинская историография голода 1932-1933 гг. в СССР». В результате подготовлен к печати сборник статей участников проекта.

Можно констатировать несомненное позитивное влияние на развитие региональной науки осуществленных на рубеже XX – XXI вв. международных проектов по аграрной истории России. Благодаря им в регионах возникла группа историков-аграрников, придерживающихся общих концептуальных взглядов по многим ключевым аспектам аграрной истории России XX века, активно работающих в данном направлении. Именно с ними, на наш взгляд, связаны перспективы региональных исследований по аграрной проблематике.

В.И. Зайдинер, С.А. Ковынева
(Зерноград)

Вклад И.Е. Зеленина в изучение проблем аграрной истории Российского государства

И.Е. Зеленин был постоянным участником всех сессий Симпозиума, со временем стал его организатором, а в последние 20 лет своей жизни вместе с В.П. Даниловым руководил IV-й секцией (1917–2004 гг.). Илья Евгеньевич Зеленин – крупный ученый, исследователь проблем деревни. По аграрной истории России им опубликовано 150 работ, в том числе 8 монографий. Труды И.Е. Зеленина внесли весомый вклад в историческую науку и получили высокую оценку научной общественности. С 1958 г. научная и общественная деятельность Ильи Евгеньевича была связана с институтом истории АН СССР (ныне – Институт российской истории РАН)

И.Е. Зеленин – глубокий исследователь в области истории и историографии коллективизации и колхозного крестьянства, общественно-политической жизни деревни послереволюционного (октябрь 1917 г.) периода. Он был одним из ведущих авторов таких значимых коллективных работ, как «Очерки по истории коллективизации сельского хозяйства и колхозного строительства в СССР (1927–1941 гг.)», 2-томника «Коллективизация сельского хозяйства и колхозного строительства в СССР», 8-го тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» и ряда других.

Как автор и редактор И.Е. Зеленин принимал активное участие в подготовке 2-го и 4-го томов многотомной «Истории советского крестьянства», третьего тома труда «Трагедия советской деревни», к которому написал большую и содержательную вводную статью «Кульминация крестьянской трагедии». В ней и в других публикациях И.Е. Зеленин на основе изучения огромного архивного и статистического материала раскрывает трагедию раскулачивания на рубеже 20-х–30-х гг. XX в., тяжелые последствия насильственной коллективизации, тщательно анализирует причины голода 1933 г., охватившего многие сельские районы, заостряя внимание на том, что голод (в том числе и в силу недальновидной политики партийно-государственного руководства страны), охватил не только районы Украины, но и Кубань, и Центральное Черноземье, и Поволжье, и Южный Урал, и Казахстан, то есть практически все регионы страны.

Трудно переоценить вклад И.Е. Зеленина в изучение истории совхозного строительства. Его перу принадлежат такие капитальные труды, как: «Совхозы в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927», «Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток (1928–1941, «Зерновые совхозы СССР (1933–1941 гг.)», «Совхозы СССР. 1941–1950 гг.» и другие. Опираясь на огромную, впервые вводимую в научной обороте документальную базу, он исследует вопросы, связанные с состоянием производства, много внимания уделяет социально-экономическому положению работников совхозов, приводит примеры их трудовых подвигов в довоенные, военные и послевоенные годы.

Исследовательский талант И.Е. Зеленина особенно полно раскрылся и реализовался с конца 1980-х гг., когда появилась возможность выйти за жесткие догматические рамки интерпретации истории и получить доступы к закрытым прежде архивным источникам).

В центральных исторических журналах, в материалах Симпозиумов он публикует серию статей, содержащих принципиально новый подход к ряду проблем аграрной истории 1930-х и последующих годов: о политотделах МТС, как продолжении политики «чрезвычайщины», о так называемом неонэе середины 1930-х годов, о невостребованности достижений аграрной науки на рубеже 1920-х–1930-х годов, об очередном наступлении на индивидуальное землепользование крестьянина-колхозника и хуторские хозяй-

ства в конце 1930-х годов и другие. Весьма высокую оценку получила его книга «Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство» (М., 2001), в рецензии на которую отмечается «очень тщательная работа автора с историческими документами, их внимательное прочтение и вдумчивый анализ», подчеркивается существенный вклад И.Е. Зеленина в разработку периода, не получившего еще всестороннего и объективного освещения в отечественной и зарубежной историографии.

И.Е. Зеленин внимательно и заботливо относился к подготовке научных кадров. Успешно защищали диссертации его аспиранты. Он являлся редактором монографий, научным консультантом и оппонентом ряда историков, ставших известными докторами наук: А.Н. Сорокин (Минск), И.И. Бугай (Кишинев), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), В.Я. Романченко (Саратов), В.В. Наухацкий (Ростов-на-Дону), В.И. Зайдинер (Зерноград) и др.

И.Е. Зеленин являлся незаурядным организатором исторической науки. Он регулярно выступал на научных конференциях и симпозиумах, в том числе и международных, часто выезжал на периферию, участвовал в «Круглых столах» и научно-практических конференциях историков-аграрников Урала, Западной Сибири, Дона, Кубани, Северного Кавказа.

И.Е. Зеленин в течение 20 лет являлся соруководителем одной из секций Симпозиума историков-аграрников Восточной Европы. Его доклады на секции носили новаторский характер. Обращали на себя внимание продуманность, выверенность каждой фразы. Сообщения коллег ученые выслушивал с большим вниманием и интересом. Его ценные советы и рекомендации помогали исследователям в их дальнейшей научной работе. Критиком он был строгим и доброжелательным.

При исключительной профессиональной целеустремленности И.Е. Зеленин был человеком разносторонних интересов. Активно участвовал во всех культурных программах Симпозиумов, живо интересовался историческими, культурными, литературными памятниками Нижегородской, Тамбовской, Вологодской, Калужской, Ростовской областей и других регионов страны. Илью Евгеньевича отличали высокая эрудиция, подлинная культура, порядочность и скромность.

В.И. Меньковский
(Минск)

Класс или сословие?: история советского крестьянства 1920-1930-х гг. в трудах Ш. Фитцпатрик

Сегодня невозможно представить мировую историографию советской истории без трудов Шейлы Фитцпатрик. Войдя в англо-американскую ака-

демическую среду в 1970-е годы, она сразу оказалась в центре внимания, поскольку ее работы о сталинизме открывали новые перспективы изучения этого феномена.

Уже в статье «Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г.» она пришла к выводу, что система руководства деревней плодила деспотов местного масштаба. Сталин и его соратники старались использовать ненависть обычного человека к местной власти, оправдывая «хорошего царя». Историки традиционно считали, что русский крестьянин всегда был «наивным монархистом». Однако на основании изучения сообщений местной и центральной советской печати о тридцати пяти показательных судебных процессах, проходивших в 1937 г. в сельских райцентрах России, Украины и Беларуси Фицпатрик сделала заключение о глубоком убеждении крестьянства в том что Сталин лично был ответственен за трагедию коллективизации.

Новая работа Ш. Фицпатрик «Сорвать маски!» (*Fitzpatrick, Sheila. Tear off the masks!: identity and imposture in twentieth-century Russia. Princeton University Press, 2005*), безусловно, займет свое достойное место в контексте дискуссий вокруг нового направления исторических исследований. Она подтверждает свою приверженность школе социальной истории, и показывает собственное понимание социокультурных процессов сталинского периода, обратив основное внимание на идентификацию и самоидентификацию советского человека в «классовом обществе». Авторская идея базируется на признании чрезвычайной важности классовой стратификации для повседневной жизни советских людей. Фицпатрик скептически относится к сталинской интерпретации марксистской теории классов, но серьезно – к «классовой классификации» граждан, проводимой государством. Если попытаться кратко выразить основную идею книги, то ее можно сформулировать следующим образом. Темой исследования является не вопрос о существовании или несуществовании классов в их советском понимании, а зависимость жизни человека от того к какому классу (существующему или несуществующему) его приписало государство.

В первую часть «Классовая идентичность» входят разделы «Большевистское изобретение класса», «Классовая идентичность в нэповском обществе» и «Класс и сословие». Ш. Фицпатрик пишет о принципиальном отличии большевиков от революционеров-предшественников. «Воображаемая общность», за которую боролись большевики, была не нацией, а классом. И только после исчезновения иллюзий о мировой революции была поставлена задача формирования социалистической, т.е. классовой нации. Поскольку идея класса была неотделима от идеи классовой борьбы, граждане нового революционного государства стремились улучшить свою классовую идентификацию, пытались различными способами подтвердить (или создать) принадлежность к «революционным» классам. Понимая это, власть посто-

янно проверяла граждан через бюрократические и гражданские процедуры. Призывы «Сорвать маски!», «Разоблачить волков в овечьей шкуре» оставались permanently актуальными. Власть не верила гражданам, граждане пытались обмануть государство, подозревали друг друга, боялись попасть в категорию «врагов». Создавалась ситуация порочного круга, когда все не верили всем и должны были постоянно доказывать свою лояльность в обстановке потенциального заговора классовых врагов.

Центральным парадоксом советского общества Ш. Фицпатрик считает сочетание хрупкости и важности индивидуальной классовой идентификации. Можно спорить по поводу того, существовал или не существовал в СССР класс кулаков (вспомним сталинское «уничтожить кулачество как класс»), но категория «раскулаченные» – реальность. Автор приходит к выводу, что возникновение парадокса связано с реальным существованием в Советском Союзе не классов, а сословий. Сословная принадлежность связана не с социэкономическим положением индивида, а с индивидуальными правами и обязательствами перед государством. Советские классы были виртуальными, но принадлежность к ним была реальной.

В.В. Орлов
(Чебоксары)

Проблемы изучения истории доколхозной деревни Чувашии: общие и региональные аспекты

Комплексный анализ социалистической модернизации доколхозной деревни, которая включала в себя реализацию декрета о земле, ликвидацию помещичьего землевладения, проведение политики «военного коммунизма» и замену ее новой экономической политикой, дан в трудах отечественных историков (В.П. Данилов, А.Л. Литвин, П.Н. Першин, Ю.А. Поляков, Н.Л. Рогалина, Г.В. Шарапов и др.). Преустройство аграрного сектора имело свои особенности в регионах страны, обусловленные различиями в уровне их социально-экономического развития.

Для региональной историографии актуальным остается познание реального исторического процесса, происходившего в чувашской доколхозной деревне. Для нее характерно слабое выявление особенностей проведения аграрной политики в автономии, стремление подогнать ее к общей схеме социалистических преобразований на селе, некритическое отношение к выводам советской историографии, их подача в современной терминологической «упаковке», незначительность использования новых документальных материалов, описательность изложения. Недостаточно изучены такие ключевые ее параметры, как степень восстановления крестьянского хозяйства,

его товарность и включение в рыночные отношения, роль репрессивной и налоговой политики, социальная стратификация сельского населения, причины и последствия их хронического полуголодного существования.

После революции в регионе расстроились все элементы сельского хозяйства, что приводило к кризису экономики доколхозной деревни. В этой связи многие постулаты отечественной историографии нуждаются в критическом позитивном пересмотре. В ней создан миф об огромных земельных приобретениях чувашских крестьян в ходе реализации декрета о земле. В действительности, их землепользование выросло лишь на 4%. В середине 1920-х гг. средняя обеспеченность землей одного крестьянского двора в Чувашии составляла всего 4,4 га, что в 3 раза меньше среднего надела крестьянского хозяйства европейской части страны.

В Чувашии практически полностью был реализован социалистический принцип уничтожения эксплуататорских классов. В середине 1920-х гг. крепкие хозяйства с посевами выше 10 га, являвшиеся основными поставщиками товарного зерна, составляли менее 1% всех крестьянских хозяйств автономии, малопосевные – 74,8%, что в 2 раза больше показателей по стране.

В историографии почти не обращается внимания на тот факт, что результатом сочетания национализации земли с уравнительным землепользованием крестьян-единоличников в автономии стал рост бедняцких хозяйств, а не осереднячивание деревни. В 1926-27 г. в ней бедняков насчитывалось 64,7%, что в 3 раза больше чем в стране. Доля середняков в ней соответственно оказалась в 2 раза меньше, а кулаков – почти в 7 раз.

Рализация антирыночных принципов а аграрной политике привела к быстрой деградации крестьянского хозяйства автономии. Реальные поставщики товарного зерна в ней были сведены практически на нет. А бедняцкие и середняцкие хозяйства играли крайне незначительную роль в сельскохозяйственном производстве. Именно разрушительная социально-экономическая политика советской власти являлась первопричиной столь длительного сохранения голодного бедствия населения автономии (до конца 1926 г.), а не природные факторы и стихийные бедствия. Объективно чувашское доколхозное крестьянство отрицательно относилось к аграрным реформам и преобразованиям советской власти.

Отражение проблем аграрного развития Севера Западной Сибири в 1930-е гг. в трудах современных ученых региона

В современном изучении аграрного развития Северо-Западной Сибири, вероятно, можно выделить три группы исследований ученых. К первой относятся труды историков-аграрников, исследующих историю сельскохозяйственного производства по отраслевому признаку, прежде всего это тюменские ученые – А.С. Иваненко – доктор сельскохозяйственных наук, профессор Тюменской государственной сельскохозяйственной академии и В.Е. Иваненко – кандидат исторических наук, доцент указанной академии.

В состав второй группы мы бы включили историков, исследующих в контексте различных проблем прошлого региона вопросы аграрного развития Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Это, профессор из Тобольска Ю.П. Прибыльский и его ученица Н.И. Загороднюк – кандидат исторических наук, попытавшиеся показать роль спецпереселенцев в различных отраслях экономики края. Так, Н.И. Загороднюк, в частности, пришла к выводу, что производственная деятельность спецпереселенцев во многом была определяющей в развитии хозяйства края. К этой группе мы отнесли бы исследования, принадлежащие историкам из Екатеринбургa С.В. Горшкову и Н.Н. Попову, также рассматривавших вопросы крестьянской ссылки и не обобщивших вниманием роль спецпереселенцев в аграрном развитии Югры, впрочем, как и О.К. Акмент из Сургутского государственного университета.

Третью группу исследований представляют труды Л.В. Алексеевой – профессора Нижневартовского государственного гуманитарного университета, представившей комплексную характеристику сельскохозяйственного развития Югры и Ямала в 1930-х гг. и ее учеников – молодых ученых – В.В. Мошкина, И.И. Коньшевой, – аспирантов кафедры истории России указанного университета, завершивших кандидатские диссертации по аграрной тематике.

За последние годы из под пера указанных авторов вышло значительное число работ, благодаря которым удалось существенно конкретизировать многие сюжеты темы, детально представить развитие аграрной сферы северного региона. Как известно, сельскохозяйственное развитие края стало возможно благодаря крестьянской ссылке. Нами установлено, что в результате трех этапов крестьянской ссылки в сельское хозяйство на Обь-Иртышский Север было распределено 11 400 человек. Однако по мере увеличения производственных планов для сельского хозяйства и в связи с высокой смертностью среди спецпереселенцев осуществлялась внутренняя

переброска ссыльных с одного объекта на другой. К марту 1932 г. на территории Остяко-Вогульского округа наблюдалось увеличение числа спецпереселенцев, приписанных к сельскохозяйственным колониям.

Исследования, выполненные по сельскохозяйственному производству, свидетельствуют о том, что колхозное и совхозное производство к середине 1930-х гг. стало налаживаться. Однако прироста производства в земледелии во второй половине 1930-х гг. не наблюдалось. Возможности для экстенсивного развития были исчерпаны. Наблюдалась стабилизация животноводческой отрасли в колхозах Остяко-Вогульского округа. Колхозы и совхозы Ямало-Ненецкого округа накануне войны не стали основными производителями продукции. Они существовали наряду с индивидуальными хозяйствами, роль которых в оленеводстве была определяющей. Ямальское оленеводство сохраняло свои традиционные черты, в общественном секторе находилась незначительная часть поголовья оленей.

Итак, за последние 10 лет учеными региона выполнены исследования по изучению сельского хозяйства северных районов Тюменской области, преимущественно Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) округа. Завершены диссертационные исследования по темам крестьянской ссылки (где отражена роль спецпереселенцев в сельскохозяйственном освоении) и землеустройства на Обь-Иртышском Севере. Выполнены монографические исследования, включающие вопросы аграрного развития края. Становится очевидным, что необходимы не только специальные исследования, посвященные сельскохозяйственному производству края, развитию аграрной сферы в различные периоды новейшей истории Югры и Ямала, но и обобщающие труды по аграрной истории региона в XX веке.

О.В. Бершадская, В.Е. Щетнев
(Краснодар)

Проблемы историографии кубано-черноморской деревни 1920-х гг.

Деревня Юга европейской России, куда входили кубано-черноморские регионы с их разнообразными поселениями (станицами, селами, хуторами, аулами), контрастными природно-географическими условиями, особым составом населения и другими особенностями исторического развития, располагает сегодня достаточно обширной историографией.

Последняя в XX в. прошла ряд этапов, среди которых 1920-е годы занимают значительное место. Именно в эти годы зародилась историография кубано-черноморской деревни со всеми ее достоинствами и недостатками. Последующие этапы (30 – 50-е, 60 – 80-е), включая современный, прошли

под влиянием первого, когда сложилась источниковая база и были написаны первые работы о доколхозной деревне.

В 1920-е годы изучение деревни было поставлено довольно широко. Работали старые специалисты (статистики, географы, экономисты и др.), была заинтересованность органов власти в познании деревни «как она есть», и это дало первые результаты. «Деревенские» проблемы нашли отражение в трудах о революции (И. Борисенко, Г. Ладоха и др.), появились первые аграрные исследования (И. Гольдентул, И. Клейнер, И. Конюков, Н. Лихницкий, А. Пономарев, П. Насонов, А. Сеннов и др.). В рамках дозволенного обозначились разные направления, среди которых наиболее авторитетной была «организационно-производственная» школа, представленная на Кубани И. Конюковым, а на Черноморье – П. Насоновым. Ортодоксально-марксистских позиций придерживался Н. Лихницкий.

В начале 1930-х гг. в связи с начавшимся «наступлением социализма по всему фронту» все авторы умолкли, а их работы оказались в спецхранах библиотек и архивов. История «нэповской» деревни свелась к подготовке коллективизации и до 1960-х гг. фактически не изучалась.

Ее исследование возобновилось благодаря: а) реанимации наследия «двадцатников» и б) под влиянием результативной работы группы по изучению истории крестьянства в Институте истории АН СССР под руководством В. Данилова.

Период 1960-1980-х гг. интересен борьбой различных тенденций. Одна из них (В. Данилов и его последователи) выступали за творческое познание доколхозной деревни, хотя и в рамках марксистской парадигмы, другая (С.П. Трапезников и его «союзники», главным образом, историки КПСС) стояла на консервативных позициях, определенных в свое время «Кратким курсом» с небольшими поправками. Борьба названных тенденций отражалась и на развитии региональной историографии, в том числе северокавказской (работы Я. Перехова, С. Смагиной, П. Чернопицкого, Е. Осколкова, В. Щетнева и др.). Заслугой северокавказских историков стала постановка казачьей проблемы после долгих лет умолчания и изучение хода аграрных преобразований в 1920-е гг. Однако в этот период внимание исследователей было сосредоточено на кубанской станице, а черноморская деревня осталась «в тени».

1990-е годы принесли возможность деполитизировать и деидеологизировать проблему, включить в сферу внимания новые проблемы (культура и повседневность, демография, менталитет доколхозной черноморской и кубанской деревни и станицы и др.). В изучение 1920-х гг. включились молодые историки (А. Баранов, О. Бершадская, А. Рожков, М. Макаренко и др.), что позволяет смотреть в будущее с оптимизмом.

Массовые источники по истории крестьянского двора в России 1917–1920-х гг.

Среди многочисленных документов по истории советской доколхозной деревни особое место занимают массовые статистико-экономические материалы, к которым в первую очередь относятся источники по статистике народонаселения (результаты Всероссийской сельскохозяйственной и по земельной переписи 1917 г., 10% сельскохозяйственной переписи 1919 г., демографической, профессиональной и сельскохозяйственной переписи августа 1920 г., Всесоюзной переписи населения декабря 1926 г.). Все эти материалы имеют административную привязку, поэтому для преодоления противоречий в сведениях требуется проведение кропотливых подсчетов, проверка и сравнение фактов, постоянный учет сопоставимости территорий в хронологическом соответствии.

Вторую группу составляют материалы по статистике сельскохозяйственного производства, среди которых выделяются данные весенних и осенних выборочных переписей (опросов). Опросы ставили своей задачей учет всех важнейших элементов крестьянского хозяйства, что позволяло ежегодно устанавливать не только параметры сельскохозяйственного производства, но и их социально-экономическую структуру. Публикации этих материалов несмотря на то, что данные в них обобщены, представляют собой практически единственный носитель статистической информации, зафиксировавший результаты динамических обследований и выборочных опросов. Общим подходом в преодолении динамической несопоставимости этих данных является их агрегирование, замена пропущенных значений, вычисление относительных величин, многомерная иерархическая классификация посевных групп дворов, исключение некомплектных признаков, или заполнение средними значениями признака.

Третья наиболее обширная группа источников это динамические (гнездовые) переписи крестьянских хозяйств 1920–1929 гг. Переписи охватывали весь комплекс межкрестьянских и межхозяйственных связей. В проведении динамических переписей выделялись два этапа. На первом (1920–1926 гг.) все внимание было обращено на "социально-органическую" эволюцию дворов, на втором (1927–1929 гг.) – на анализ социальных отношений в деревне. В 1927–1929 гг. изменился принцип закладки переписных гнезд путем увязки их с производственным направлением двора. Например, в границах Северного края было выделено 8 производственных типов гнезд: «приморско-рыболовный, заводской, молочный», «лесопромысловый», «лесной, кустарно-промысловый», «лесной, кустарно-промысловый, мясомолочный»,

«молочно-маслодельный, льняной», «лесопромысловый, мясомолочный, льняной», «молочный, лесопромысловый», «молочный, кустарно-промысловый». Все элементы производства получили ценностное выражение, а их стоимость стала кумулятивным показателем размера хозяйства. На этой основе было выделено четыре классовые группы дворов: пролетариат, полупролетариат, простые товаропроизводители, «мелкокапиталистические» хозяйства.

Четвертую группу включают бюджетные обследования крестьянских дворов, содержащие наиболее детальную информацию о крестьянском хозяйстве. Материалы бюджетных описаний широко представлены в общероссийских и региональных публикациях, правда, в последних они выглядят в более обобщенном виде. Главным группировочным признаком крестьянских дворов являлся размер посева (с 1925 г. – стоимость основных средств). Бюджетные описания были впервые подвергнуты источниковедческому анализу лишь в середине 1950-х гг. В 1970-х гг. Ю.П. Бокарев предложил методику использования бюджетной статистики в исторических исследованиях, которая по сей день не утратила своего значения. Определенный опыт можно извлечь из разработанной И.Т. Алиевым и И.Р. Рафи-заде компьютерной экспертной системы "Peasantry" использования и анализа бюджетных описаний крестьянских дворов с учетом созданной базы данных по аграрной истории.

В совокупности обозначенный выше круг статистических материалов дает возможность реконструировать процессы развития крестьянского двора, выявить ведущие факторы его динамики, воссоздать реальную картину исторических условий жизнедеятельности двора в первое советское десятилетие.

Н.А. Ивницкий
(Москва)

Коллективизация и раскулачивание: источники, исследования, итоги

В конце 1980 – начале 1990-х гг. происходит расширение источниковой базы исследований, вводятся в научный оборот документальные материалы бывших партийных и ведомственных архивов, а также ранее недоступных или секретных фондов государственных архивов, начинается новый этап в публикации исторических источников. Наряду с публикациями отдельных документов в периодических изданиях («Родина», «Исторический архив» и др.) появляются сборники документов и материалов по истории коллективизации и раскулачивания в 1930-х годах. Начало этому положил сборник

«Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг.», изданный в 1989 г. Вслед за ним появились сборники документов на местах: «Из истории раскулачивания в Карелии. 1930-1931 гг.» (Петрозаводск, 1991), «Спецпереселенцы в Западной Сибири» (Новосибирск, 1992-1996), «Раскулаченные спецпереселенцы на Урале» (Свердловск, 1993), «ВЧК-ОГПУ о политических настроениях крестьянства. 1921-1927 гг.» (Сыктывкар, 1995) и другие.

В 1993-1994 гг. началась работа над двумя международными проектами «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939» в четырех томах (первый том вышел в 1998 г.) и «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939» в пяти томах (М., 1996-2006). В последние десятилетия вышел в свет ряд фундаментальных изданий документов и материалов Архива Президента Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива ФСБ, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, в которых освещаются вопросы коллективизации и раскулачивания и политических репрессий в деревне в 1930-х годах.

Из региональных изданий следует особо отметить четвертый и шестой тома десятитомного издания «Покаяние», подготовленного Коми благотворительным общественным фондом жертв политических репрессий (Сыктывкар, 2001, 2004), в которых помимо документов и материалов (фотографии и воспоминания) приводятся посемейные списки раскулаченных, находившихся на спецпоселении в Коми области (республике), из зерновых районов СССР, а также списки крестьян Коми автономной области, отнесенных к группе кулаков и осужденных по политическим статьям (1930-е годы). Таких обстоятельных публикаций нет ни в одном другом регионе.

Несомненным достижением археографической деятельности научных и архивных учреждений 1990-х годов является вовлечение в научный оборот ранее недоступных материалов «Особых папок» ЦК ВКП(б) и личных фондов И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича других руководящих деятелей партии и правительства, не говоря уже о документах репрессированных лиц (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и др.). К сожалению, в последние годы источниковая база сужается, доступ к некоторым фондам и материалам все более затрудняется.

«Оттепель» конца 1980-х – первой половины 1990-х годов благоприятно сказалась на исследованиях по истории коллективизации и раскулачивания 1930-х годов. Появились многочисленные статьи в тематических сборниках, научных журналах и газетах. На основе новых, ранее недоступных материалов ученые и публицисты попытались по-новому переосмыслить события 1930-х годов, в том числе и историю коллективизации сельского хозяйства в СССР. Всесоюзное общество «Знание» в ноябре 1987 г. провело

всесоюзный семинар «Исторический опыт КПСС в свете 70-летия Великого Октября» с докладом Н.А. Ивницкого «Коллективизация сельского хозяйства в СССР: опыт, уроки, выводы». В Историко-архивном институте несколько позже состоялась публичная лекция на эту же тему. В рамках программы «Обновление гуманитарного образования в России» был издан ряд книг по истории, в том числе и «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)» (М., 1994), переизданная в 1996 г. массовым тиражом и рекомендованная Министерством общего профессионального образования в качестве учебного пособия для вузов, факультативных занятий и школьных уроков по курсу «Новейшая история».

В начале века был издан ряд монографий: С.А. Красильникова «Серп и молот: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы (2003), В.Н. Земскова «Спецпоселенцы. 1930-1960» (2003), Н.А. Ивницкого «Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928-1933 гг.) (2000), «Судьба раскулаченных в СССР» (2004), И.Е. Зеленина «Сталинская революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939. Политика, осуществление, результаты» (2006), в которых широко использованы ранее секретные материалы ЦК ВКП(б) и карательных органов (ОГПУ, НКВД, суда и прокуратуры). Это позволило авторам в основном воссоздать объективную картину положения в деревне в 1930-е годы. Разумеется, не все эти работы равноценны в научном отношении. Но главное состоит в переосмыслении истории советского крестьянства, в отказе от старых стереотипов, в новом подходе.

Между тем в некоторых работах (по преимуществу статьях) публицистов и политологов, а иногда и экономистов, под предлогом отказа от старых стереотипов дается одностороннее, тенденциозное толкование событий и фактов в угоду современной политике, что наносит вред исторической науке. В ряде статей под видом нового подхода в изучении исторических процессов некоторые историки выдвигали надуманную теорию «неонэпа», положив в основу колхозную торговлю. Не избежало этого недостатка и плохо отредактированное и содержащее массу фактических ошибок и противоречий посмертное издание книги И.Е. Зеленина «Сталинская революция сверху».

Составной частью и результатом сталинской коллективизации является голод 1932-1933 г. Насильственная коллективизация, раскулачивание наиболее дееспособной и трудолюбивой части крестьянства, антикрестьянская политика хлебозаготовок и непосильные налоги привели к упадку сельскохозяйственного производства и – как результату всего этого – к страшному голоду 1932-1933 гг., охватившему территорию с населением более 50 млн. человек.

Первые работы о голоде появились в 1993-1995 гг. как материалы научных конференций, а также в качестве учебных пособий РГТУ («Голод 1932-

1933 годов»), коллективной монографии «Судьбы российского крестьянства», глав в монографиях Н.А. Ивницкого и специальной работе В. Кондрашина и Д. Пеннер «Голод: 1932-1933 годы в советской деревне» (2002). Наибольшую активность в изучении этой проблемы проявили украинские историки и политики. В 1993 и 1998 г. на Украине проходили международные научные конференции, посвященные голоду («голодомору») 1932-1933 гг. В их работе принимали участие и российские историки (И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин, Е.Н. Осколков). Материалы этих конференций опубликованы в 1995 и 2000 годах.

В 2003 г. в Италии (Венеция) в конференции по голоду принимали участие и выступали с докладами и российские историки (Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин). Материалы конференции опубликованы на итальянском языке в 2004 г.

К сожалению, этим и ограничилось участие российских ученых в изучении проблемы голода, хотя в РСФСР погибло от голода 1932-1933 гг. столько же людей (в основном крестьян), как и на Украине (3,5 млн. человек). Нужно объективное освещение исторических событий, а не конъюнктурное использование науки в политических целях.

Э.М. Щагин
(Москва)

Проблема альтернатив деревенской «революции сверху» в постсоветской историографии

Критическое переосмысление всего недавнего прошлого в постсоветской историографии придало особую некую актуальность обращению не только отечественных, но и западных исследователей к проблеме путей развития России, альтернативных тем, что имели место в реальности, решаемой применительно ко всему пореволюционному периоду, либо к каждому из его этапов, либо отдельных задач строительства нового общества в СССР.

Не менее примечателен и тот факт, что чем масштабнее и противоречивее выглядели перемены в развитии страны, чем выше оказалась цена, заплаченная народом за них, тем с большей силой и убежденностью в значимости для теории и практики современного обустройства России разворачиваются среди историков, экономистов, социологов и других специалистов общественнонаучные споры по вопросу не о том, что произошло в действительности, а о том, «чего не было, но могло бы быть, если бы...»

Форсированная коллективизация, обошедшаяся стране слишком дорого, представляет для таких дискуссий весьма обильную пищу. Не приходит

ся удивляться, что на гребне второй (после хрущевской) реабилитационной волны, порожденной горбачевской перестройкой, с подачи западных советологов (С. Козна, М. Левина, Т. Шанина и др.) в отечественной литературе криком моды стало противопоставление ей в качестве альтернатив, варианты модернизации мелкого крестьянского хозяйства, выдвигаемые лидером правого уклана – Н. Бухариным, с одной стороны, и ведущим представителем организационно-производственной школы А. Чаяновым и его единомышленниками – с другой.

Наряду с ним обсуждалась и третья, сформулированная иными западными историками – Г. Хантером и Я. Ширнером – альтернативная версия поступательного развития сельского хозяйства СССР на основе сложившихся в аграрной сфере страны нэповского времени тенденциях. Похожую точку зрения высказывали и некоторые отечественные специалисты – Л.Бородкин и М. Свищев. При этой перспективе, когда в деревне продолжало бы преобладать мелкое хозяйство, Россия лишалась возможности в кратчайшие сроки справиться со сложной задачей модернизации народного хозяйства, поскольку без принудительной перекачки средств из деревни в город негде было взять ни необходимых капиталовложений, ни тех 18 млн. рабочих, которых высвободила колхозно-совхозная система для создания индустрии и народнохозяйственной инфраструктуры – транспорта, связи, торговли и т.п.

По тем же причинам столь же умозрительные шансы на успех имели, как бухаринская, так и чаяновская «кооперативные» альтернативы сталинской коллективизации советской деревни. При этом обе последние альтернативы характеризуются часто не только как близкие, но и как тесно связанные генетически в связи с тем, что первая из них вобрала если не все, то основополагающие идеи второй. Мне уже доводилось отмечать правоту В. Кабанова, который усматривал во взглядах А. Чаянова и Н. Бухарина не столько сходство, сколько значительно большее различие. Дело в том, что если Чаянов считал обязательным условием для реализации своей концепции крестьянской «самоколлективизации» свободу товарно-денежных, рыночных взаимоотношений, то Бухарин (вслед за Лениным) этот фактор допускал лишь частично, в качестве присущего лишь переходному от капитализма к социализму периоду.

Еще важнее другое. В то время как Ленин и Бухарин связывали поголовное кооперирование деревни с диктатурой пролетариата (а точнее, своей партии), Чаянов и его единомышленники считали возможным обобществление мелкого хозяйства только в условиях демократического правопорядка, который придет на смену диктаторскому режиму большевиков.

В сравнении со сталинской насильственной ломкой крестьянского хозяйства, сопровождавшейся трагедией для сотен тысяч раскулаченных и гибелью еще большего числа населения деревни от голода 1932 и 1933 гг., а

также падением производительных сил отечественного сельского хозяйства, победа чаяновской версии, оказавшись она реализованной, означала бы безболезненную, эволюционного характера перестройку аграрного сектора СССР на реформистских началах.

Однако крупномасштабной перекачки материальных и трудовых ресурсов из деревни в город, из сельского хозяйства в промышленность и инфраструктуру в целях форсированного индустриального скачка, который стране надлежало осуществить, этот путь не мог гарантировать. Более того, при существующем политическом режиме чаяновско-кондратьевская модель модернизации села оказывалась нереализуемой.

Не случайно все надежды и практические действия ученых-оппозиционеров были нацелены на то, чтобы, используя свое положение спецов в соответствующих наркоматах и других ведомствах, попытаться реализовать тактику «обволакивания» по образу и подобию того, как удачно осуществил кадетско-прогрессистский блок по отношению к самодержавию, прежде, чем свалить его в феврале 1917 года.

В заключение подчеркнем, что реальных шансов на осуществление ни бухаринская, ни чаяновско-кондратьевская альтернативы форсированной коллективизации в конкретных условиях конца 1920 – 1930-х гг. не получили. Отечественная деревня оказалась обреченной на сталинскую «революцию сверху» – одну из крупнейших трагедий советского народа. Исход борьбы за выбор пути, по которому должно было пойти советское крестьянство приобрел поистине судьбоносное для народов СССР значение. Колхозный строй, ускоренно созданный хотя и очень дорогой, но все же не напрасной ценой, не только обеспечил форсированную перекачку средств и 18 млн. армию рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, сделав возможным индустриальный рывок страны, в результате которого колхозная деревня стала составной частью сформированной в СССР модели предельно централизованной экономики мобилизационного типа, которая внесла весомый вклад во всемирно-историческую нашу Победу в Великой Отечественной войне.

Н.А. Щербакова
(Калуга)

Источники о политических настроениях крестьян в годы гражданской войны. 1918-1920 гг.

Изучение политических настроений крестьянства находится на стыке исторических и социологических дисциплин, в том числе социальной психологии и конфликтологии. Специфика проблемы предполагает привлечение широкой источниковой базы, в которой первостепенное значение имеют

документы низовых органов власти. Из всей совокупности выделяются такие виды источников, как приговоры, постановления, резолюции сельских и волостных сходов; прошения и жалобы крестьян; документация низовых и уездных органов и организаций РКП (б): отчеты, доклады и сообщения об их деятельности, о проведении в деревне различных мероприятий; документация губернских органов власти, в том числе, материалы съездов Советов, конференций РКП (б), а также доклады агитаторов и уполномоченных; информационные письма ВЦИК, СНК, центральных продовольственных и военных органов; газетные публикации о событиях на местах; сводки ВЧК; воспоминания современников, участников гражданской войны и укрепления советской власти.

Часть документов, в особенности относящихся к центральным органам власти, опубликована. Основная же масса хранится в фондах губернских, уездных и волостных органов власти, комитетов РКП (б), военкоматов и продкомов областных архивов, а также в фондах ВЦИК, ЦК КПСС, военных округов центральных архивов РФ.

Значительная часть документов представлена постановлениями, выражающими поддержку советской власти. Многие из них составлялись председателями исполкомов и агитаторами от лица крестьян по единому образцу и не отражали многообразия крестьянских настроений. Из документов органов власти известно, что крестьянские общества принимали решения об отклонении продовольственных и военных мероприятий, проводившихся в деревне. Однако протестные резолюции встречаются крайне редко, практически все они утрачены.

Крестьянские жалобы в последнее время привлекают внимание исследователей, что подтверждается рядом документальных и аналитических публикаций. Они содержат индивидуальные, реже – коллективные, протесты против изъятий скота и продовольствия, но обходят стороной общественно-политическую сферу жизнедеятельности деревни, что является существенным недостатком в рамках данной проблематики.

Документы органов власти, организаций РКП(б) предоставляли вышестоящим инстанциям информацию о проведении в деревне продовольственных, военных мероприятий, а также мер по реализации декрета об отделении церкви от государства. В них приводятся цифры, раскрываются причины срыва, неполного или несвоевременного выполнения населением распоряжений центра. Ценность этих источников заключается в том, что с их помощью можно определить болевые точки во взаимоотношениях крестьянства и власти, оценить масштабы недовольства. В то же время со стороны ответственных лиц наблюдается стремление отвести от себя обвинения в слабой организации указанных мероприятий. Зачастую во всем обвинялось население, якобы контрреволюционно настроенное.

В сообщениях агитаторов просматривается желание вскрыть недостатки местных органов власти, в чем отражается сочувствие крестьянам со стороны агитаторов, как правило, выходцев из их же среды. Субъективность этого источника определяется узостью кругозора и низким уровнем образования их авторов.

Сводки ВЧК стали доступны исследователям относительно недавно и вызвали особый интерес в среде историков. Особенностью этого вида источников является исключительное внимание к конфликтному полюсу взаимоотношений крестьянства и власти. Эту специфику необходимо учитывать, чтобы избежать представления о широком распространении антисоветских настроений.

Газетные публикации на сегодняшний день являются достаточно изученным источником, для которого характерна односторонность и излишняя политизация.

Воспоминания современников незаменимы в плане отражения событий глазами представителей определенной социальной среды, однако личный фактор накладывает на них свой отпечаток.

Итак, для получения наиболее полной картины политических настроений крестьян необходимо привлечение широкого круга источников, а также критичного и комплексного подхода к ним.

В.С. Жукова
(Вологда)

Бюджетные обследования как источник экономического состояния крестьянского хозяйства советской доколхозной деревни

Бюджетные обследования 1920-х годов представлены несколькими разновидностями документов: материалами по статистике сельскохозяйственного производства, динамическими (гнездовыми) переписями, бюджетными обследованиями крестьянских хозяйств. Материалы по статистике сельскохозяйственного производства включают также материалы весенних и осенних выборочных переписей (опросов). В них производился учет всех важнейших элементов крестьянских хозяйств по довольно широкой программе.

Крестьянские бюджеты 1920-х гг. дают возможность исследовать степень натуральности производства, его товаризации, формирование предпринимательских, фермерских хозяйств, кооперирование крестьянских дворов и другие проблемы.

Так, изучение бюджетов двора Европейского Севера России показывает, что крестьянское хозяйство здесь довольно рано начало втягиваться в рыночные отношения. По методике расчетов валовой и чистой товарности,

предложенной Л.Н. Литошенко и А.Г. Дербеневым, отношение отчужденной продукции к валовой сельскохозяйственной продукции служит измерителем валовой товарности сельского хозяйства, т.е. показывает, какая доля производимых в крестьянских хозяйствах продуктов выкидывалось во внешнехозяйственный оборот.

По данным динамической переписи Архангельской губернии в 1927/28 г. наибольшую степень товарности демонстрировали хозяйства, находившиеся в Холмогорском и Поморском гнездах-районах. В первом из них 85,4% всех обследованных хозяйств обладали товарной продукцией. Из них более половины (58,5%) имели товарную продукцию более 151 руб. на хозяйство. Сбыт молока и мяса на артельные заводы, продажа скота и сена делали высокой товарность хозяйств Холмогорского района, которая базировалась на молочно-скотоводческой отрасли. В Поморском районе, где степень обеспеченности основными средствами сельскохозяйственного производства была ниже, чем в других районах, товарность хозяйств базировалась на развитии рыбозверино-кустарного промысла, обусловленного высокой обеспеченностью промысловым инвентарем. Здесь половина всех обследованных хозяйств совершенно не имела товарной продукции. Данные дворы вели свое потребительское сельское хозяйство и имели заработки от службы и отхода на лесозаготовки, лесосилав и пр. При наличии лучшей, чем в других районах, обеспеченности пашней и другими средствами производства наименьшую степень товарности имели хозяйства Шеговарского района (80% нетоварных хозяйств). В Пинежском районе более половины обследованных хозяйств (52,9%) не имели товарной продукции, а 31,6% были с товарностью до 50 руб. на двор.

В 1920-х годах крестьянский двор еще сохранял свое значение «основы старокрестьянского общества». С одной стороны, сохранялись его важнейшие черты – семейно-трудовая организация, самовоспроизводство, ручной труд. С другой стороны, продолжалось внутреннее перерождение крестьянского сообщества, которое было прервано событиями начала XX века. В годы нэпа крестьянские хозяйства все больше втягивались в рыночные отношения. Нужно отметить, что раскрестьянивание сельских обывателей было различной степени. В промысловых районах Европейского Севера России, где уровень собственного сельскохозяйственного продукта в бюджете крестьянской семьи снижался до 1/3 доходного бюджета, отмечается большая степень раскрестьянивания. Аналогичные выводы можно сделать и о крестьянских хозяйствах с большей степенью товаризации.

Крестьянин в шинели: документы РККА как источник для исследования крестьянского менталитета в конце 1920-х годов

Значение Красной армии, преимущественно крестьянской по составу, во второй половине 1920-х годов определялось нарастанием не только военной опасности, но и внутривойсковой напряженности, особенно в деревне – в связи с хлебозаготовительным кризисом и применением чрезвычайных мер. Необходимость обеспечения лояльности красноармейцев привела к тщательному контролю за настроениями в армии, причем наиболее внимательно отслеживались так называемые «крестьянские настроения», особенно с 1928 г.

Сводки о настроениях красноармейцев составлялись несколькими органами: политуправлениями разных уровней, военной прокуратурой и особыми отделами. Анализ этих документов, которые включали в себя не только примеры высказываний красноармейцев, свидетельства отпускников, вернувшихся из деревни, и «ходовков»-родственников, но и анализ содержания писем в Красную армию, оценки эффективности политработы и проч., позволяет сделать вывод о том, что в сводках, в основном, отражались реальные настроения, самые большие проблемы, тревожившие крестьян. Однако считать, что армейские документы могут служить лишь одним из дополнений, пусть и ярким, к уже широко используемым историками информационным сводкам и обзорам ОГПУ и партийных органов, было бы неверно.

Несмотря на сходство общего содержания, комплекс материалов о настроениях красноармейцев дает дополнительные возможности для исследования общественно-политической ситуации в деревне. Не перечисляя всех вариантов их использования, остановимся лишь на некоторых.

Эти документы частично позволяют компенсировать недостаток сведений о *степени распространенности* тех или иных настроений, с чем постоянно сталкиваются исследователи крестьянского менталитета.

Анализ перлюстрированной корреспонденции дает возможность судить о содержании *частных* крестьянских писем – источнике, практически недоступном исследователям.

Еще одна возможность, предоставляемая документами РККА, – изучение эффективности пропаганды и степени понимания и осмысления (судя по документам – очень низкой) проводимой политики агитаторами низшего и среднего звена.

Кроме того, анализ обзоров о настроениях в Красной армии позволяет расширить представление о репрезентативности и достоверности всего комплекса информационных сводок различного происхождения. В частности,

сохранившиеся документы позволяют говорить о неэффективности методов и значительной условности определения социального статуса авторов тех или иных высказываний, а также выявить несоответствие между реальной возможностью службы в армии на рубеже 1920-30-х годов для выходцев из зажиточных крестьянских семей и постоянно упоминаемым «кулацким влиянием».

И еще одна важная проблема, уточнить которую позволяют документы РККА, – причины неиспользования армии (за исключением специальных частей НКВД) в подавлении крестьянского сопротивления коллективизации, с одной стороны, и повсеместно распространенном лояльно-спокойном отношении крестьян-красноармейцев к «перегибам» коллективизации – с другой.

Н.С. Тархова
(Москва)

Красная Армия и коллективизация советской деревни

Обозначенная проблема Армии и Крестьянства является междисциплинарной, что определяет ситуацию, когда исследователи военной истории, изучая различные стороны жизнедеятельности Красной Армии, в меньшей степени рассматривали ее в контексте политических событий, происходящих в деревне на рубеже 1920-х и 1930-х годов. То же самое можно наблюдать в отношении исследований по истории советского крестьянства. Как правило, в исследованиях советского периода внимание исследователей было нацелено только на одну из сторон этой проблемы – участия армии в подготовке кадров для советской деревни.

Политические изменения, происшедшие в России на рубеже XX и XXI веков, в том числе сказались на пересмотре прежних исторических концепций. Рассекречивание архивов и расширение доступа к ним способствовало введению в научный оборот многочисленного репрезентативного корпуса архивных материалов всех уровней власти. Событием не только исторической, но и общественной жизни стали серийные документальные публикации «Трагедия советской деревни. 1927–1939» (М., 1999–2006. Тома 1-5) и «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939» (М., 1998–2005. Тома 1-3), которые не только открыли истинную картину осуществленного над крестьянством насилия в 1927–1933 годах, но и позволили определить место и роль Красной Армии в происходящих событиях.

С началом проведения «нового курса» в деревне в конце 1920-х годов проблема взаимоотношения Армии и Крестьянства вновь, как и в годы Гражданской войны, приобретает накал, готовый перерасти во взрыв, способный поколебать устой Власти. Армия оказывается между двух огней – к ней

апеллирует Крестьянство, на нее рассчитывает Власть. Чтобы понять, почему это происходит необходимо ответить на два вопроса:

Первый – *Почему Крестьянство видело в Армии своего защитника.*

Красная Армия по своему социальному составу являлась крестьянской. Проведенная в декабре 1926 года военная перепись показала, что подавляющее большинство военнослужащих имеют крестьянские корни. По данным переписи 78,3 % всей армии были выходцами из крестьян. Среди призывников процент крестьян был еще больше.

Проведенная в середине 1920-х годов реформа в Красной Армии упорядочила систему призыва и службы в армии. Ежегодно через армию должно было проходить сельское мужское население в возрасте 21–24 лет. Причем важно помнить, что согласно реформе Красная Армия подразделялась на кадровые и территориальные части. Сочетание кадровой и территориальной системы призыва позволяло пропускать через армию достаточно большое количество мужского населения не только призывного, но и более старшего возраста. С учетом сказанного можно говорить о том, что между Крестьянством и Армией существовала теснейшая связь.

Ответ на второй вопрос – *Почему Власть рассчитывала на помощь Армии* – не требует особых доказательств. Армия – это вооруженная часть общества, наделенная полномочиями по защите государства. В этом ее прямая и главная обязанность перед обществом и властью.

Таким образом, с началом проведения сталинского «нового курса» в деревне армия оказалась в центре острейшей ситуации. С одной стороны, от армии ждала защиты и помощи деревня, в частности родные и близкие, на которых обрушился шквал насилия. С другой стороны – армия призвана была защищать власть и ту часть общества, которая не была связана с деревней. Обе стороны имели на это право. Деревня – по линии родства, власть – по линии государственной структуры.

В.Я. Филимонов
(Калуга)

Взаимоотношения города и деревни в годы нэпа: проблемы изучения

Острый политический кризис конца 1920 – начала 1921 гг. заставил большевистское руководство в очередной раз скорректировать политику в отношении крестьянства. Массовые крестьянские выступления свидетельствовали об известной внутренней «солидаризации» деревни в ее противостоянии пролетарскому городу. Сложившиеся условия заставили перейти от характерной для «военного коммунизма» узко-классовой трактовки города

и деревни (рабочий класс – крестьянство) к более широкому осмыслению этих категорий, как сложных социально-поселенческих структур (примечательно, что в последних своих статьях Ленин обозначил важнейшие контуры нового подхода к проблеме города-деревни, связывая с этим «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» – ПСС, т. 45, с. 376).

Поворот к новой экономической политике обострил общественный интерес к проблеме города-деревни, вызвал множество публикаций в печати на эту тему. Одна из особенностей литературы 1920-х годов – ее полемическая направленность, что было обусловлено острой внутрипартийной борьбой, идеологическими столкновениями вокруг нэпа. Такой характер носили выступления в печати государственных руководителей, партийных публицистов.

Наряду с полемикой литература 1920-х годов впитала в себя обширный фактический материал, отражающий практику перестройки взаимоотношений города и деревни. В эти годы определилась проблематика изучения темы: город и деревня как формы поселений, их место в социально-поселенческой структуре общества; социально-демографические процессы; город и деревня в административном районировании; рынок между городом и деревней; культурно-политические связи города и деревни.

В целом литература 1920-х годов стала своеобразной базой для становления советской историографии проблемы. В ней проблема города и деревни осмысливалась как становление нового типа взаимоотношений под влиянием регулирующего воздействия государства, хотя конкретная история этого процесса не получила сколько-нибудь полного раскрытия.

События, развернувшиеся в стране на рубеже 1920-30-х годов, поворот к форсированному строительству социализма прервали складывающуюся историографическую традицию. Проблематика изучения отношений города и деревни, обозначившаяся в годы нэпа, фактически была отброшена и на ее месте утвердилась одна проблема: ликвидация противоположности города и деревни, трактуемая в соответствии с марксистским положением о стирании классовых различий и уничтожении товарного хозяйства. История города и деревни 1920-х годов осмысливалась лишь в рамках предпосылок ликвидации противоположности.

Интерес к проблеме города – деревни обострился в 1960-70-е годы, когда кризис деревни стал все более осознаваться обществом. В большинстве работ, изданных в эти годы, взаимоотношения города и деревни, как правило, осмысливались в контексте союза рабочего класса и крестьянства. Как результат такого подхода, преобладали упрощенные представления о механизме взаимоотношений города и деревни в условиях нэпа, скрывающие сложный и противоречивый характер процесса (показательно, что авторы историко-партийных работ понятия «союз рабочего класса и крестьянства» и «взаимоотношения города и деревни» применяли как идентичные).

Вместе с тем в 1960-80-е годы был опубликован целый ряд исследований, посвященных проблемам, связанным с взаимоотношениями города и доколхозной деревни (работы В.П. Данилова, Ю.А. Полякова, И.Я. Трифонова, В.П. Дмитренко, В.А. Цыбульского, В.Б. Жиромской и др.)

Изучение отдельных аспектов, отражающих отношения города и деревни создавало необходимые предпосылки для исследований интегрирующих взаимодействие экономики, политики, культуры и других сфер на социально-поселенческом уровне. Попытки преодолеть традиционный «отраслевой» подход к изучению взаимоотношений города и деревни были связаны с введением в научный оборот понятий «городской и деревенский образы жизни», «городская и деревенская культуры». Представляется перспективным изучение проблемы города-деревни с позиций концепции модернизации. Однако, новые подходы применительно к данной теме реализуются, по нашему мнению, недостаточно эффективно. Преобладающим остается «отраслевой» подход.

В настоящее время назрела необходимость подготовки обобщающих трудов о взаимоотношениях города и деревни, исследований, опирающихся на достижения не только исторической науки, но и смежных дисциплин.

С.И. Дёгтев
(Москва)

Альтернативные оценки в историографии нэпа

В нэповской историографии последних лет выделяются дискуссии о потенциале и нереализованных возможностях рыночного социализма 1920-х гг. Российская альтернативная история периода нэпа во многом выросла из истории КПСС в части борьбы с различными оппозициями, изучения истории плановой экономики и персоналий политических деятелей. Многотрудные хлопоты по изучению упущенных возможностей долгое время не опирались ни на какие-либо значительные находки в архивах. Новыми были трактовки и выводы. Изучение борьбы различных классовых сил замещалось в историографии соревнованием альтернатив общественного развития.

В российской историографии нэпа оформилось и получило развитие новое направление исследований – альтернативная история, (контрфактическая история, «экспериментальная» история, виртуальная история). В современной альтернативной истории анализируются как варианты истории, имевшие реальные шансы осуществиться, так и версии событий и процессов, которые не могли произойти в принципе. В статье «Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии» основоположник отечественной клиометрической школы акад. И.Д. Ковальченко

дал определение альтернативных ситуаций в истории, отметив, что игнорирование таких моментов обедняет наше представление об исторической реальности. В другой его статье «Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность)» есть модели развития крестьянского хозяйства начала XX в. в двух версиях – если бы не было столыпинских реформ и если бы они продолжались до 1920-х гг. В российской исторической науке также имеются примеры исследований по ретроальтернативистике нэпа, в частности по линии «нэп или коллективизация». По расчётам Л.И. Бородкина и М.А. Свищева, превращение реального нэпа в «долгий нэп» при некоторой разнополярности экономических результатов не обеспечивало кардинальных перемен в сельском хозяйстве и социальном строе деревни.

По ряду причин историко-математический метод исследования, занимает в отечественной историографии заметное, но ограниченное пространство. При изучении исторических вероятностей историки чаще используют более традиционный научный инструментарий (статистический, сравнительно-исторический, системно-хронологический методы и т.д.). Впрочем, и на этом пути даже опытные исследователи не застрахованы от творческих неудач.

Обобщённо, вся история России первой трети XX в. укладывается в цепь альтернатив. Россия в начале XX в. стояла перед историческим выбором между прусским и американским путями развития капитализма. Далее прусский путь мог развиваться по жёсткому проправительственному варианту или в соответствии с оппозиционными буржуазно-либеральными проектами. Американский путь содержал диверсифицированные неонародническую и социал-демократическую альтернативы. В результате кадетской науке, «чёрному переделу» и социализму была противопоставлена столыпинская модернизация русской деревни. Альтернативой и капиталистическому, и помещичьему земледелию, а также патриархальной общине в исторической перспективе могла стать, по мнению акад. А.А. Никонова сельскохозяйственная кооперация. С точкой зрения А.А. Никонова солидарны и другие известные исследователи. В.Г. Тюкавкин в своей обобщающей монографии «Всероссийское крестьянство и столыпинская аграрная реформа» (М., 2001), вслед за кооператорами начала XX века, утверждал, что кооперативные принципы альтернативны теории классово-борьбы, а сами кооперативы несли в массы идеи сотрудничества, а не противостояния, открывали путь к относительно мирной социальной трансформации русского общества. А.Г. Кузьмин также усматривал в деятельности бурно развивавшейся русской кооперации альтернативу политическому содержанию столыпинской реформы. Близкую по сути позицию занимал В.П. Данилов, видевший в кооперации 1920-х гг. альтернативу т.н. «командно-мобилизационной системе управления». По его более позднему мнению, альтернатива сталинизму, выдвинутая Н.И. Бухариным, состояла в сохране-

нии и развитии нэпа как основы индустриализации страны и социалистического преобразования крестьянской экономики.

Иначе проблему альтернатив сталинской «революции сверху» трактует Э.М. Щагин. Как историограф он отмечает, что чем выше издержки сделанного общественного выбора, тем больше споров об альтернативах. Как исследователь советской аграрной политики, Э.М. Щагин подчёркивает генетическую близость бухаринской и чаяновской альтернатив и, с другой стороны, показывает их концептуальные различия. Относительная узость распространения и поддержки альтернативных идей, отсутствие у правых большевиков и у представителей аграрно-экономической науки – сторонников кооперативных ценностей, эффективных решений вопросов индустриального развития, сводила практические возможности реализации указанных альтернатив в конце 1920-х гг. почти к нулю. Несомненно, этот вывод учитывает расчётные данные, подтверждающие, что бухаринская (нэповская) альтернатива обрекала СССР на длительную экономическую отсталость. Ещё более резко ставит вопрос о «кооперативной альтернативе» А.С. Сенявский: «История не знает ни одного случая победы этой теоретической модели».

В целом, несмотря на относительно короткий срок развития историографии альтернатив в истории России, указанное направление достигло значительных научных результатов. Главный итог разработки проблемы альтернатив – более глубокое понимание решений советского руководства в 1920-1930-е гг.

А.В. Голубев
(Москва)

Мир и мир: внешнеполитические стереотипы советского крестьянства 1920-х годов (источники и историография)

В последние десятилетия одним из наиболее динамично развивающихся направлений российской историографии является изучение менталитета различных социальных групп, в том числе крестьянства. Одновременно внимание целого ряда исследований привлекли сюжеты, связанные с представлениями о внешнем мире, бытовавшие в российском обществе на протяжении многих столетий, которые активно изучались на материале 1920-х годов.

Это связано, прежде всего, с состоянием и доступностью источниковой базы. Источниками по этой проблематике могут служить информационные материалы ОГПУ, партийных и советских органов. Постепенно разворачивается дискуссия относительно их репрезентативности. Высказываются

крайние точки зрения – как о полной объективности подобных документов, так и об их «заказном» характере, соответствии не столько реальности, сколько требованиям власти, одновременно – интересам соответствующих ведомств. Так, порой ОГПУ склонно было преувеличивать «отрицательные» настроения, подчеркивая тем самым свою незаменимость, а партийные органы – настроения «положительные», ссылаясь на результаты собственной пропагандистской работы, и т.п.

На самом деле истина, как обычно, находится посередине. Подобные, как опубликованные, так и неопубликованные, документы, судя по всему, достаточно объективно отражают существовавший в крестьянстве *спектр настроений*, однако не всегда можно доверять их оценкам относительно *степени распространения* или *преобладания* тех или иных настроений. К тому же у части исследователей вызывают обоснованные сомнения попытки составителей сводок и обзоров соотнести те или иные высказывания с социальным положением их авторов. Зачастую социальное положение автора высказывания определялось лишь по содержанию самого высказывания и не обязательно соответствовало реальности.

Что касается источников личного происхождения, то они, если речь идет именно о крестьянстве, относительно немногочисленны (исключение составляют так называемые «письма во власть», в том числе в газеты, но это источник специфический), и к тому же практически не затрагивают сюжеты, связанные с восприятием внешнего мира. Это относится и к сохранившейся частной переписке (в том числе материалам перлюстрации), и к немногочисленным записям дневникового характера.

Историография проблемы в настоящий момент представлена несколькими монографиями, анализирующими массовое сознание в целом и в той или иной степени затрагивающих крестьянские представления о внешнем мире, а также рядом статей. Их авторы основываются на сходных материалах и приходят к достаточно сопоставимым выводам, хотя по частным вопросам существуют и разногласия.

Вместе с тем внимание исследователей почти исключительно привлекают сюжеты, связанные с ожиданиями войны. Это не удивительно: именно эти ожидания, отношение крестьян к будущей войне и реакция власти на соответствующие крестьянские настроения сыграли существенную роль в определении политики в отношении деревни в конце 20-х годов. Вместе с тем недостаточно внимания уделяется другим составляющим внешнеполитических представлений крестьянства (Запад, например, выступал одновременно и как своеобразный эталон, в соответствии с которым оценивались уровень жизни или политическая ситуация в стране, и как антимир, живущий по совершенно иным законам, чем Советская Россия). Почти не исследованы также особенности восприятия внешнего мира в разных регионах

страны. Здесь открывается широкое поле для совместной деятельности российских историков из различных регионов.

В.А. Ильиных
(Новосибирск)

Социальные сдвиги в сибирской деревне в 1920-е годы *

Социально-имущественная дифференциация крестьянства во многом детерминировалась его демографической дифференциацией (различием отдельных хозяйств по размеру и составу семьи). Малолюдное хозяйство, как правило, являлось маломощным, а многолюдное – более зажиточным. При этом крестьянское семейное дворохозяство вероятностным образом проходило ряд этапов своего развития. Молодая семья, состоящая из мужа, жены и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства чаще всего приводили к его превращению в зажиточное. Раздел означал возникновение новых, значительно менее состоятельных хозяйств.

В конце XIX – начале XX в. под влиянием развития рыночных отношений имущественная дифференциация сибирского крестьянства приобрела более ярко выраженный социальный характер. Но разложение крестьянства в данный период еще не стало основным типом социальной мобильности сибирской деревни, а существовало как одна и притом не самая главная ее тенденция. Базовая модель социальной динамики в ней по-прежнему определялась демографической цикличностью развития отдельных семейных дворохозяев.

В 1917-1920 гг. основным направлением социальной мобильности крестьянства был переход в менее состоятельные группы. При этом отсутствуют основания для определения данного процесса как осередничивания. В сибирской деревне действительно произошло сокращение числа зажиточных хозяйств, но в то же время доля бедноты не только не уменьшилась, но даже увеличилась. Обеднячивание крестьянства, которое к 1920 г. проявилось лишь в начальной форме, значительно усилилось в конце 1920 – 1922 гг. В этот период тотальное обеднячивание сибирской деревни стало следствием антикрестьянской политики (прежде всего продовольственной) большевистского режима и двух подряд неурожаев зерновых и трав.

С 1923 г. в регионе началось восстановление аграрной экономики на базе нэпа, а доминирующим направлением социальной мобильности крестьянства

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 07-01-00435а).

яинства вплоть до 1927 г. стал переход в более состоятельные группы. Данный процесс можно определить как осереднячивание, если считать в соответствии с официальными источниками, что в 1927 г. 9,8% крестьянских дворов в Сибирском крае относились к батрацким, 20,4 – к бедняцким, 63,1 – к середняцким и 6,7% – к кулацким. Однако данное соотношение требует к себе критического подхода. Полученное в результате обработки гнездовой динамической переписи по методике, предложенной В.С. Немчиновым, оно полностью отвечало позиции правящей верхушки в споре с оппонентами как справа, так и слева. Кроме того, осереднячилась деревня лишь относительно периода начала 1920-х гг. Сравнение социальной структуры сибирского крестьянства в 1916 и 1927 гг. показывает, что относительно дореволюционной нэповская деревня не осереднячилась, а нивелировалась на более низком среднем уровне. При этом и во время нэпа принадлежность крестьянского хозяйства к той или иной имущественной группе была по-прежнему взаимосвязана с размерами и составом семьи.

Проводимая большевистским режимом в конце 1920-х гг. политика «чрезвычайщины» привела к очередной смене вектора социальной динамики. В 1928–1929 гг. происходит повышение доли средних хозяйств при фактическом сохранении удельного веса маломощных и резком снижении зажиточных.

В.А. Поляков
(Волгоград)

Проблема голода в аграрной истории: итоги и перспективы

Проблема голода, предстающая негативным явлением в аграрной истории России в XX веке наряду с аграрной революцией, коллективизацией и войной, стала привлекать к себе широкое внимание только в последние полтора десятилетия. Это было обусловлено теми кардинальными государственно-политическими изменениями, какие произошли в конце 1980-х – начале 1990-х годов в СССР. Демократические преобразования в обществе и в гуманитарных областях науки, включая историю, стали практически одновременно, что проявилось в отходе от принципов марксистско-ленинской методологии и свободном обращении учёных к ряду прежде запретных тем.

В работах В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого, В.В. Кондрашина, Е.Н. Осколкова, Е.А. Осокиной о голоде 1930-х годов, И.М. Волкова, В.Ф. Зимы о голоде 1940-х годов два эти события в советской истории XX века однозначно стали явлениями, обусловленными не природными катаклизмами, а действиями властных структур правящей большевистской партии и советского государства.

Иной характер перестроечные изменения приобрели в историографии голода первой половины 1920-х годов, ставшего тяжким испытанием для крестьян Поволжья. Этот голод советские историки объясняли только засухой как природным катаклизмом, что не выдерживает критики по ряду причин. Однако воздействие однотипных атмосферных явлений не может охватить одновременно всю сельскохозяйственную зону страны. Погодные несовпадения в разных районах страны не могут оставить ее без хлеба и картофеля. На исходе XX века учёные Обнинского института сельскохозяйственной метеорологии доказали, что «природа практически застраховала Россию от голода даже при экономической изоляции, а пространственному перераспределению урожая должен помогать рынок». Но именно с рынком была несовместима коммунистическая система хозяйствования, начало которой положила продовольственная диктатура, затем она нашла продолжение в продовольственной развёрстке и достигла своего апогея в продовольственном налоге, ставшего наиболее тяжёлым элементом так называемой «новой экономической политики».

Её переосмысление и детальный анализ катастрофического упадка на транспорте вместе с подробным рассмотрением неудачного опыта помощи со стороны государства голодающим зимой 1921 года и срывом «великой посевной» кампании весной того же года, а также атеистические мероприятия, включавшие изъятия церковных ценностей и репрессии против священнослужителей и верующих, дали основание объяснить первый советский голод действиями властных структур, представить широкую панораму народной трагедии в хронологических рамках 1919–1925 годов и привести данные о людских потерях.

Иные методологические концепции и подходы, значительное расширение проблематики исследований позволили историкам приблизиться к воссозданию картины близкой к реальностям произошедшей трагедии. Однако необходимы монографические исследования по каждому из трёх голодных событий в СССР в XX веке, а также работа обобщающего характера.

Е.Ю. Баранов
(Екатеринбург)

Источниковая база изучения голода начала 1930-х годов на Урале*

Комплексное историческое исследование голода предполагает анализ факторов и причин этого явления, его масштабов и последствий. Источни-

* Исследование выполнено при поддержке фонда РГНФ проект № 06-01-00331а.

ковая база охватывает сельскохозяйственное производство, распределение и потребление продовольствия, демографическую ситуацию, аграрную и продовольственную политику советского государства.

Изучение статистики 1920–30-х годов позволяет охарактеризовать уровень сельскохозяйственного производства, установить объемы продовольственной продукции в регионе. Сводная статистика представлена в статистических сборниках и справочниках. Сводные материалы статистических органов, учетная документация, отчетность колхозов сохранились в архивных фондах центрального и местных статистических управлений, Госплана, обкомов ВКП(б), плановых отделов облисполкомов. В документах имеются сведения о динамике и составе посевных площадей, севооборотах, урожайности, валовых сборах сельскохозяйственных культур, динамике численности скота, заготовках и распределении продукции, агрикультурной работе, доходах хозяйств и их распределении и др. Непосредственное представление о качестве питания и изменении в рационе жителей Урала способны дать бюджетные материалы.

Демографическая статистика дает возможность рассмотреть влияние голода на демографическое поведение, оценить потери уральского населения. Данные о демографических событиях и процессах, численности населения находятся в сводных разработках, отчетах и справках центральных и местных статистических органов. Так как голод способствовал росту числа заболеваний (туберкулез, тиф, оспа, цинга и др.), то следует анализировать статистику здравоохранения.

В статистической информации встречается два, а иногда и более значений одного показателя. Такие состояния отмечаются для данных по сельскохозяйственному производству и воспроизводству населения.

Аграрная и продовольственная политика советского государства анализируется на основе документов органов партийно-государственной системы власти, опубликованных в сборниках законов и нормативно-правовых актов и отложившихся в фондах Центрального и областных партийных комитетов, исполкомов, с привлечением материалов периодической печати. Изучение документов партийно-государственного аппарата приобретает особое значение в контексте рассуждений о субъективно-политических факторах голода и концепции «организованного голода», существующей в современной историографии.

В делопроизводственной документации партийных органов, советских учреждений, заготовительных и снабженческих организаций содержатся сведения о проведении коллективизации, посевных, уборочных, хлебозаготовительных кампаний, их методах и темпах, недостаточном снабжении населения, голоде, заболеваниях с ним связанных, оказании продовольственной и семенной помощи. Это организационно-распорядительные, плановые, учетные, контрольные, отчетные материалы и текущая переписка. Еще

одним важным источником информации о дефиците продовольствия и голоде выступают письма граждан (источники личного происхождения). Изучение обстановки с продовольствием в районах на основе местной документации способствует выявлению географии и хронологии голода на Урале.

Основой исследования являются неопубликованные источники, однако следует отметить, что изданы сборники документов, в которых опубликованы ранее секретные документы партийных органов, советских учреждений, прокуратуры, ОГПУ о сопротивлении населения форсированным темпам аграрной революции, насилии со стороны власти в ходе сельскохозяйственных кампаний, а также голоде.

Таким образом, источниковая база темы обширна и разнообразна, что необходимо при изучении такой сложной и многогранной проблемы как голод. Такой крупный комплекс источников требует тщательной верификации в них содержащихся данных на основе внешней и внутренней критики источников.

А.А. Иванов
(Липецк)

Общинные отношения в Тамбовской деревне в свете материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.

При анализе результатов столыпинской аграрной реформы исследователями не востребованы в должной мере сведения сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., первичные материалы которой позволяют оценить степень воздействия правительственных мероприятий 1906-1916 гг. на общинные устои более детально. Информация подобного рода содержится в общинных бланках этой переписи, где среди прочих представлены ответы на вопросы о дате последнего коренного передела и его причинах; о наличии частных земельных переделов; о количестве домохозяев в общине, укрепивших наделы в собственность; о том, как происходило укрепление наделов – с согласия односельчан или против их воли; о возможности нового коренного передела земли и т.п.

В Государственном архиве Тамбовской области сохранились 3727 бланков, в которых описано состояние сельских поселений 11 из 12 уездов Тамбовской губернии. Часть их исключена из разработки, так как не содержит информации по интересующим нас аспектам.

Результаты анализа сведений об отношении к возможности нового поравнения наделов в общинах, о практиковавших и не практиковавших коренных переделов земли сведены в таблицу. В графе «отношение к переделам» выделены: а) поселения, где крестьяне считали общину уничтоженной

и не собирались делить землю заново; б) поселения, где крестьяне считали возможным новый передел; в) поселения, где часть хозяев допускала возможность передела, а другая этому противилась; г) общины, в чьих бланках интересующие нас ответы отсутствуют.

Данные разработки говорят о том, что переделная функция в общинах Тамбовской губернии была далека от отмирания. В пользу этого говорит значительное превышение указаний о склонности крестьян к переделам над свидетельствами об отрицательном отношении к ним, даже у немалой части общин, не прибегавших к коренному поравнению наделов.

Группы общин	Отношение к переделам	Количество общин
Не практиковавшие коренных переделов	а	433
	б	830
	в	9
	г	700
	Всего	1972
Производившие коренные переделы	а	68
	б	325
	в	1
	г	1013
	Всего	1407
ИТОГО	а	501
	б	1155
	в	10
	г	1713
	Всего	3379

Анализ информации, содержащейся в общинных бланках, позволяет выделить и некоторые факторы, действовавшие на ход столыпинских преобразований. Например, он указывает на зависимость отношения односельчан к выходам своих соседей из общины от наличия в ней коренных земельных переделов. Так, в общинах, не производивших коренных переделов, гораздо чаще соглашались на укрепление земли односельчанами: в 47,9% случаев против 26,4% у общин, прибегавших к переделам. Симптоматично, что в обеих группах общин домохозяев, сопротивлявшихся укреплению, было больше: 50,7 и 71,8% случаев, соответственно.

Материалы переписи указывают и на взаимосвязь между размерами общин и количеством вышедших из них домохозяев: в общинах, включавших до 10 дворов, доля укрепивших составляла 22%, в общинах размером в 10-50 дворов – 26,2%; а в крупных общинах (в 1000 дворов и более) – 13,1%. Чем крупнее была община, тем труднее там было укрепить землю, чем многочисленнее был сход, тем упорнее он сопротивлялся воздействию

изнутри и извне. Данный фактор играл особую роль при проведении столыпинской реформы в Тамбовской губернии, значительная часть ее крестьянского населения в силу природного и исторического факторов проживала в общинах крупных и очень крупных размеров.

Таким образом, данные переписи 1917 г. действительно уточняют сложившиеся представления как о ходе столыпинских преобразований, так и об их итогах.

Н.Л. Роголина
(Москва)

Коллективизация сельского хозяйства: итоги и перспективы изучения

Научный плюрализм и документальный бум последних десятилетий позволили приступить к широкому и всестороннему изучению коллективизации, положившей начало социалистическому раскрестьяниванию. Способы раскулачивания вырабатывались во имя успеха хлебозаготовок; этой же цели служили и созданные в спешном и массовом порядке колхозы.

Ученые квалифицируют коллективизацию как антикрестьянскую, противоправную акцию, связывая с ней разнообразные формы экономического и внеэкономического принуждения. Исследуются разнообразные формы насилия: от произвольных изъятий и «компанейского правосудия», до рукотворного голода начала 1930-х годов и крестьянской ссылки. Коллективизация по праву рассматривается ныне как этатизация, консервативная революция, связанная с насильственным отделением производителей (крестьян) от основных средств производства; как аграрный деспотизм; как форма «худшего крепостничества». Об этом убедительно написано в трудах А. Никонова, А. Вишневого, М. Левина, Ш. Фицпатрик и др. В то же время коллективизация явилась системной реформой. Она носила не производительный характер, а выступала как метод перераспределения (редистрибуции) того, что создано фактически бесплатным трудом колхозников.

Социальная архаика и жестокие формы внеэкономического принуждения находили разнообразное проявление: достаточно перечислить повинности российских колхозников. Производительность колхозного труда росла очень медленно, а сам труд расходовался как изобильный, практически бесплатный. Утвердилась модель экономики с неограниченным экстенсивным ростом средств производства и «производства ради производства», с тотальной мобилизацией в фонд накопления огромных трудовых и природных ресурсов. Советское общество через данную мобилизационную модель добилось ограниченных результатов.

К настоящему времени трудовой и социальный вклад крестьянства в модернизацию изучен лучше, чем экономический. Имеются разные подсчеты: экономистов М.Кубанина, А.Барсова, показавших уровень производительности отечественного сельского хозяйства и вклад аграрной сферы в несельскохозяйственную; Н. Ясного, считавшего, что одни только обязательные поставки изымали не менее 20% доходов колхозников. По данным английского историка Р.Дэвиса душевые доходы в сельском хозяйстве не достигли в 1940-х гг. уровня 1928г. На базе современных архивных изысканий В.Попов показал постоянный кризис колхозного производства в разных формах и масштабах; официальные данные, по его расчетам, преувеличивали действительные цифры сбора зерновых на 25% до войны и более чем на 40% в послевоенный период. Очевидно, что проблема критериев эффективности в нерыночной среде ставит перед исследователями ряд нерешенных проблем.

Разрушение деревни и уничтожение крестьянства явились, пожалуй, главными событиями XX века. Ученые и публицисты спорят, что для страны оказалось страшнее и истребительнее – революция 1917 года или коллективизация? Все чаще коллективизация ставится на первое место. Поскольку сталинская коллективизация в большей степени изменила историческое лицо России, чем сама революция.

Изучая социокультурные (в широком смысле) результаты и последствия отечественной коллективизации мы пытаемся ответить на главный и сакральный вопрос: Как погибло крестьянство в крестьянской стране? Для этого должно быть продолжено исследование соотношения политики и экономики, власти и общества применительно ко времени и месту, то есть в хронологическом и региональном разрезе. Нам не избежать анализа альтернатив коллективизации, как и в случае с другими реформами – столыпинской, нэповской. Соответствующие подходы могут быть связаны, например, с типом кооперирования на базе многоукладной экономики, с предложением «контрфактических» моделей как картины не реализовавшегося прошлого.

М.Н. Глузная
(Вологда)

К вопросу об институциональном подходе при изучении колхозов

Не отрицая значительных успехов, сделанных советской и современной отечественной и зарубежной историографией в изучении процессов коллективизации сельского хозяйства в СССР необходимо все же признать, что ее конечный продукт – колхозы – до настоящего времени не получили всесто-

ронного и должного рассмотрения. Думается, что есть смысл в изучении колхозной системы через призму институционального подхода.

В начале XX в. российское крестьянство испытывало потребность в изменении, как общинных институтов, так и института индивидуального аграрного производства. Об этом свидетельствует и развитие кооперативного движения в начале XX в., и создание производственных коллективов в 1920-е гг.

Начало сплошной коллективизации, безусловно, было проявлением активного вмешательства государства в процесс создания нового социального института. Не останавливаясь на насильственной стороне коллективизации, о которой в новейшей историографии написано более чем достаточно, следует все-таки признать, что создание колхозов было общественной необходимостью. Страна нуждалась в увеличении объемов аграрного производства. На первый взгляд, колхозы были необходимы, прежде всего, государству. Однако не следует забывать и о том, что хлеб, изымаемый у колхозов, шел на нужды общества: основным источником продуктов питания для растущего городского населения была государственная система снабжения и торговли, промышленность, необходимая всему обществу, строилась за счет этого же источника.

Государство приняло самое активное участие в институционализации колхозов. Оно устанавливало правила и нормы функционирования колхозов, прописанные в Примерных уставах сельскохозяйственных артелей 1930 и 1935 гг., определяло новый характер социальных связей между государством и крестьянством, внутри крестьянства. Однако процесс институционализации колхозов шел и снизу.

В колхозах формировалась особая совокупность статусов и ролей, социальных норм и санкций, не известных доколхозной деревне. Для определенной части крестьянства колхозы стали своего рода «социальным лифтом» в процессе восходящей социальной мобильности.

На протяжении всего периода своего существования колхозы менялись. Сталинские колхозы заметно отличались от колхозов 1920-х гг., где были сильны нормы и правила, свойственные крестьянской общине, где вся деятельность коллектива была нацелена на удовлетворение крестьянских потребностей, а не государства или общества в целом. Свои особенности имели и поздние советские колхозы.

Помимо прямой своей задачи — выкачивание производственных ресурсов из деревни — колхозы имели социальные (как явные, так и латентные) функции, обеспечивавшие в целом стабильность социальной структуры общества, ее воспроизводство, интеграцию и регуляцию отношений внутри крестьянского сообщества, социализацию подрастающего поколения селян.

Функциональность колхозов в целом способствовала их сохранению на протяжении жизни как минимум двух поколений. Нарастание дисфункцио-

нальности в их деятельности в новых социально-экономических условиях в конечном итоге привело не только к кризису колхозов, но и всей социально-экономической системы советского общества. При этом роль политических институтов в ликвидации колхозной системы в СССР, как и в ее становлении, была огромна.

В целом институциональный подход позволяет без излишней политизации и субъективных переживаний изучать колхозы как социальный институт, анализировать не только их место среди других экономических и социальных институтов, но и их внутреннюю структуру и сущность.

Г.Е. Корнилов
(Екатеринбург)

Аграрная модернизация России в XX веке

Теоретический поиск 1990-х – начала 2000-х гг. в области изучения аграрной истории свидетельствовал о преодолении концептуальных стереотипов советской историографии. Особое место заняли труды В.П. Данилова, в которых развитие аграрных отношений в России прослеживается в длительной исторической ретроспективе. Многочисленные аграрные перестройки в нашей стране, по его мнению, – «суть реформы и контрреформы эпохи первоначального накопления». Несколько позже В.П. Данилов конкретизировал этот тезис и определил их как «... потрясение крестьянской страны, вступившей на путь индустриально-рыночной модернизации». Реформы и революции в России заняли особенное место в историческом процессе, «стали определять характер не только аграрной эволюции, но и общий ход истории России». В.П. Данилов выделил особенности модернизации в России.

Россия в XX в. шла по пути модернизации, войдя в него страной аграрной, а вышла индустриальной. Процессы модернизации определяли все сферы жизни деревни. Трансформацию в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации обозначим термином «аграрный переход».

В ходе аграрного перехода шло утверждение частной собственности на землю, внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия, внедрение научных достижений, новых орудий труда и усовершенствованной сельскохозяйственной техники, развитие рыночных отношений и кооперации (экономическая трансформация); изменение типа воспроизводства сельского населения, ломка сельской патриархальной семьи (демографическая трансформация); демократизация общественно-политической жизни, вовлечение крестьянства в политические процессы, движения, участие в революциях, выдвижение самостоятельных по-

литических требований (политическая трансформация); преодоление консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, распространение грамотности и рост образовательного уровня, внедрение городской культуры и городских ценностей, секуляризация сознания и образа жизни (культурная трансформация); формирование в среде крестьянства кадров массовых профессий, особенно механизаторов, специалистов сельского хозяйства (социальная трансформация); изменение сельской поселенческой сети (трансформация сельского расселения).

Направления, темпы и формы проявления составлявших компонентов агроперехода зависели и корректировались конкретно-исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов.

В течение XX века выделяются три фазы агроперехода: 1-я фаза – конец XIX века – середина XX века; 2-я фаза – середина XX века – конец 1980-х годов; 3-я фаза – начало 1990-х годов – начало 2000-х гг. Концепция позволяет рассматривать аграрную трансформацию России с позиции континуитета.

Аграрный переход – составная часть модернизации России. Это было явление цивилизационного масштаба. Все остальное было причинами или следствиями, а иногда и попутными событиями главной закономерности эпохи. В исторической литературе даются различные оценки модернизации, ведутся острые дискуссии. Однако ее трудно опровергнуть. Необходимо осмыслить негативы и позитивы аграрной модернизации России в XX веке, понять неоднозначные перспективы в XXI веке в сочетании с национальной самобытностью. Региональные аграрные сообщества вступили в XXI век с нерешенными проблемами. Перспективой аграрного развития остается завершение агроперехода, завершение трансформации сельского хозяйства и всей аграрной сферы.

А.А. Иванов
(Йошкар-Ола)

Новейшие документальные публикации по истории аграрной революции в Поволжье (90-е годы XX в. – начало XXI в.)

Изменение историографической ситуации на рубеже 80–90-х годов XX в., привело к расстановке новых акцентов в отечественном и мировом крестьяноведении. Историки получили возможность обратиться к ранее недоступным материалам высших партийных и государственных органов, документов спецслужб, армии. Открывающиеся возможности объективно

трансформировали конкретно-исторические исследования в археографо-источниковедческие, а самих ученых на время превратили в публикаторов.

Активный интерес к новым архивным документам привел к появлению не только самих публикаций, но и потребовал переосмысления прежних подходов к событиям в России в первой четверти XX в., к появлению новых концепций прошлого крестьянства на переломных поворотах истории.

С 1992 г. по инициативе В.П. Данилова началась разработка двух проектов, предполагавших выявление и публикацию новых источников: 1) «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.», 2) «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг.».

Принципиально важное значение для изучения аграрной революции в рассматриваемом регионе имеет сборник документов о крестьянском движении в Поволжье в 1919–1922 гг. Уникальностью издания является широкое привлечение документов как центральных, так и местных архивов, что позволило почти полностью охватить территорию Среднего и Нижнего Поволжья. Материалы сборника многоплановы. В нем представлены документы: а) различных регионов Поволжья; б) различных уровней власти; в) различных видовых групп. Особую ценность издания составляют документы непосредственно повстанцев-крестьян.

Сборник документов о крестьянском движении в Поволжье имеет взаимодополняемую связь с первым томом документальной серии «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД...». Издание ориентировано на публикацию источников из архивов тайной советской полиции. Составители попытались придать публикации определенный тематический («деревенский») характер. Информация о поволжской деревне, начиная от Нижегородской до Астраханской губерний, одна из наиболее представительных на всех уровнях.

Противостояние российской деревни советским мероприятиям в аграрной сфере, получили частичное освещение в сборниках по истории краев и областей. Примечательны своими оригинальными подходами первый том серии «Общество и власть. Российская провинция», составленный на материалах Нижегородской губернии и сборник документов и материалов о Самарском Поволжье в XX в.

Особняком выступают издания по поволжскому региону, посвященные социально-экономической составляющей аграрной революции. Следует отметить три сборника документов, посвященных истории земельных отношений в Марийском крае и Чувашии на различных этапах аграрной революции, включая ее предысторию и итоги.

Книга «Первая советская весна в деревне» была задумана как тематическая публикация с целью показать реализацию на практике одного из двух основополагающих программных лозунгов крестьянской революции — «Землю крестьянам!». Документы сборника ограничены 1918 годом, кото-

рому отводится роль одного из революционных этапов и представлены всеми разновидностями архивных документов по землеустройству.

В следующее издание включены анкеты ЦСУ РСФСР 1922 г., посвященные характеристике земельных отношений сельского населения Марийской АО в ретроспективном проблемно-сопоставительном плане. Сборник документов о крестьянской общине в 1918–1922 гг., ее роли в регулировании земельных отношений крестьянства Поволжья, целиком построен на основе документации сельских сходов.

Достигнутые в конце 90-х годов XX в. – первые годы XXI в. результаты ввода в научный оборот источников по истории крестьянства Поволжья в период аграрной революции 1917–1922 гг. нельзя не признать значительными. Новые документы позволяют существенно уточнить, а по отдельным позициям – пересмотреть прежние концепции аграрной революции в России.

Н.Ф. Иванцова
(Москва)

Анкеты земельных управ и опросные листы как источники для изучения характера и итогов аграрных преобразований Советской власти в Сибири (декабрь 1917 – июнь 1918 гг.)

Одним из основных источников по перераспределению земельного фонда в Европейской России в ходе аграрных преобразований конца 1917 – начала 1918 гг. считались сводки статистических данных. Для окраинных районов страны, в частности Дальнего Востока и Восточной Сибири, по мнению Э.М. Щагина, наряду с довольно неполными, «разрозненными» материалами земельных комитетов и земельных отделов Советов неocenенным источником являются материалы белогвардейских властей, которые при возвращении земель их бывшим владельцам, провели учет перешедших крестьянам категорий земель.

Наиболее ценными являются анкеты земельных управ и опросные листы, которые сохранились и отложились в сибирских областных, краевых, губернских архивах, в фондах волостных, уездных земельных комитетов, Советов, управ и комиссий Временного Сибирского правительства по возвращению частновладельческих и казенных земель.

Анкеты, как правило, в первой части содержат вопросы, направленные на выяснение нормы земли, размера надела, который желал бы получить крестьянин. Кроме этого, власти хотели знать, какую форму землевладения (частная или общенародная) и землепользования (хутор – отруб – община) предпочитает крестьянство. Важным было определить отношение деревен-

ских жителей к использованию наемного труда, а также к институту купли-продажи земли. Во второй части анкеты был сформулирован вопрос о том, сколько и какой категории земли отведено различным категориям населения (безземельным, малоземельным, переселенцам, беженцам) и хозяйствам (артелям, коммунам) Советами в период декабря 1917 г. до временного падения Советской власти в июне 1918 г. Опросные листы фиксировали данные по селам и волостям об общем числе переделов, захватов, отказов в наделении землей, причем, выяснялось количество самоуправных действий в отношении частных владельцев, а также размеры изъятой у них земли.

Указанные источники опровергают некоторые выводы, сделанные отдельными исследователями о ликвидации в Сибири к середине 1918 г. сословности землевладения, приверженности крестьянства большевистскому лозунгу национализации земли, о большом интересе сибирского крестьянства к организации социалистического производства. Материалы опросных листов и анкет помогают скорректировать данные (по замечанию Э.М. Щагина, значительно преувеличенные) о количестве переданной крестьянам земли, в том числе, и, так называемой, «кулацкой».

Анализ материалов, представленных в вышестоящие органы анкет и опросных листов, показывает, что в рамках аграрных преобразований Советской власти в Сибири в декабре 1917 – первой половине 1918 гг. была осуществлена ликвидация кабинетского, частновладельческого, церковно-монастырского, частично казачьего землевладения. В основном, за счет указанных категорий земель было осуществлено и наделение ею малосостоятельных сельских жителей. Внутриселенные переделы с передачей земли безземельным и малоземельным за счет, так называемых, «кулацких» земель составляли только 4,6 % от общего их числа. Несанкционированный захват земли по данным опросных листов тоже осуществлялся только в отношении казенных, кабинетских земель и земель крупных арендаторов. Учет земель, проведенный Временным Сибирским правительством, в основу которого были положены материалы опросных листов, показывает, что площадь удобных земель на одно хозяйство в результате советских земельных преобразований выросла с 9, 8 до 13, 3 десятин, а в целом площадь наделенных крестьянских земель, в частности, на Алтае увеличилось на 660 тыс., в Тобольской губернии – на 752 тыс. десятин.

Сводные данные анкет и опросных листов свидетельствуют, что прирезки к наделенному крестьянскому землепользованию в Сибири были меньше: 8-9 % (по Алтаю – центру сибирского зернового производства – 4-5 %), чем в Центральной России – 24 %. Уравнительного перераспределения земли проведено не было. Интересным является факт, что на вопрос анкеты «Как желаете жить? Хутором, общиной, отрубом?» во всех селлах, в частности, Барнаульского уезда крестьяне заявили «общиной». Во всех селлах,

представивших анкеты однозначно отрицательным было отношение к купле-продаже земли.

А.А. Николаев
(Новосибирск)

Причины кризиса маслоделия в Сибири в конце 1920-х гг. в оценке руководящих работников Сибкрайисполкома

Вопрос о кризисном состоянии сибирского маслоделия в конце 1920-х годов приобрел для политического и хозяйственного руководства Сибири актуальный характер. Материалы, которыми располагало региональное руководство, отражали крайне медленное восстановление отрасли по объему производства, товарности, государственным заготовкам, экспорту и другим ключевым параметрам, несмотря на то, что с середины 1920-х годов были вложены значительные инвестиции в строительство новых маслозаводов на кооперативной и государственной основе.

Что делать с отраслью, которая до революции являлась главным источником поступления валюты и формирования доходов казны? Продолжать инвестировать дополнительные средства в укрепление материально-технической базы маслоделия и повышение эффективности в целом молочного животноводства или отдать приоритет без дополнительных вложений средств новым организационно-хозяйственным формам: коллективным скотным дворам, специализированным молочным колхозам и совхозам, молочно-товарным фермам вокруг механизированных маслозаводов?

Стенограмма совещания руководящих работников Сибкрайисполкома 27–28 февраля 1928 г., до сих пор не введенная в научный оборот, содержит крайне важные сведения для определения подходов регионального руководства к определению причин кризиса маслоделия и путей выхода из него.

С докладом, ставшим предметом острого обсуждения, выступил руководитель краевого статистического управления В. Каврайский. Он убедительно показал, что рост товарности зернового хозяйства был значительно выше, чем молочного животноводства и маслоделия. Крестьянство из-за невыгодных закупочных цен на молоко в сравнении с хлебом переориентировалось на мясное скотоводство и овцеводство. Увеличилось внутривладельческое потребление молока. В качестве одной из важных причин падения маслоделия называлось дробление крестьянских хозяйств и уменьшение доли многокоровных, являвшихся основным источником поступления товарного молока на маслозаводы. Значительные просчеты были допущены при строительстве и размещении крупных механизированных заводов, которые замещали 2–3 старых завода и оказались на большом удалении от

многих сел. Ухудшились условия транспортировки и оплаты за молоко, расширились возможности фальсификации при обезличенном его занесении на маслозаводы (разбавление водой и снятие сливок). Отмеченные факты и тенденции подтверждались материалами обследований маслоделия рабоче-крестьянской инспекцией. Одним из спорных положений доклада являлось отрицание кормового кризиса в Сибири, возникшего в связи с распашкой пастбищ под зерновые культуры и острым недостатком сильных кормов.

Многие выступающие акцентировали внимание именно на наличии кормового кризиса, остром дефиците сильных кормов, экстенсивном характере молочного животноводства и низкой продуктивности коров. В качестве доказательства приводились отрывочные статистические данные о сокращении площади пастбищ в сравнении с дореволюционным периодом, а также значительном абсолютном и относительном увеличении в структуре стада овец, которые были неприхотливы в своем рационе. Не все были согласны с ошибочностью курса на строительство крупных механизированных молочных заводов взамен нескольких старых. В ряде мест новые крупные заводы стали очагами передового молочного хозяйства и способствовали увеличению коровьего стада и сдаче молока.

Большая часть участников заседания, акцентируя внимание на кормовом кризисе, который фактически имел место, высказывались за курс на интенсификацию и развитие культурного молочного животноводства, способного обеспечить новые маслозаводы сырьем. Это требовало дополнительных инвестиций. Но в условиях подрыва у крестьян – членов молочной кооперации материальной заинтересованности в сдаче молока на маслозаводы новые вложения могли обернуться невосполнимыми потерями. Поэтому за основу в дальнейшем был принят некапиталоемкий путь развития отечественного маслоделия, ликвидацию частных крестьянских хозяйств и создание колхозов и госхозов молочного направления.

М.В. Левкова
(Вологда)

Культурная инфраструктура российского села в 1930-е годы

Проблема развития культурной инфраструктуры российского села в 1930-х гг. остается малоизученной. Отечественные исследователи всегда ставили развитие сети культурных учреждений в заслугу советской власти. Несомненно, культурная инфраструктура российской деревни получила свое развитие. Однако процесс ее формирования имел свои особенности. Финансирование культурной инфраструктуры проходило по остаточному

принципу. Изменения в культурной жизни села были направлены на формирование нового, советского менталитета.

Актуальными для изучения культурной инфраструктуры села являются следующие вопросы: деятельность наиболее распространенных на селе очагов культурного обслуживания деревенских жителей – клубов, домов крестьянина, колхозно-совхозных театров, домов культуры, изб-читален, библиотек, музеев, радиовещания, киновидеообъединений; материальная база и кадровый состав учреждений культуры; культурные изменения в системе обслуживания сельского населения, содержание и направление работы учреждений культуры по удовлетворению культурных потребностей жителей села.

Процесс формирования новой культурной инфраструктуры села начался во второй половине 1920-х гг. К развитию сети культурных учреждений были привлечены значительные силы. Руководством политически-просветительской и культурной работой в деревне занимались Главполитпросвет, НКПрос совместно с МТЦентрами и Колхозцентрами РСФСР. На местах вопросы культурного обслуживания сельского населения курировали краевые, областные и районные партийные и советские органы власти. Но рост сети культурных учреждений в деревне шел медленно. Это приводило к появлению большого количества постановлений и решений центральных и местных органов власти.

В период становления колхозного строя власть уделяла значительное внимание развитию сети учреждений культуры на селе. Все они деревни должны были проводить среди крестьянства политико-воспитательную работу. Основная цель их деятельности определялась как пропаганда политики Коммунистической партии в сфере сельского хозяйства, повышение трудовой активности и расширение кругозора крестьян. В первой половине 1930-х гг. в российской деревне работало 7 808 сельских клубов, 1 090 Домов культуры, 24 600 изб-читален. Но, несмотря на бурную кампанию в начале 1930-х гг., успехи в деле развития культурной инфраструктуры на селе были не так уж велики. Количество радиоприемных и трансляционных точек в 1940 г. на селе составило 4 641. Число массовых библиотек в сельской местности в 1941 г. составило 45,6 тыс., клубных учреждений – 68,6 тыс., киноустановок – 12, 6 тыс.

Основная причина медленного развития культурной сферы – это нехватка средств. На нужды просвещения и культуры в деревне из бюджета РСФСР в 1933 г. было запланировано потратить лишь 2,25 % от всех средств. В 1935 г. бюджетные ассигнования инфраструктуры села сократились в два раза, из-за чего многие учреждения культуры пришли в упадок, а строительство новых было заморожено. В начале 1930-х гг. большая часть бюджетных средств государства была направлена на ликвидацию неграмотности населения. Наркомпрос и его органы на местах в первую очередь за-

нимались вопросами развития сети образовательных учреждений, оттесняя культпросветработу на второй план. Ситуация осложнялась отсутствием квалифицированных кадров. Непрофессиональная работа избачей, массовиков, руководителей домов культуры приводила к равнодушному, а иногда к негативному отношению крестьян к культурным мероприятиям.

В 1930-х гг. происходила замена старого типа традиционной культурной инфраструктуры села на новый советский, который предоставил крестьянам более широкие возможности для получения и обмена информации, а так же приобщения к нетрадиционным для крестьян видам культуры (театр, кино, опера и др.).

Н.Г. Кедров

Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы: историографический и сточниковедческий аспекты

Сегодня в изучении вопросов социо-культурной истории XX столетия сложился определенный дисбаланс исследовательского внимания. На рубеже 1990-х -2000-х гг. в ряде блестящих исследований (В.П. Булдаков, С.В. Яров, Б.И. Колоницкий, И.В. Нарский, О.С. Поршнева) были рассмотрены различные аспекты социо-культурной тематики эпохи революции и Гражданской войны. Период 1930-х гг. в этом отношении менее изучен. Поэтому исследование политического сознания советского крестьянства – под которым мы понимаем отражение политических реалий мира в умах людей – может иметь двойное значение. Во-первых, изучение этой темы может способствовать концептуальному переосмыслению вопроса о природе сталинского режима 1930-х гг. Во-вторых, расширит наши представления о социо-культурной трансформации советского крестьянства в условиях формирования и развития колхозной системы.

Обращение к изучению политического сознания крестьянства в 1930-е гг., так или иначе, отсылает нас к тоталитаристско – ревизионистским дискуссиям о характере советского политического режима. Эти дебаты оказали непосредственное влияние и на состояние современной историографии советской деревни 1930-х гг. В частности по своей сути полярные концепции основного историографического сюжета – коллективизации, изложенные в трудах В.П. Данилова и Ш. Фицпатрик представляют собой лишь частный случай столкновения тоталитаристских и ревизионистских воззрений. Если для В. П. Данилова источником всех судьбоносных исторических изменений произошедших в жизни деревни в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. вступает многоаспектное государственное вмешательство, основанное на насилии и демагогии, то американская исследовательница усмат-

ривает суть конфликта в противоречиях существовавших внутри сельского социума. Следует однако иметь в виду, что в зарубежной советологии тоталитаристско – ревизионистские дебаты уже являются пройденным историографическим этапом. С середины 1990-х гг. вслед за работами С. Коткина формируется новое направление в изучении сталинизма, получившее название «школы советской субъективности». Историки этого направления концентрируют свое внимание на изучении широкой сети различного рода коммуникаций между властью и индивидом в сталинской России, а также пытаются понять явления большой политики сквозь призму жизни рядового субъекта политического процесса. Думаю, применение этих принципов для изучения советского крестьянства 1930-х гг. было бы весьма плодотворным.

В качестве источников для изучения социальной психологии крестьянства в отечественной историографии традиционно использовались два комплекса документов: политические сводки и письма во власть. Историки «советской субъективности» предлагают перенести акцент внимания на автобиографические источники (автобиографии, дневники, следственные материалы). На наш взгляд, концентрация внимания на одном типе документов вынужденно приводит исследователей к сужению проблематики их исследований. Так, сводки наиболее репрезентативны для изучения настроений людей, письма для анализа репрезентации институтов власти, а на основе автобиографических документов представительнее исследовать виды социальной и политической идентичности. Только комплексное использование всех этих источников поможет составить более полное представление о политическом сознании советских крестьян.

Е.А. Кирьянова
(Рязань)

Коллективизация деревни Центра России: историографический аспект

Социально-экономическое преобразование российской деревни, проблемы модернизации села Центрального региона представляют собой актуальную для исследователей-историков проблему. Степень ее научной разработки определяется существованием ряда работ по отдельным аспектам этой проблемы и частичным освещением некоторых сюжетов этой темы в общих трудах по аграрной истории России.

Научное исследование проблем коллективизации сельского хозяйства Центрального региона фактически началось в конце 1940-х годов, когда появились первые работы, носившие в основном историко-партийный характер.

Интересным направлением изучения проблем социально-экономического развития деревни стали работы этнографов, которые в определенной мере продолжали традиции краеведческих исследований конца 1920-х годов. Но их труды носили во многом эмпирический характер, хотя и содержали ценный для научного исследования материал, характеризующий быт, традиции и уклад деревни в ходе и результате осуществленных в 1930-е годы преобразований.

Интенсивная работа историков-аграрников (В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого и др.) в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов привела к складыванию целостной концепции, которую «с известной долей условности можно назвать *альтернативной* официальной». Однако это не сразу отразилось на региональных аспектах исследования проблем коллективизации.

Изучение коллективизации деревни Центрального региона наиболее интенсивно осуществлялось в 1970-е. Их авторы, опираясь на большое количество архивных материалов, реконструировали картину состояния деревни Центра России в годы первой и второй пятилеток, конкретизировали рассмотрение проблем социально-экономического преобразования российского села в региональном аспекте. Однако общее количество работ по проблемам социально-экономического развития деревни Центра России, вышедших в этот период, совершенно невелико, что во многом объясняется отношением к Нечерноземному Центру как типично «некрестьянскому» региону. Кроме того, динамика социально-экономических и политических процессов здесь часто не укладывалась рамки официальных концепций советской историографии, что не соответствовало статусу столичного региона. В целом научное осмысление особенностей социально-экономического развития деревни Центральной России осуществлялось, главным образом, в контексте трудов по проблемам общероссийской истории.

1990-е годы и начало XXI века стали временем бурного всплеска интереса исследователей к аграрной истории советского периода, о чем свидетельствовала публикация значительного количества статей, монографий и сборников документов, в том числе освещающих региональные аспекты истории коллективизации и социально-экономического преобразования деревни. Изучение проблем крестьянского хозяйства, его модернизации, государственной политики и аграрных преобразований в Центре России в первой трети XX века и в предколхозный период достаточно обстоятельно осуществлено Д.В. Ковалевым, И.Н. Лозбеневым, некоторыми другими исследователями. Ход кардинальных аграрных преобразований конца 1920 – 1930-х годов в достаточно обширном Московском регионе, процессы эволюции крестьянства и сельского хозяйства в ходе коллективизации также стали объектом исследования, но не все проблемы были рассмотрены в рамках опубликованных работ, что обуславливает сохранение интереса к данной проблеме.

Крестьянская взаимопомощь – проблемы изучения

Крестьянская взаимопомощь была неотъемлемой чертой сельской жизни на протяжении всего исторического пути России. Она возникла и сформировалась в рамках замкнутой, локальной крестьянской общины, регулировалась системой традиционных норм поведения и стала одной из составляющих крестьянского менталитета.

Значительный вклад в изучение этой проблемы внесла М.М.Громыко, отмечая, что в традиционной крестьянской общине обычай организации помощи, затевавшихся по инициативе отдельного хозяина, был довольно распространен. По мнению автора, господствовавшая христианская мораль не позволяла крестьянам отказывать односельчанам, нуждавшимся в помощи, зачастую они оказывали её «Христа ради» не требуя взамен платы. В ряде случаев обращение нуждавшегося к соседям или родственникам сопровождалось последующей отработкой или угощением.

Большое внимание изучению коллективных форм взаимопомощи уделил В.В.Кабанов, называя общину организатором работ на общественных полях, урожай с которых ссыпался в общественные магазины, из которых по решению схода выдавали нуждавшимся хлеб на весь год. Погорельцам собирали всем миром средства, помогали возвести новый дом. Вдовам и сиротам оказывалась общественная помощь трудом во время жатвы, посева, покоса.

Кризис сельского хозяйства, вызванный войнами и революциями в начале XX века, обнищание крестьянства привели к реставрации в деревне отношений взаимопомощи во всех её проявлениях. В работах 1920-ых годов, созданных по материалам волостных обследований А.М.Большаковым, А.Гагариным, Я.Яковлевым отмечалось, что идеи крестьянской взаимопомощи на низовом уровне приобрели традиционные черты и зачастую оказывались более эффективными, чем меры по восстановлению крестьянского хозяйства, предпринимаемые государством.

В.П.Данилов констатировал, что в доколхозной деревне «помочи» превратились в способ привлечения зажиточными хозяйствами чужой рабочей силы для решения собственных хозяйственных проблем, повсеместное распространение отработок. Историк выявил некоторые виды безвозмездной помощи, однако статистически они были трудноуловимы, поскольку в документах регистрировались редко.

Дальнейшее изучение проблемы связано с историей Комитетов крестьянской взаимопомощи, воплотивших большевистское стремление опереться в аграрной политике на традиции общины, возродить элементы коллекти-

визма, привычные крестьянскому сознанию и созвучные его психологии. Повышение исследовательского интереса к ККОВ отмечается со второй половины 1950-х до конца 1980-х годов. В этот период появились обобщающие монографические работы (П.А.Алексанов, Л.Д.Ефанов), большое количество статей, отразивших региональные особенности организационного строения и деятельности кресткомов. Однако политические акценты мешали объективному осмыслению деятельности ККОВ.

В настоящее время отмечается расширение проблематики исследований, в которых кресткомы представлены в качестве сложного социального феномена, отразившего противоречивый характер жизненного уклада 1920-ых гг. В.С.Григорьев считает ККОВ одним из элементов осуществления социальной политики в деревне. С.И.Дёттев особую роль кресткомов видит в регулировании крестьянского хозяйства и посредничестве между односельчанами различного материального уровня. А.А.Курёнышев отводит комитетам взаимопомощи роль учётно-распределительных механизмов, считая их продолжателями политики «военного коммунизма» в годы нэпа. С.Есиков выявил тенденции к созданию на базе кресткомов самостоятельных политических организаций – Крестьянских союзов.

Таким образом, можно констатировать, что сегодня малоизученными по-прежнему остаются те формы взаимопомощи, которые носили традиционный характер и остались вне поля зрения органов власти.

В.М. Рынков
(Новосибирск)

Особенности взаимодействия колхозного крестьянства и государства: «теневая» сторона колхозной экономики в Сибири во второй половине 1930-х гг.

В последнее время внимание исследователей приковывают различные формы пассивного социального протеста против аграрно-крестьянской политики сталинского государства. На наш взгляд, применительно ко второй половине 1930-х гг. большинство из них правильнее называть социальной адаптацией. Исследование сибирской колхозной деревни выявило богатый материал для анализа интересующих нас процессов и позволило выделить несколько поведенческих стратегий колхозников и колхозного руководства.

Одним из распространенных маневров в колхозах стало оттягивание начала хлебосдачи. Это позволяло распределить между колхозниками хлеб первого обмолота, укрыв его от учета. Во многих колхозах распределяли в качестве авансов хлеба значительно больше, чем позволяли нормативы. Заготовительные органы и МТС пытались вести учет убранного, обмолочен-

ного и заскладированного хлеба. Но колхозы часто прибегали к двойной бухгалтерии. Сделать это было тем легче, что почти все зерно взвешивалось «на глазок» даже при сдаче на заготовительные пункты.

Широк был диапазон ухищрений с семенным фондом. Размеры семенных участков в ряде колхозов регулярно превышали установленный государством размер в 15% от общей площади. Для семенных участков нередко оформлялась рекордно высокая урожайность, а для обычных полей она занижалась. Таким способом колхозы пытались создавать запасы неучтенного зерна.

Можно было увеличить внутренние запасы хлеба за счет его списания в отходы. Ориентируясь на скорейший вывоз хлеба, государство мало заботилось о строительстве складских помещений. Хлеб скапливался на непригодных токах, а иногда даже складировался в амбарах колхозников. Все это осуществлялось без точного учета. В такой ситуации легко было запутать учет и сохранить в хозяйстве часть зерна. Иногда часть хлеба подвергалась легкой порче на токах не по халатности, а намеренно, чтобы создать повод для оставления его в колхозе. Время от времени заготовительным органам приходилось производить рейды по проверке отходов, и контролеры обнаруживали значительные неучтенные запасы продовольствия.

Глубокую трансформацию претерпела трудовая этика крестьянства. Рабочий день колхозников во время уборочной часто начинался в 10–11 часов утра и в 17–19 часов завершался, сопровождался большим количеством простоев, перекуров. Работники берегли силы на личное подсобное хозяйство. Из работы в колхозах стремились извлечь личную выгоду. Выдача кормов, вспашка огородов, перевозка личных грузов колхозным транспортом были формально запрещены, но широко практиковались во многих хозяйствах. Проверки выявляли случаи, когда выданные по дворам на откорм телята годами «снабжали» колхозные семьи молоком.

Масштаб распространения таких неформальных, «теневых» экономических отношений выявить довольно сложно. По результатам проверок можно судить о том, что во второй половине 1930-х гг. описанные явления в Сибири носили массовый характер. Вероятно, далеко не все случаи нарушений фиксировались и пресекались. Аналогичные явления были распространены и в совхозах. Хотя там существовала специфика, связанная с большей контролируемостью, большей отчужденностью руководства от рядовых работников.

Даже утрачивая экономические черты, свойственные своему классу, деревенский житель долгое время оставался крестьянином по своей психологии. Постоянно балансируя на грани выживания, крестьянство продолжало в новых условиях культивировать нормы моральной экономики, которые редко приобретали форму открытой борьбы, зато обладали мимикричностью и адаптивностью к внешней среде. Поэтому при анализе социальных и

экономических отношений в коллективизированной деревни необходимо учитывать «теневой» сектор колхозной экономики, не отраженный в статистике и косвенно представленный в делопроизводственной документации.

В.Н. Ракачев
(Краснодар)

Особенности миграции сельского населения Кубани в 1930-е гг.*

1930-е гг. – время в истории страны, когда существенно меняется состав, характер и направленность миграционных потоков, в том числе на Кубани. Однако если на предыдущих этапах инициатива переселения в основном исходила от самих мигрантов, то теперь миграционные потоки переходят под жесткий контроль государства. В науке такой подход к управлению миграциями получил название административного.

Примером миграций, осуществленных на основе данного подхода можно считать массовую депортацию раскулаченных, проводимую на основе постановления ЦК ВКП(б) от 30.01.1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».

Сложно сказать какие цели преследовало советское руководство, но можно предположить следующее: выселить потенциально враждебное население и произвести устрашение оставшегося; заселить территорию лояльным населением, в качестве которого выступали красноармейцы, прошедшие соответствующую идеологическую подготовку.

Численность выселенных была и остается дискуссионным вопросом. По оценке Н.А. Ивницкого в масштабах страны «прямоу или косвенному раскулачиванию подверглись почти один миллион крестьянских семей с населением в 5–6 млн чел.». Сложнее определить число раскулаченных и выселенных по отдельным регионам, поскольку здесь мы располагаем отрывочными сведениями. Так бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 08.01.1930 г. приняло решение о выселении 20 тыс. кулацких хозяйств, в том числе из Кубанского округа – 3 700 семей, Армавирского – 2 200 семей.

Проведение подобных операций, с одной стороны, стимулировало оставшееся население к активному вступлению в колхозы. «Только по одному Майкопскому округу за последнее время от батраков и бедноты поступило до 2 тыс. заявлений – сообщает источник». С другой, формировало антиколхозные настроения: «Теперь каждый день можно ожидать, что тебя забе-

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект №06-06-96659 «Кубанская станица: сто лет перемен»

рут и посадят»; «как зазеленятся поля, надо будет уходить, душа моя чувствует, что плохо будет, и до нас очередь дойдет». Опасаясь репрессий крестьяне бежали из родных станиц.

Новый поток репрессий и выселений последовал за невыполнением плана по хлебозаготовкам. В постановлении от 04.11.1932 г. в отношении жителей занесенных на «черную доску» станиц говорилось, что в случае «продолжения саботажа сева и хлебозаготовок» будет поставлен вопрос об их выселении из пределов края. Что и было осуществлено в декабре 1932 г. По подсчетам Е.Н. Осколкова, в целом к середине января 1933 г. из кубанских станиц было выселено за «саботаж» хлебозаготовок не менее 63,5 тыс. чел. П.М. Полян называет цифру 45 тыс. чел.

Сократившееся в результате выселений население станиц постиг голод, масштабы которого с трудом поддаются оценке. Обезлюдели целые районы. Спасая сложившееся положение, власти принимают меры к заселению опустевших станиц. Причем и здесь действовал строгий административный контроль. Отбор переселенцев-красноармейцев проводился из числа «добросовестных колхозников», за исключением уроженцев Северного Кавказа и Украины. Среди завербованных должно было быть не менее 40% «тщательно проверенных» членов и кандидатов партии и 20% комсомольцев. Переселяющиеся красноармейцы и члены их семей получали материальную помощь.

Однако и среди строго отобранных кандидатов, наблюдались отрицательные настроения, имелись случаи «обратничества», достигшие в отдельных станицах 30%. Это было следствием не только хозяйственных и бытовых проблем, но и психологического климата, который складывался вокруг переселенцев. Имели место случаи запугивания переселенцев разговорами о голоде, малярии, различного рода угрозы.

Несмотря на компенсационные переселения, численность населения края существенно уменьшилась. Но переселения имели и положительный эффект, благодаря им многие станицы не исчезли полностью, но были восстановлены, благодаря переселенцам получили «вторую жизнь».

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ 4 СЕКЦИИ (1940 – СОВРЕМЕННОСТЬ)

О.В. Горбачев
(Екатеринбург)

Сельская миграция в России во второй половине XX в.: проблемы изучения

Своеобразие места миграционной проблематики определяется тем, что, с одной стороны, за ней молчаливо признается право считаться частью предмета исторической демографии, а с другой, традиционные демографические подходы по отношению к миграции в течение долгого времени не применялись. Истоки этого явления следует искать в советской традиции, в соответствии с которой результаты масштабных перемещений населения из деревни в город воспринимались в первую очередь в контексте их экономической значимости. Вполне естественно, что в условиях централизованного руководства социально-экономической сферой миграционные потоки выглядели как результат государственной политики, вопрос же о стихийной миграции практически не ставился. Именно поэтому существует достаточно развитая историографическая традиция изучения организованной миграции (Н.И. Платунов, Л.В. Зацанова, П.М. Полян), а стихийная миграция советских лет изучена довольно слабо.

Во второй половине 1960-х – 1970-е гг. сложилась серьезная социологическая школа изучения миграции сельского населения (группа Т.И. Заславской). Ее появление было продиктовано необходимостью разработки действенных рецептов борьбы с осознанной к тому времени растущей депопуляцией села. Существенный вклад в разработку миграционной проблематики внесли также исследования Ж.А. Зайончковской, В.И. Переведенцева и В.И. Старовойта. Примечательно, что в условиях интенсивной урбанизации, которую переживали в XX в. Россия, а затем Советский Союз, понятие «миграция» фактически стало означать именно миграцию сельского населения в города, поскольку именно это направление давало наибольшее количество перемещений.

Интерес историков к проблеме обозначился только в перестроечные годы. Тема демографических изменений в послевоенном сельском социуме отражена в работах М.А. Безнина, О.М. Вербицкой, Л.Н. Денисовой, В.П. Попова и некоторых других историков. В большинстве опубликованных тогда работ подразумевалось, что источником большинства проблем деревни была непродуманная политика советского руководства, при этом тезис о

закономерном характере оттока населения из села в город практически не был востребован. Поскольку взаимосвязь оттока сельских жителей в города с мероприятиями правительственной политики виделась очевидной, воспринимать сельскую миграцию в качестве самостоятельного предмета изучения не считалось целесообразным. На наш взгляд, в этом проявилось еще и сильное давление исследовательской традиции. Вслед за экономистами, географами и демографами представители исторической науки интерпретировали тему масштабных перемещений сельского населения в советское время, как правило, лишь в контексте демографической политики государства. И все же именно в последние десятилетия был в основном освоен комплекс исторических источников, позволяющий комплексно рассмотреть тему миграции из села.

В 1990-е гг. получают широкое распространение теории, рассматривающие процессы эволюции российского села в XX в. с точки зрения глобальных закономерностей («крестьяноведческая» школа Т. Шанина и В.П. Данилова, проблемы урбанизации как части мирового процесса в работах Л.Н. Мазур, А.С. Сенявского и др.). В результате оказалось возможным сформировать достаточно взвешенный взгляд на процессы эволюции деревни в XX в. и более адекватно оценить феномен сельской миграции.

В настоящее время наибольшей популярностью среди «универсалистских» теорий пользуется концепция модернизации, успешно применяемая многими историками. В ее рамках, к примеру, миграция определяется в качестве «инструмента интерсоциетального взаимодействия» и «проводника диффузии» (см. И.В. Побережников «Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации». М., 2006. С. 192).

С.Г. Карпов
(Вологда)

Трансформация социально-экономических отношений в российской деревне в конце XX – начале XXI вв.

Переход от плановой к рыночной экономике привел к трансформации всех институтов российского общества. Прежние социально-экономические уклады, существовавшие в рамках колхозно-совхозной системы, стали разрушаться. Вместо них в аграрном секторе началось формирование новых укладов, сопровождавшееся разрушением производительных сил и процессами деградации российской деревни. К 2000 г. из оборота выпало 27 млн. га сельскохозяйственных угодий. Уровень материально-технической базы предприятий АПК заметно снизился, произошло возрождение архаичных

технологий, возросла доля ручного труда. Объем валовой продукции сельского хозяйства с 1991 по 2000 г. уменьшился на 42%.

Разрушение индустриальной структуры АПК привело к серьезным социальным последствиям. Снизился профессионально-квалификационный потенциал работников сельского хозяйства. К концу 1990-х гг. из 2 млн. специалистов сельского хозяйства менее 25% имели высшее образование, остальные являлись практиками. Произошла депрофессионализация кадров массовых профессий. Сократилась подготовка кадров в СПТУ и доля выпускников сельскохозяйственных вузов и техникумов закрепившихся в сельском хозяйстве. Отрицательно сказался на социокультурном потенциале села отток в город сельской интеллигенции (специалистов сельского хозяйства, врачей, учителей, работников культуры), который был обусловлен как падением социального статуса сельского интеллигента, так и его невостребованностью в новых условиях.

Кардинальные перемены произошли в социальной структуре сельского населения. В колхозной деревне имелись две крупные общественные группы, положение которых определялось их местом в системе власти и управления, возможностью участвовать в распределении материальных благ, наличием образования, компетентности, профессионализма и т. д. В первую группу входили руководители колхозов и совхозов, часть высококвалифицированных специалистов и представители рабочей элиты, во вторую группу – основная часть специалистов агропромышленного комплекса, работники массовых профессий, некооперированные крестьяне и маргиналы. Однако уровень доходов большинства названных групп был вполне сопоставим, а образ их жизни являлся «стандартным» и «типичным» для советского общества.

В условиях рыночных реформ началось формирование новых страт, доходы и образ жизни которых существенно различаются. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в экономике было занято 12,7 млн. сельских жителей в возрасте от 15 до 64 лет. Из них 7,9% являлись руководителями органов власти и управления, руководителями организаций, учреждений и предприятий, 22,0% – специалистами высшего и среднего уровня квалификации, 11,0% – работниками сферы обслуживания, ЖКХ и торговли, 7,1% являлись квалифицированными рабочими сельского, лесного и охотничьего хозяйства, 19,0% – операторами, аппаратчиками, машинистами, 15,0% – неквалифицированными рабочими, 18,0% были заняты в других сферах.

Главную роль в стратификации населения стали играть такие факторы, как владение капиталом, причастность к процессам распределения, перемещения и обмена общественного продукта, занятость в той или иной отрасли, в государственном или частном секторе, а также уровень личных доходов и потребления. По-прежнему важное значение имел властный ресурс, как

правило, дополненный наличием капитала. В меньшей степени был востребован социокультурный потенциал.

В новых условиях сельское население оказалось в самом невыгодном положении. Инвестиции в социальную сферу села с 1990 г. по 2001 г. сократились в 13 – 14 раз. Разрушение социальной сферы, неразвитость рынка труда и экономический кризис в аграрном секторе обусловили такие явления, как высокий уровень безработицы, сложности с трудоустройством сельской молодежи, низкий уровень оплаты труда, хроническая бедность большинства сельских жителей, неблагоприятная демографическая ситуация.

Я.В. Ракачева
(Краснодар)

Кубанская станица в XX в.: демографический аспект*

История Кубани это, прежде всего, история аграрного региона. Специфика хозяйственной деятельности населения, общественных отношений, социальной структуры самым непосредственным образом были связаны с сельским хозяйством. На рубеже XIX–XX вв. сельское население составляло здесь 88,5%. Однако, в некоторых отделах Кубанской области доля сельских жителей достигала 94–96%. Кроме того, Кубань отличалась значительными размерами сельских поселений. Нередкими были станицы с числом жителей свыше 10000–20000 чел. В среднем на населенный пункт приходилось от 400 до 500 жителей.

Распределение населения по полу в сельском населении Кубани отражало специфику региона, как недавно освоенной и активно культивируемой территории, где преобладает мужское население. В Кубанской области на 1000 мужчин в начале XX в. приходилось 660 женщин, в Черноморской губернии этот дисбаланс был еще более заметным. Возрастная структура населения в сельских местностях Кубани и Черноморья характеризовалась более высоким удельным весом молодежи. В возрасте моложе 20 лет здесь было 51,8% мужчин и 52,6% женщин.

В первые десятилетия XX в. происходит трансформация демографических структур сельского населения, набирают темпы процессы урбанизации. По данным переписи 1926 г. из 5 202 населенных пунктов на Кубани только 19 имели статус городских поселений. Доля сельского населения несколько снизилась и составляла 82,9%. В дальнейшем на протяжении

* Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект №06-06-96659 «Кубанская станица: сто лет перемен»

1930–1950-х гг. на Кубани при значительном сокращении абсолютной численности селян, доля городского населения росла очень медленно. За период 1926–1939 гг. доля сельского населения сократилась в крае на 8,1%, что в 1,7 раза меньше чем по России, и составила 74,8%. Основными факторами, обусловившими сокращение жителей села, были голод начала 1930-х гг., раскулачивание и коллективизация, сопровождавшиеся репрессиями и высылкой. Вследствие этих процессов усилились диспропорции в половой структуре. К 1939 г. на 1000 мужчин в кубанской станице приходилось 1170 женщин. Возрастная структура отличалась высокой долей детей и молодежи и меньшей, чем в городе, долей пожилых. На группу в возрасте 60 лет и старше приходилось 4,9% сельских жителей, т.е. население станицы в конце 1930-х гг. оставалось молодым, тогда как в городе уже обозначились первые признаки демографического перехода.

События последующих лет – Великая Отечественная война, восстановительный период, голод конца 1940-х гг., негативно отразились на демографическом развитии села – для кубанской станицы были характерны более высокие показатели смертности, свой вклад в убыль сельского населения внесла миграция из села в город, станица теряла мужчин в молодых и зрелых возрастах. В результате в 1959 г. на 1000 мужчин в селе приходилось 1240 женщин. Доля сельских жителей в крае сократилась за 20 лет на 14% и составила 60,8%. К середине века порог урбанизации Кубань так и не преодолела, тогда как в РСФСР он был уже пройден. Еще долгое время край оставался регионом, где село было основной хозяйственно-экономической единицей. В 1970 г. на Кубани доля сельских жителей все еще превышала, хотя и незначительно, долю горожан. В станице проживало 52,5% жителей края. И только к концу 1970 г. доля селян опустилась за половинную отметку. В дальнейшем соотношение горожан и селян остается относительно стабильным. В 1979 г. на долю селян в крае приходилось 48,7%, в 1989 – 45,9%, в 2002 – 46,5% жителей.

Демографические процессы в современной кубанской станице мало отличаются от общероссийских: низкая рождаемость, высокая смертность, и как следствие депопуляция. Однако в сравнении с городом здесь меньше диспропорция в половой структуре. На 1000 мужчин в селе приходится 1125 женщин, тогда как в городе – 1172. Возрастная структура характеризуется значительной долей пожилых. В возрасте 60 лет и старше находятся 21,1% сельских жителей Кубани, но и доля детей в возрасте до 15 лет здесь на 3,1% выше, чем в городах края и составляет 18%.

Демографические процессы в колхозной деревне Европейского Севера России в 1940-е – 1950-е гг.

В 1940 – 1950-е гг. на Европейском Севере России городское население увеличилось в 2 раза, в тоже время сельское сократилось на 25%, достигнув к 1959 г. отметки урбанизационного перехода – 50 %. Наибольшее сокращение сельского населения за этот период было характерно для Вологодской области (на 37,8%). На сокращение численности жителей села большое влияние оказала война и миграция сельских жителей в город.

В условиях военного периода происходило сокращение брачности и рождаемости на селе Европейского Севера России. Рождаемость в 1942 г. и 1944 г. составляла 20,5 и 18,4 соответственно на 1000 населения, тогда как в 1940 г. – 32,2 на 1000 населения. Коэффициент брачности в 1940 г. составлял 3,8 на 1000 населения, в 1942 и 1944 гг. 1,7 и 1,9 соответственно на 1000 населения. Оба процесса в 1941 – 1944 гг. были неразрывно связаны с деформацией поло – возрастного состава в условиях мобилизации мужчин на войну. Тяжелые условия военного времени привели к увеличению уровня смертности среди сельского населения Европейского Севера России. Коэффициент смертности в 1940 г. составлял 26,3 на 1000 населения, в 1942 г. – 40,6 на 1000 населения.

С 1944 г. коэффициенты рождаемости и брачности начали расти, чему способствовала демобилизация, заключение браков, отложенных войной, низкий уровень разводимости, законодательная деятельность государства в отношении материнства и детства. Послевоенные засуха и голод 1946 – 1947 гг. повлияли на «компенсаторный» период в демографических процессах села Европейского Севера России. В 1947 г. число умерших в Вологодской области превысило число родившихся. Невысокий естественный прирост был характерен и для других регионов Европейского Севера России. Исчерпала себя «компенсаторная» волна, довоенные демографические показатели рождаемости не были достигнуты.

В конце 1940-х и в 1950-е гг. демографические процессы села Европейского Севера России развивались стабильно: при относительно высокой рождаемости была низкая смертность, в том числе и среди детей до 1 года. Однако, стабильность естественного движения населения не могла обеспечить простое воспроизводство в деревне вследствие активной сельской миграции.

Отток молодежи, равно как и увеличение продолжительности жизни и сокращение рождаемости, вели к старению сельского населения Европейского Севера России. В 1959 г. на 100 колхозных семей приходился 61 пре-

старелый, тогда как в 1948 г. – 51. В 1940 – 1950-е гг. наблюдается процесс сокращения численности подростков и трудоспособных лиц (в первую очередь мужчин) в составе колхозных семей Европейского Севера России. В 1945 г. на 100 колхозных дворов приходилось 26 трудоспособных мужчин от 16 до 60 лет, немного сбалансированнее стал выглядеть половой состав колхозов в 1959 г. – в расчете на 100 дворов приходилось 55 мужчин трудоспособного возраста. Если в 1939 и 1945 гг. численность подростков в возрасте 12 – 16 лет составляла 37 чел. в расчете на 100 дворов, то в 1959 г. только 18 чел., что напрямую было связано с сокращением рождаемости в военное время.

Численность сельских семей на Европейском Севере России в 1940 – 1950 гг. сократилось почти на 20%. Уменьшился средний размер сельской семьи (с 4 до 3,7 чел.). Продолжала увеличиваться доля малых семей (с 64,5% до 71,6%). На изменение численности и состава сельских семей влияние оказывали демографические последствия войны и переход к малодетности.

Н.В. Гилёва
(Вологда)

Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1960-1970-е гг. (Архангельская и Вологодская области, Карельская и Коми АССР)

Одной из важных характеристик развития демографических процессов в северной деревне Европейского Севера России являлось изменение брачной структуры сельского населения. В 1960-1970-е гг. на брачную структуру продолжали оказывать влияние половая диспропорция как следствие людских потерь в годы Великой Отечественной войны, а также активная миграция населения. В данный период первостепенное значение имела зависимость числа ежегодно заключаемых браков от численности поколений, достигающих брачного возраста. В начале 1960-х гг. улучшилось состояние брачной структуры сельского населения за счет вступления в репродуктивный возраст многочисленных поколений 20 – 29-летних. Удельный вес молодых людей в возрасте 20 – 24 лет в начале 1960-х гг. в сельской местности Европейского Севера достиг 50% от общего числа потенциальных женихов. Однако во второй половине 1960-х гг. коэффициент брачности приблизился к довольно низкой отметке. Это было вызвано тем, что в брачный возраст стали вступать немногочисленные поколения военных лет рождения. К концу 1970-х гг. уровень брачности несколько возрос на фоне общей тенденции к снижению.

При снижении уровня брачности наблюдался рост коэффициента рождаемости сельского населения. На увеличение числа разводов в 1960-е гг. воздействовало такое положительное явление, как выравнивание пропорций между численностью мужчин и женщин. Помимо демографических факторов на формирование уровня разводимости оказало влияние изменение законодательства о разводе 1965 г., в котором была значительно упрощена процедура расторжения брака. В 1960-1970-е гг. общий коэффициент разводимости постоянно повышался за счет расторгнутых браков супругов в молодых возрастах. На уровень разводов существенное влияние оказывали психологические и демографические факторы, возросший уровень социальных притязаний молодежи и повышение образовательного уровня сельских женщин.

В 1960 – 1970-е гг. в сельской местности Европейского Севера России уровень рождаемости во многом определял естественный прирост сельского населения, общий коэффициент рождаемости значительно снизился. Наиболее высокий показатель рождаемости в начале 1960-х гг. обеспечило многочисленное поколение женщин 1930-х гг. рождения. В 1961 г. На Европейском Севере России 53% сельских женщин от общего числа родивших в этом году были в возрасте от 18 до 29 лет. К началу 1970-х гг. общий коэффициент рождаемости в сельской местности снизился. Подобный спад числа рождений был связан с окончанием периода «компенсационной рождаемости» и вступлением страны в фазу демографического перехода. Вместе с этим в сельской местности был зафиксирован и низкий уровень брачности.

С 1960 по 1979 г. на Европейском Севере России стабильно рос показатель смертности сельского населения. От общей численности умерших во взрослых возрастах наибольшая доля смертей приходилась на возрастную группу 70-90-летних – более 52%. Доля умерших в возрасте 15-29 лет составила 6%, в возрасте 30-44 лет – 9%, в возрастной группе 45-69 лет – 33% умерших от общей численности умерших во взрослых возрастах. В 1960 – 1970-е гг. в сельской местности Европейского Севера России наблюдалось резкое уменьшение показателя естественного прироста. Это стало возможным в силу нарушения половозрастной структуры, сокращения уровня брачности и рождаемости, увеличения показателя смертности и уменьшения показателя рождаемости сельского населения.

Демографическая ситуация в российской деревне конца XX – начала XXI вв. (на материале Тамбовской области)*

За пореформенные годы село в порядке естественной убыли потеряло около 3-х млн. человек. В обезлюдении сельских территорий все больший вес приобретает естественная убыль. В 2001 году вклад естественной убыли в снижение численности сельского населения составил 76%, а миграционного оттока — 24%. С 2003 года за счет превышения смертности над рождаемостью село потеряло 89% своего людского ресурса и только 11% – за счет механического выбытия.

Демографический кризис российского села конца XX – начала XXI вв. очевиден на примере состояния Тамбовской области. Численность сельского населения области в период с 1991 по 2004 г. сократилась на 77008 чел., с 571200 до 494192 чел. Показатель естественного снижения из расчета на 1000 человек населения увеличился по сравнению с 1990 г. в 2,5 раза и составил в 2003 г. – 14,8. Уровень рождаемости в тамбовской деревне не обеспечивает простого численного замещения поколений родителей их детьми. Убыль населения в области идет более быстрыми темпами, чем в целом по стране, превышая общероссийские показатели почти в 2 раза. Среди областей Центрального Черноземья Тамбовщина имеет самый низкий коэффициент рождаемости и самый высокий показатель смертности сельского населения.

Продолжается процесс старения села. По состоянию на 1 января 2005 г. в области каждый четвертый житель достиг пенсионного возраста. Вызывает тревогу рост числа лиц умерших в трудоспособном возрасте. Средняя продолжительность жизни мужчин в области составляет 58,8 лет. Во всех возрастных группах до 55 лет сельского населения численность мужчин незначительно, но выше чем женщин. Однако среди деревенских жителей в возрасте свыше 70 лет женщин в 2,5 раза больше чем мужчин.

Если для конца века был характерен миграционный прирост, который в сельской местности составил 5647 чел. в 1993 г., то с 2001 г. наблюдается миграционное снижение, с показателем в 1166 чел. По данным за 2002 г. население ЦЧР за счет миграции увеличилось на 14,6 тыс. чел., а из Тамбовской области в этом же году выехало 2,5 тыс. чел.

Серьезной деформации подвергнут институт сельской семьи. Число браков в тамбовской деревне сократилось с 4335 в 1990 г. до 2428 в 2002 г.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 08-02-702-02а/Д

Напротив, число разводов за этот же период увеличилось с 1118 до 2114, т.е. возросло более чем в 2 раза. При этом коэффициент брачности и разводимости у селян вдвое ниже, чем у горожан. Растет в селе количество детей родившихся вне брака. Если в 1990 г. они составляли 13,5% от общего числа родившихся, то в 2003 г. их было уже 23,0%.

Один из ярко выраженных феноменов современной российской деревни - широкое распространение пьянства. По мнению 75% участников данным социологического опроса пьянство за последние 10-12 лет увеличилось, а 58% из них считают, что оно сильно возросло. Свыше 60% опрошенных относят алкоголизацию населения к числу наиболее злободневных проблем современной деревни. За период с 1990 по 2003 г. число селян умерших от пьянства в Тамбовской области увеличилось более чем в 3 раза.

Осуществленное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- высокая смертность на фоне низкой рождаемости определяют дальнейшее сокращение численности сельского населения;
- рост смертности деревенских жителей в трудоспособном возрасте отрицательно влияет на состояние трудовых ресурсов и воспроизводство населения;
- снижение средней продолжительности жизни селян свидетельствует о низком социально-экономическом и бытовом уровне жизни в деревне.

И.Е. Кознова
(Москва)

Представления русских крестьян о прошлом в XX веке: основные направления исследований*

Отличительная черта современной историографической ситуации - значительный интерес к анализу образов прошлого в разных культурах, группах, слоях общества в те или иные исторические периоды.

Проблематика памяти и сохранения с ее помощью представлений о прошлом как специальное направление исследований крестьянского мира и его культуры обозначена в крестьяноведческих трудах Дж. Скотта и А.В. Гордона. В общем плане проблема затронута в работах А.К. Байбурина, Т.М. Бернштам, В.Н. Топорова, которые исследуют ритуал в качестве глав-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Прошлое в представлениях русских крестьян, по документам XX века»), проект № 07-01-00126а

ного механизма функционирования памяти в традиционной культуре. В разных аспектах изучается тема времени в народной культуре (А.И. Клибанов, С.Ю. Неклюдов, А.А. Панченко, Л.А. Гульцева).

Конкретно-исторические исследования памяти российского крестьянства и его представлений о прошлом проводятся на документах XVIII – начала XX вв. (А.В. Буганов, М.М. Громыко, Г.В. Лобачева, Н.А. Миненко, И.В. Побережников, Г.Н. Чагин). В частности, М.М. Громыко относит к формам народной памяти различные виды фольклора, позволяющие судить об исторических представлениях крестьянства. А.В. Буганов рассматривает влияние памяти на формирование национального самосознания, а также образ исторических личностей в крестьянской памяти. Что касается XX в., то крестьянская память также становится предметом изучения, главным образом в традиции устной истории. Это направление представлено работами В.А. Бердинских, В.Г. Виноградского, В.В. Кондрашина, В.П. Попова. В исследованиях, посвященных тем или иным аспектам аграрной истории, рассматривается вопрос об исторической памяти как культурном факторе крестьянской революции (В.В. Кабанов, О.С. Поршнева, О.А. Сухова, Т. Шанин) или современных аграрных преобразований (С.А. Никольский, П.И. Симуш). Применительно к советскому периоду обращается внимание на проявление крестьянских черт, опыта и традиций в менталитете советских людей (В.В. Бабашкин, Н.Н. Козлова). Существуют работы на зарубежном материале, посвященные, в частности, взаимодействию памяти и локальной истории во французской деревне (F.Zonabend) и переосмыслению прошлого в китайской деревне (Jun Jing) и др.

В методологическом плане анализ проблематики крестьянских представлений о прошлом выражает антропологическое видение исторического процесса в целом и аграрной истории в частности. Он имеет также в виду возможность использования различных форм мемориальной конструкции, концептов «обращенность к прошлому», «помятая культура», «управление прошлым», «преодоление прошлого», разных типологий памяти для понимания исторической картины мира крестьянства.

Применительно к XX в. можно выделить несколько направлений изучения крестьянского восприятия прошлого. Первое связано с анализом основных тенденций эволюции крестьянских представлений о прошлом в контексте социокультурной трансформации страны. Второе – с изучением различий в отношении исторического прошлого разных групп крестьянства. Третье касается фиксации способов презентации и трансляции прошлого в памяти. В целом это предполагает исследование представлений крестьян о национально-государственном, локальном, групповом прошлом, их образов исторических событий, личностей, власти, крестьянской семьи и сельской общности.

Российская аграрная модернизация 1930-х годов – начала XXI века

Советская историография характеризовала аграрные преобразования 1930-1980-х гг. как социалистические, что связывалось с обобществлением производства, внедрением более прогрессивных технологий, механизацией и индустриализацией труда, повышением уровня жизни сельского населения и т.д. Этот этап историографии внес существенный вклад в изучение типичных для модернизационных процессов явлений. В 1990-е годы историки значительно расширили и обогатили источниковую базу, обратились к изучению «белых пятен» истории села, описанию трагических страниц крестьянского бытия. Тем не менее, определение характера и направленности развития колхозно-совхозного сельского хозяйства сохранилось в рамках, предложенных советской исторической наукой. Начало XXI века, на наш взгляд, можно оценить как старт нового этапа в развитии аграрной историографии, который характеризуется появлением исследований с пересмотром концептуальных основ прежних историографических схем.

В развитии сельского хозяйства 1930-х гг. – начала XXI века можно выделить несколько этапов. Первый этап – 1930-1980-е гг. – был периодом основного модернизационного рывка, в рамках которого произошло крупномасштабное аграрное переустройство. Внутренне этот этап состоит из модернизационных по сути, но различающихся по содержанию подэтапов: коллективизации, резко ускорившей первоначальное накопление и создавшей новую аграрную многоукладность, середины 1930 – начала 1950-х гг. – «классического колхозного устройства», середины 1950-х – начала 1960-х гг. – переходного к новому состоянию периода, середины 1960-х – 1980-х гг. – времени зрелого государственного капитализма в сельском хозяйстве. Следующий этап, начавшийся в 1990-е гг., характеризуется декапитализацией экономики, деформациями в сельском социуме.

Аграрная модернизация в России охватывала все сферы: экономику, социальную, политическую жизнь, деревенскую повседневность, ментальность и духовность селян. Исследование содержания этих изменений, их соотношения, скорости осуществления, завершенности процессов, поиск методов их изучения и необходимых источников пока остаются далекими от завершения.

Одной из важнейших характеристик аграрной модернизации является вопрос изменения экономических механизмов, действовавших в аграрной подсистеме. Исследования, проведенные авторами тезисов, выявили, что основная направленность этих изменений связана с процессами капитализации и товаризации аграрного производства. Капитализированным (т.е.

имеющим капитал в качестве ведущего фактора производства) сельское хозяйство России становится в 1960-е гг. Продукция сельского хозяйства принудительно товарной становится в основном уже в середине – второй половине 1930-х гг., товаризации средств производства импульс дала реорганизация МТС, товаризация же рабочей силы в сельском хозяйстве завершается введением гарантированной оплаты труда в колхозах во второй половине 1960-х гг. и личной свободы (изменение паспортного режима).

Социальная трансформация в модернизирувавшемся сельском хозяйстве происходила в ходе раскрестьянивания и формирования новых социальных категорий сельскохозяйственного населения. Среди них по объемно-правовому положению, месту в отношениях собственности и экономическому состоянию, ментально-поведенческим характеристикам и другим социально-классовым разграничителям выявляются пять основных социальных групп: протобуржуазия (председатели колхозов, директора совхозов, директора МТС), менеджеры (бригадиры, управляющие отделениями, завдующие фермами и др.), интеллектуалы (агрономы, зоотехники, механики и т.п.), рабочая аристократия (механизаторы, комбайнеры, трактористы и др.), сельский полупролетариат и пролетариат (даются уточненные в ходе ведущихся авторами исследований названия групп сельскохозяйственного населения). Раскрестьянивание сопровождалось кардинальными изменениями в отношениях сельского социума с властью, политических практик, деревенской повседневности.

Л.Н. Мазур
(Екатеринбург)

Урбанизация российской деревни в XX в.: итоги и перспективы изучения

Проблема урбанизации сельской местности в XX веке сравнительно недавно попала в поле зрения историков. Первоначально процессы урбанизации рассматривались как предмет географии, где сложились два основных подхода к определению данного понятия: 1) как процесса роста и укрупнения городской поселенческой сети; 2) как процесса движения и концентрации населения. Важнейшим результатом изучения урбанизации во второй половине XX века стало понимание ее как комплексного явления, связанного с перестройкой всего общества в целом, которое охватывает не только городскую среду, но и сельскую местность.

История российской деревни в XX веке всегда находилась в центре внимания исследователей. Итоги изучения эволюции сельской России в советский период были подведены в многотомном издании, посвященном ис-

тории советского крестьянства, и ряде обобщающих трудов, отражающих отдельные этапы и аспекты аграрной истории (В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Ю.В. Арутюнян, А.П. Тюрина и др.).

На современном этапе можно выделить следующие направления аграрных исследований, в той или иной степени затрагивающие проблему урбанизации сельской местности:

– *изучение аграрного строя и тенденций развития сельского хозяйства в России в XX веке.* Характерной чертой историографии стало появление исследований, направленных на концептуальную оценку характера и итогов аграрного развития России в XX веке, в которых нашли отражение разные методологические подходы (М.А. Безнин, Т.М. Димони, Г.Е. Корнилов, В.А. Ильиных). Следует отметить также работы монографического характера, нацеленные на переосмысление аграрной политики государства и аграрного реформирования в XX веке (В.Л. Берсенева, В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, В.В. Наухацкий, В.П. Попов, Н.Г. Роголина, В.В. Силкин, В.Г. Тюкавкин, и др.); анализ форм сельскохозяйственного производства (колхозы, совхозы, крестьянские хозяйства, аграрно-промышленные комплексы) и закономерностей их развития (М.А. Безнин, Т.М. Димони, С.А. Есиков, В.А. Лабузов, В.Я. Романченко, В.А. Саблин, Д.А. Сафонов, В.Н. Томилин и др.). Данные исследования, отражающие преимущественно социально-экономические и политические аспекты аграрного развития, интересны с точки зрения характеристики базовых факторов урбанизации, определивших ее содержание и специфику;

– *изучение демографических и социальных аспектов развития сельского населения* (О.М. Вербицкая, О.В. Горбачев, Л.Н. Денисова, В.А. Ильиных, И.Б. Карпунина, Г.Е. Корнилов). Эти труды имеют принципиальное значение для оценки динамики и характера урбанизации сельской местности. Особую роль в XX в. сыграла сельская миграция, которая стала одним из наиболее значимых факторов трансформации городской и сельской среды;

– *характеристика образа жизни, сознания, культуры, быта крестьян, благоустройства сельской местности* (В.Ф. Зима, И.Е. Кознова, В.В. Кондрашин, В.В. Наухацкий, А.А. Попов и др.). Урбанизация сельской местности находит непосредственное отражение в изменении культурно-бытовой инфраструктуры, внешнего облика и благоустройства населенных пунктов, формировании нового образа жизни и условий быта крестьян.

Таким образом, в рамках исторической науки накоплен материал, опираясь на который появляется возможность провести комплексную оценку сельской урбанизации. Такая постановка задачи связана с новым уровнем осмысления процессов социально-экономической и культурной трансформации российского общества в целом и российского села в частности.

Массовое освоение целинных и залежных земель: этапы и итоги изучения

Освоение целины является одним из наиболее крупномасштабных проектов советской эпохи. С современной точки зрения целинную кампанию можно рассматривать как общенациональный проект. Данная проблема активно разрабатывалась в исторической литературе. Первое десятилетие изучения истории освоения целины ознаменовано выходом крайне политизированных, по сути публицистических работ, для которых характерна ориентация на доказательство успеха проводившейся кампании. В это время не существовало единой концепции истории освоения целины, т.к. кампания еще продолжалась, источниковая база только начинала складываться. Поэтому имело место фрагментарное изучение данной проблемы. В то же время уже сложилась определенная схема изложения событий целинной эпопеи. На рубеже 1950-1960-х гг. были предприняты первые попытки научного осмысления истории целины как особого явления (И.Ф. Мятников (1959), В.И. Куликов (1961) и др.), положено начало региональным исследованиям отдельных аспектов (Е.М. Тяжелников (1960), С.В. Николаева (1962), Г.Ф. Шипилов (1963) и др.).

На определенном этапе имя Н.С. Хрущева оказалось под негласным запретом, следствием чего стал спад исследовательского интереса к его начинаниям. Тема освоения целины потеряла свою самостоятельность и рассматривалась исключительно в контексте общего аграрного развития (М.Л. Богденко, И.Е. Зеленин (1976) и др.). «Возвращение» темы произошло после появления знаменитой «Целины» Л.И. Брежнева, сюжеты которой предопределили дальнейшее развитие исследований. В целом в рассмотрении истории освоения целины преобладало партийное видение (И.В. Куликов (1978, 1979), В.А. Данилов (1980) и др.). При оценке целинной кампании делались акценты на очевидных успехах; трудности преимущественно только отмечались, и подразумевалось, что они в полной мере искупались итоговым результатом. Традиционно в центре внимания авторов были сюжеты, связанные с развитием трудового энтузиазма целинников, ролью партийных органов в освоении новых районов, активным участием комсомола, шефской помощью переселенцам со стороны промышленных предприятий и различных организаций, благоустройством целинных просторов и т.п. Но существенных сдвигов в области создания целостной картины событий тех лет не происходило.

В конце 1980-х гг. отказ от идеологизированного подхода обусловил появление, первой, не всегда обоснованной критики. Альтернативное виде-

ние нашло свое отображение в работах публицистического характера, в которых говорилось о непопулярных ранее сюжетах, таких как трудности и неудачи кампании и др.). На смену традиционно позитивной оценке пришло осознание неоднозначности проблемы (О.В. Ударова (1989), О.М. Вербицкая (1992) и др.).

Новая волна интереса к целинной истории была вызвана празднованием 50-летнего юбилея. В современных условиях продолжает преобладать политическая оценка. Современное понимание проблемы не выходит за рамки подхода, сложившегося в советскую эпоху. Для публикаций характерна тенденция к романтизации труда и быта целинников. Для исследований новейшего времени характерна не столько разработка всей истории кампании, сколько изучение отдельных ее аспектов: программы освоения новых земель и ее реализации (В.П. Мотревич (1992, 2007), И.Е. Зеленин (1998, 1999, 2000, 2001) и др.), адаптации переселенцев на новом месте (В.А. Козлов (1999), М.Поль (2004) и др.), демографических изменений (О.М. Вербицкая (2002), Н.И. Шекихачева (2005) и др.). Это свидетельствует о том, что перед исследователями открывается перспектива создания истории широкомасштабного освоения целины во всем ее многообразии.

Л.В. Изюмова
(Вологда)

Социальная трансформация колхозной деревни: проблемы современной историографии

Характерной чертой новейшего этапа историографии является расширение возможностей междисциплинарного синтеза, как следствие появляются исторические исследования, методологической конструкцией которых являются современные социологические теории: теория стратификации, социального и человеческого капитала, модернизации и др.

Одной из актуальных и недостаточно изученных проблем в современной историографии является проблема социальной трансформации крестьянского социума колхозного периода. Исследователи солидарны в том, что социальная трансформация села проходила в направлении раскрестьянивания. В процессе экономической и технологической модернизации аграрного сектора на авансцену выдвигались новые социальные и профессиональные группы, менялось положение и роль возрастных, гендерных групп сельского социума. Однако социальная трансформация колхозной деревни осуществлялась гораздо медленнее, чем экономическая модернизация аграрной подсистемы.

В работах современных отечественных исследователей ведется анализ крестьянского социума и его места в социальной структуре советского общества (М.А. Безнин, Т.М. Димони, В.А. Бондарев, М.Н. Глумная, С.Г. Карпов и др.). В частности, М.А. Безнин и Т.М. Димони отмечают, что эволюция сельского социума 1930-1980-х гг. была типична для модернизирующегося общества и специфична в своих проявлениях, т.к. здесь реализовывался особый тип раскрестьянивания, развивавшийся в рамках колхозно-совхозной капитализировавшейся экономики. Исследователи выделяют основные этапы раскрестьянивания и пролетаризации сельского социума, отмечают их специфику, а также выделяют факторы, оказывающие влияние на социальную эволюцию села. По-мнению В.А. Бондарева, колхозное крестьянство являлось тяглого-податным сословием, представляло собой транзитивную, переходную общность. Переход заключался в социальном развитии крестьянства к наемным сельскохозяйственным рабочим, которые отличались не только статусом, но и поведением, коллективной психологией, однако этот переход не был завершен в связи с распадом СССР.

В современной отечественной историографии реализуется задача изучения статусного положения, групповых и корпоративных интересов, особенностей ментальных установок и культуры отдельных социальных слоев сельского социума. В этом плане интерес представляют работы М.А. Безнина, Т.М. Димони, Л.Н. Денисовой, И.Е. Козновой, В.В. Наухацкого и др.

Таким образом, в исследовании отечественных историков на смену принятому ранее делению сельского социума, исходившему в основном из экономической мощности хозяйств или форм собственности, пришла более сложная стратификация, учитывающая такие факторы как объем властных полномочий, уровень дохода, образования и профессиональной подготовки, престиж. По-прежнему актуальна проблема формирования источниковой базы для изучения социальных процессов на селе: важно привлекать такие источники, как художественная и публицистическая литература, материалы устной истории, а также требуют «нового прочтения» традиционные массовые источники по истории советской деревни.

И.В. Логунова
(Липецк)

Историография проблемы многоукладности сельского хозяйства

В советской историографии проблема многоукладности практически не исследовалась, точнее сказать – отрицалась. Если в первые годы после Октябрьского переворота научная работа по изучению многоукладности в сельском хозяйстве еще проводилась А.В. Чайновым, Н.Д. Кондратьевым, Н.П. Макаровым, Н.П. Огановским, то в 1930-е гг. эта тема оказалась закры-

той для исследований. Лишь в 1960-1970-е гг. дискуссии по ней возобновились (см. работы В.П. Данилова, Ю.И. Семенова, Ю.Н. Нетесина), но не надолго – идеологическое давление оказалось слишком тяжелым.

В 1990-е гг. аграрная реформа, признавшая сосуществование разнообразных форм собственности и хозяйствования, положила начало новым исследованиям проблемы многоукладности. Однако цельной теоретической концепции развития многоукладной аграрной экономики до сих пор создать не удалось. В историко-аграрной и экономической науке развернулись дискуссии по вопросам толкования понятий «уклад» и «многоукладность», формирования и развития многоукладной аграрной экономики, классификации укладов и др.:

В толковом словаре понятие «уклад» определяется как форма, тип ведения хозяйства в рамках какой-либо общественно-экономической формации». Мнения исследователей по этому вопросу разделились. Одни полагают, что «уклад» представляет собой «совокупность производственных, культурно-духовных и идеологических отношений, органически присутствующих в хозяйственной и социальной деятельности человека» (Е.С. Строев, В.В. Бабашкин, С.А. Никольский, В.В. Устюкова). Другие под «укладом» понимают систему производственных отношений (Ю.И. Семенов, И.Н. Буздалов). Причина разногласий кроется в том, что кладется в основу определения – общественный строй или система общественного хозяйства.

Некоторые авторы необоснованно подменяют понятия «общественно-экономический уклад» и «хозяйственный уклад», забывая, что «в рамках того или иного общественно-экономического уклада сосуществуют различные экономические и организационные формы общественного производства или формы хозяйствования», которые и выделяются в качестве хозяйственных укладов.

В научной литературе отсутствует единство мнений относительно термина «многоукладность». Ряд исследователей (А.А. Шутьков, Е.С. Строев, В.И. Новичков) толкуют его как «многообразие форм собственности и хозяйственных укладов». По мнению же И.Н. Буздалова данный термин «в слишком общей, «собирательной» форме выражает экономическую реальность, но не может претендовать на экономическую категорию с четко определенным ее основным критерием».

Спорным остается и вопрос о том, является ли многоукладность неотъемлемой чертой любой общественно-экономической формации, включая социалистическую, либо с развитием общества происходит замена многоукладности моноукладностью, и наоборот.

Сформировались разные подходы к типологии аграрных социально-экономических укладов. В монографии «Многоукладная аграрная экономика и российская деревня» выделяется три уклада: крестьянско-потребительский, крестьянско-товарный и предпринимательно-товарный.

По мнению В.В. и К.В. Милосердовых, в России в 1990-е гг. сложилось семь общественно-экономических укладов: государственный, частно-капиталистический, государственно-капиталистический, кооперативный, частно-семейный, патриархальный и акционерные общества. Т. Нефедова под укладами понимает категории сельхозпроизводителей: сельскохозяйственные предприятия; фермерские хозяйства; личные подсобные хозяйства.

В.В. Наухацкий
(Ростов-на-Дону)

Политотделы МТС: проблемы историографии и методологии

В историографии представлены различные точки зрения о роли политотделов МТС в развитии сельского хозяйства и судьбах крестьянства, обусловленные различием концептуальных подходов к проблеме. В советской литературе была отражена апологетическая точка зрения о деятельности политотделов как чрезвычайных органах партии, созданных для политического и организационно-хозяйственного укрепления колхозов и добившихся успехов в этом направлении. В литературе отмечались факты нарушения законности, но отдельные недостатки характеризовались как отступление от правильной линии партии. Разумеется, такой подход сопровождался «фигурами умолчания» (особенно замалчивались чрезвычайные и репрессивные тенденции в деятельности политотделов), идеологической селекцией исторических фактов, некритическим восприятием партийных документов. В основе данного подхода лежала идея о строительстве социализма в СССР и коллективизации как одном из важнейших его направлений. В рамках данного подхода деятельность политотделов рассматривалась как проявление классовой борьбы с противниками колхозного строя и советской власти, в ходе которой допускались отдельные перегибы и как созидательная деятельность по укреплению основ социалистического земледелия. Разумеется, риторический антураж исследований определялся временем их написания, но не влиял существенно на концептуальные характеристики. В годы перестройки наметились новые подходы в изучении темы, однако они оставались в рамках официальной парадигмы и представляли лишь ее некоторую модернизацию. В постсоветской литературе обозначился поворот к объективному анализу деятельности политотделов МТС. Обращают на себя внимание работы И.Е. Зеленина, который рассматривал деятельность политотделов в рамках системы антикризисных мероприятий в сельском хозяйстве.

В рамках конструкта советского тоталитаризма деятельность политотделов рассматривается как продолжение репрессивной антикрестьянской политики, начавшейся в 1917 г. и достигшей апогея в годы коллективиза-

ции, которая в свою очередь характеризуется как произвол партийно-государственной бюрократии, проявление диктатуры партии.

В контексте модернизационного подхода деятельность политотделов МТС рассматривается как политика раскрестьянивания, т.е. разрушения привычного уклада деревенской жизни, традиций и опыта сельского мира. Впрочем, политотделы не просто разрушали прежние устои крестьянской жизни, но и создавали новые (новые для крестьян формы организации труда, начало эмансипации женщин-крестьянок, акцентирование социальных ролей молодежи, усвоение элементов урбанизированной культуры быта).

На наш взгляд, политотделы были вызваны к жизни экстремальными условиями модернизации аграрной экономики и функционирования колхозов, переходным характером экономики сельского хозяйства начала 30-х гг. Целью деятельности политотделов МТС была нормализация ситуации в деревне в условиях распада старых структур жизни, неспособности сельсоветов, исчезновения самостоятельных крестьянских хозяйств и отсутствия новых работающих структур. Политотделы действовали в условиях переходной экономики и были призваны не только стабилизировать обстановку в сельском хозяйстве, обеспечить выполнение планов хлебозаготовок, но и запустить механизм функционирования новых институтов хозяйствования и жизнеобеспечения. Они должны были обеспечить переход от полурыночной экономики с преобладанием крестьянских хозяйств к государственно-плановой экономике. Переходный характер экономики подталкивал к применению административных мер регулирования, а характер политического режима в стране делал именно такой вариант стабилизации наиболее вероятным. Политотделы МТС не добились коренного перелома в развитии производства, но обеспечили нормализацию обстановки в колхозах и преодоление наиболее острых проявлений аграрного кризиса. Создав колхозы как форму хозяйствования, партия через политотделы обеспечила превращение рыхлой формы в структуру – колхозную систему. Именно в результате деятельности политотделов утвердилась важнейшая характерная черта колхозной системы: сочетание административно-принудительного механизма хозяйствования с элементами материальной заинтересованности и личным подсобным хозяйством. Этот дуализм колхозной системы стал ее генетической чертой.

Патриотические инициативы вологодских колхозников в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся СССР выступали со многими патриотическими инициативами, направленными на оказание всемерной помощи армии. Граждане участвовали в сборе средств на строительство танков, самолетов и другой боевой техники, подписывались на военные государственные займы, собирали подарки на фронт. Благородные порывы населения чутко улавливала советская пропаганда, которая придавала тому или иному патриотическому начинанию на местах всенародный характер.

История патриотических инициатив нуждается в дополнительной проработке на региональном уровне. Требуется изучения, почему именно в данной области, крае, республике появилось на свет то или иное патриотическое начинание, кто выступил его действительным инициатором – горком, обком партии или трудовой коллектив? Существуют различные мнения о том, в каком именно регионе родилось очередное патриотическое начинание. В этой связи обратимся к анализу обозначенной проблемы, используя материалы по оказанию помощи государству в годы войны сельскими тружениками Вологодской области.

Одна из замечательных инициатив военного времени – создание в стране фонда здоровья защитников Родины. 6 февраля 1943 г. в газете «Красный Север» – органе печати Вологодского обкома ВКП(б) и облисполкома – было напечатано обращение членов сельхозартеля «Северный коммунар» Вологодского района к колхозникам области с призывом сдать сверхплановые запасы колхозного молока и его индивидуальные излишки в фонд здоровья защитников Родины. При этом говорилось, что члены сельхозартеля передают раненым воинам 700 ц молока. А уже к 1 апреля 1943 г. только 21 район области из сорока трех сдал в фонд здоровья защитников Родины 24786 ц молока. Об инициативе колхозников Вологодской области рассказала читателям газеты «Правда» и «Известия» и вскоре это движение приобрело всенародный характер. Есть, на наш взгляд, объяснение и тому, что помощь раненым бойцам пришла со стороны сельских тружеников именно Вологодской области. Во-первых, план по сдаче молока государству в этом регионе, несмотря на трудности военного времени, ежегодно перевыполнялся. Во-вторых, область с августа 1941 г. превратилась в крупнейший госпитальный центр. На лечении здесь находилось в общей сложности 650000 воинов Ленинградского, Карельского, Волховского и Северно-Западного фронтов.

На строительство боевой техники колхозники Вологодской области перечислили в годы Великой Отечественной войны 19 млн. 834 тыс. рублей. Более семидесяти процентов от этой суммы поступило на строительство танковой колонны «Вологодский колхозник». Эта патриотическая инициатива сельских тружеников завершилась торжественной передачей боевых машин 1-й танковой армии.

Пришло время сказать о неизвестной стороне упомянутой патриотической инициативы. Еще в начале 1930-х гг. в Вологодский край было сослано более 10 тысяч семей кулаков. Несмотря на трудности, часть переселенцев смогла адаптироваться в суровых условиях. Более того, появились, если так можно выразиться, «кулацкие колхозы». В годы войны один из таких колхозов – «Объединение» Тотемского района - принял активное участие в сборе средств на танковую колонну «Вологодский колхозник». «Враги народа» перечислили на счет в сбербанке 202 тысячи рублей. О своей инициативе руководство колхоза телеграфировало И.В. Сталину. В мае 1943 г. вождь публично поблагодарил патриотов.

Еще одним почином вологжан стало создание межколхозных санаториев для детей фронтовиков. В этих санаториях особенно нуждались эвакуированные дети блокадного Ленинграда. Колхозы обеспечивали санатории питанием, топливом, выделяли обслуживающий персонал. Всего по области к 1943 г. было открыто 14 санаториев на 1080 мест. Инициативу вологжан подхватили и в других регионах СССР. В итоге только в РСФСР было организовано 117 межколхозных детских санаториев.

А.Л. Кузьминых
(Вологда)

Подсобные хозяйства в системе НКВД-МВД СССР в 1940-е гг. (на материалах Вологодской области)

Вопросы аграрной истории советского общества активно разрабатываются современными российскими историками. Исследователи признают тот факт, что аграрная система сложно вписывалась в процесс модернизации, была экономически малорентабельна. Дисфункция советской аграрной подсистемы проявлялась в массовом создании «вспомогательных» аграрных институтов, например, подсобных хозяйств, которые существовали в структуре большинства наркоматов-министерств. К сожалению, до сих пор процесс создания и функционирования этих «сельхозячеек» не был подвергнут обстоятельному научному анализу и осмыслению.

Причинами создания ведомственных подсобных хозяйств, являлись, во-первых, неспособность властей организовать бесперебойное снабжение на-

селения продуктами и товарами первой необходимости в чрезвычайных условиях военного и послевоенного времени, что вело к санкционированию и поощрению практики самообеспечения на местах; во-вторых, инициативы отдельных ведомств, предприятий, организаций, местных органов власти, стремившихся самостоятельно решить продовольственную проблему за счет собственной ресурсной базы.

17 апреля 1942 г. вышел приказ НКВД СССР № 191, который предписывал начальникам исправительно-трудовых лагерей и колоний возбудить ходатайства перед областными исполкомами об отводе неиспользованных государственных и колхозных земель. С 1943 г. подсобные хозяйства в массовом порядке начинают создаваться в системе территориальных органов НКВД.

Подсобные хозяйства территориальных органов НКВД условно можно разделить на два типа, в зависимости от их структурной подчиненности. Первые входили в подчинение хозяйственных подразделений (отделов, отделений) областных, краевых и республиканских НКВД-УНКВД, вторые действовали при тюрьмах, колониях и лагерных отделениях. Если первые обеспечивали продовольствием личный состав НКВД-УНКВД, то вторые — не только тюремный и лагерный персонал, но и содержащийся в режимных учреждениях спецконтингент (заклоченных, военнопленных, интернированных и т. д.). Как правило, и те и другие обеспечивались рабочей силой, находившейся в распоряжении НКВД.

В 1946 г. в составе УНКВД Вологодской области находилось 12 подсобных хозяйств, общая площадь земельных угодий которых составляла 1869 гектаров. Наиболее успешно развивались подсобные хозяйства лагерей военнопленных. Они из года в год улучшали свое производство, в итоге превратившись в крупные показательные хозяйства.

Необходимо отметить, что за счет продукции, получаемой в подсобных хозяйствах, полностью обеспечить лагерь, тюрьмы и колонии продовольствием не удалось. Но подсобные хозяйства дали возможность высвободить определенное количество продуктов из плановых фондов снабжения, сокращая тем самым государственные расходы на содержание спецконтингента.

Колхозная деревня Европейского Севера России в годы Великой Отечественной войны (на материалах Архангельской и Вологодской областей, Республики Коми)*

Военные годы стали очень важным периодом в развитии колхозной деревни Европейского Севера России. К началу восстановительного этапа (к 1946 г.) её экономика и социальная сфера были значительно подорваны предыдущими годами чрезвычайных условий хозяйствования. За годы Великой Отечественной войны в сельскохозяйственных артелях сократилось поголовье общественного скота, снизились его продуктивность и общий выпуск животноводческой продукции. Резко сократились урожайность и валовые сборы полевых культур. Снизилась культура земледелия. Многие основные хозяйственные постройки и сооружения в колхозах за годы войны обветшали, а новых строилось недостаточно.

Однако были и некоторые положительные моменты в развитии колхозной экономики. Возросли валовые денежные доходы колхозов Коми республики, стоимость основных средств производства, неделимые фонды колхозов. При этом следует учитывать влияние инфляционных процессов, вызванных вынужденной эмиссией за годы войны.

К середине 1940-х гг. были достигнуты определённые успехи в механизации трудоёмких процессов в полеводстве. Ключевую роль в этом сыграли государственные предприятия в аграрном секторе – машинно-тракторные станции (МТС). В сельском хозяйстве Коми республики стало больше тракторов, увеличилась среднегодовая численность работников, возросла стоимость неделимых фондов. В то же время значительно (в два раза) возросла себестоимость услуг МТС, резко снизилась средняя выработка на один условный трактор и комбайн, уменьшился общий объём выполненных работ. За годы войны новая сельскохозяйственная техника в республику не поступала, а большая часть имевшейся выработала свой ресурс и была значительно изношена. Большинство МТС заканчивали хозяйственный год с убытками. Например, в Коми АССР животноводство было вообще не механизировано. В колхозном производстве совершенно не применялось электричество.

Особенно тяжело последствия военного периода сказались на демографии колхозной деревни Европейского Севера России. Всего за пять лет число наличного населения сократилось более чем на треть. Наибольший ущерб понесла категория трудоспособных мужчин и женщин. Высокий удельный вес составляли лица, не принимавшие участия в колхозном производстве, но проживавшие в колхозах. Процент людей преклонного возраста возрастал, а

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 07-01-00341)

молодёжи, наоборот, падал. Большой ущерб был нанесён социальной сфере. Значительно повысившиеся денежные и натуральные налоги лежали тяжким бременем на крестьянской семье, сковывали развитие личного подсобного хозяйства; тормозили и консервировали рост жизненного уровня.

Уровень выдач колхозникам на выработанные трудодни, будучи и без того крайне невысоким до войны, после неё заметно снизился. Размер денежных выдач исчислялся копейками, а натуральных – граммами. Доходы колхозников не обеспечивали приемлемого прожиточного минимума. Общая выработка трудодней резко сократилась.

В связи с тем, что в чрезвычайных условиях войны колхозная деревня эксплуатировалась весьма интенсивно, её ресурсы были во многом подорваны. Исследование исторического материала показало, что к началу восстановительного этапа колхозная деревня Европейского Севера России остро нуждалась в периоде реабилитации, помощи со стороны государства. Внешнее огромное вклад в дело победы над врагом колхозное крестьянство было в праве рассчитывать на благодарность и соответствующее отношение к себе со стороны властей. Оно было вправе воспользоваться плодами общенациональной победы, почувствовать реальное улучшение своего положения в столь долгожданных условиях мирной жизни. Однако, к сожалению, этого не произошло.

В.Н. Томилищ
(Липецк)

Проблема землеустройства и введения севооборотов в колхозах Центрального Черноземья в первые послевоенные годы

После окончания Великой Отечественной войны оказались нарушены границы полей в колхозах, значительная часть земель перестала обрабатываться, севообороты не соблюдались. В Центральном Черноземье площадь пашни в обработке за годы войны сократилась более чем на треть. В колхозах Курской области в 1945 г. посевные площади составили 62% довоенного уровня, неосвоенными оставалось более одного миллиона гектаров пахотных земель. Аналогичная ситуация сложилась и в других областях региона. В 1946 г. в колхозах Тамбовской области обрабатывалось лишь 64% пахотных земель: из 2 236 тыс. гектаров не использовалось 790 тыс. гектаров. При этом к началу 1946 г. землеустроительные работы были проведены только в 926 тамбовских колхозах с общей площадью пашни 669 тыс. гектаров, что составило 30% общей площади.

Работа по землеустройству и введению травопольных севооборотов в колхозах Центрального Черноземья во второй половине 1940-х годов велась нарастающим итогом. Так, в Воронежской области в 1947 г. правильные

севообороты были введены в 450 колхозах, в 1948 г. – в 738. К началу 1949 г. в Воронежской области травопольные севообороты существовали в 2 969 колхозах, или в 68,5% их численности.

Кропотливая и планомерная работа по внутривоспроизводственному землеустройству и введению травопольных севооборотов в колхозах Центрального Черноземья в конце 1940-х годов близилась к завершению. К началу 1950 г. в Орловской области было проведено землеустройство и введены правильные севообороты в 80% колхозов, в Воронежской области – в 88%, в Тамбовской – в 98%. Освоение введенных севооборотов требовало значительных усилий и времени. Колхозов, завершивших освоение севооборотов в 1950 г., было немного: в Тамбовской области – 28, Орловской – 31, Воронежской – 100.

В 1950 г. произошли события, в значительной мере перечеркнувшие прежнюю работу по землеустройству колхозов. 30 мая 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле». Кампания по укрупнению колхозов проводилась в сжатые сроки. В Воронежской области на 10 октября 1950 г. из 4 327 колхозов, имевшихся на начало года, после слияния мелких колхозов осталось 1 666. В Тамбовской области к началу октября 1950 г. в результате объединения 2 917 колхозов было создано 887 крупных колхозов. Огромную работу по землеустройству и введению севооборотов в колхозах предстояло проводить заново.

Г.С. Широкалова
(Нижний Новгород)

Социологические данные как исторический источник

В исторических исследованиях всё чаще используются ссылки на работы социологов как надёжный источник информации. К сожалению, это не всегда так, что мы попытаемся доказать. С началом аграрной реформы ясно обозначились два направления, критерием выделения которых является отношение к методологии и методике социологических исследований. Представители первого стремились продолжать традиции академической науки. Во втором преобладали исследования, ориентированные на моментальный съём информации по упрощённому инструментарию, основанному на словесных стереотипах, используемых СМИ для формирования мнения по определённым вопросам. Большинство из них не отвечало требованиям, предъявляемым к научной работе, но они заслуживают тщательного анализа, поскольку стали эффективным инструментом политики. Причем нельзя не учитывать силу влияния стереотипов на самих социологов. Авторы этих

исследований, как правило, не «аграрники», а социологи других профилей, получившие заказ «от рынка». Приведем несколько примеров, когда утверждение обществоведа не подкреплялось ни одним фактом:

«Оптимизм и надежду внушает расправляющий свои плечи архангельский мужик» (В.В. Коробов).

«Существенным резервом среднего класса может стать слой фермеров» (В.Г. Осипов).

«Сломленное, порушенное в ходе аграрной революции 1929 и последующих лет крестьянство на долгие годы было выбито из числа участников решения аграрно-крестьянского вопроса» (Н.Н. Толстова).

Отсутствие должной аргументации этих позиций, как правило, сопровождалось публицистичностью стиля. Одна из причин того, что выводы авторов противоречили полученным ими же данным, являлось незнание предмета исследования. Это хорошо видно из следующей фразы: «Многоукладность экономики, а значит и признание частной собственности на землю, являлось ключевым звеном в программах политических движений и представляющих их претендентов. Даже в программе Н.И. Рыжкова, основного оппонента Б.Н.Ельцина, признавалось право на пожизненное и наследуемое владение землей, хотя и без права ее купли и продажи» (Социологический вестник. Н. Новгород, 1991. № 2. С. 4).

В этом выводе две ошибки, свидетельствующие о недостаточной компетенции автора. Первая: многоукладная экономика, т.е. разнообразие форм хозяйствования, может быть и при одной форме собственности на землю, в том числе и общенародной, государственной. Так было после национализации земли в 1917г. Вторая: право на пожизненное и наследуемое владение землей всегда было в Советском Союзе. Отношения собственности (как частной, так и государственной) включают в себя права пользования, владения и распоряжения. В СССР права пользования и владения были закреплены законодательно за предприятиями, организациями и частными лицами. За сельскохозяйственными – бессрочно. Правом распоряжения обладало только государство (от лица народа), да и то в ограниченной законом форме: оно не могло ни продать землю, ни уменьшить территорию СССР. Н.Рыжков предлагал закрепить традиции советского земельного права.

Специфика методологических и методических подходов обусловила различные результаты опросов и через них во многом противоположные выводы, либо подтверждающие необходимость радикальных реформ, либо отрицающие наличие у них массовой социальной базы, а следовательно, необходимость не только их корректировки, но и смены курса. Поэтому крайне опасно использовать результаты социологических исследований, как достаточное основание для оценки аграрной или любой другой политики. В этой связи отметим еще одну распространенную методологическую ошибку: стремление к экстраполяции результатов обследования на одной терри-

тории или одной социальной группе на всю Россию. Между тем, в условиях России с ее многообразием региональных особенностей пренебрежение национальным менталитетом может стать фатальным для ее судеб.

Н.А. Серогодский
(Славянск-на-Кубани)

Архивные материалы как источник по изучению аграрной истории России в 1980-е годы

Период 80-х годов XX в. характеризуется поисками путей решения продовольственной проблемы в стране. Поэтому его изучение является актуальной задачей для исторической науки. Среди комплекса исторических источников, позволяющих рассмотреть основные проблемы развития сельского хозяйства в указанный период, следует выделить архивные материалы, находящиеся в центральных и региональных архивах. Так, например, в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) находятся записки, справки, предложения, материалы к пленумам и постановлениям ЦК КПСС и Совета Министров СССР, документы Министерства сельского хозяйства РСФСР, Госагропрома СССР, Комитета народного контроля РСФСР по вопросам материально-технического снабжения, планирования и заготовки сельхозпродуктов, изменения системы управления АПК и реализации Продовольственной программы СССР. Особый интерес представляют справки по итогам проверок состояния дел в растениеводстве и животноводстве, внедрении интенсивных технологий, о недостатках в строительстве объектов социального назначения на селе. Эти документы содержат значительный критический материал, позволяющий судить о реальном положении дел в социально-экономической сфере села, как в масштабах всей страны, так и на уровне республик, краев и областей.

Много важных сведений о состоянии социально-экономической сферы села содержится в материалах центров хранения документов новейшей истории различных регионов страны. В них отложилось значительное количество партийных документов, в которых нашли отражение вопросы развития материально-технической базы АПК, положение дел в различных отраслях сельскохозяйственного производства, состояние социальной сферы села. Особый интерес представляют материалы заседаний пленумов и бюро комкомов и крайкомов КПСС, на которых рассматривались вопросы развития растениеводства и животноводства, взаимоотношения сельхозпредприятий и обслуживающих АПК отраслей промышленности, проблемы перехода на

новые формы организации и оплаты труда. Важное значение для объективной оценки дел в сельском хозяйстве имеют подготовительные материалы к заседаниям бюро и пленумов областных и краевых комитетов КПСС, которые раскрывают реальное положение дел в сельскохозяйственном производстве. Привлекают внимание письма и предложения руководителей районов, председателей колхозов, директоров совхозов, в которых они высказывают предложения о путях решения различных проблем в АПК.

Ценные документы, позволяющие оценить реальное положение дел в сельскохозяйственном производстве, содержатся в государственных архивах краев и областей РФ. Здесь находятся протоколы заседаний агропромышленных комитетов, которые позволяют проанализировать практическую деятельность структур управления АПК, исследовать проблемы перехода сельхозпредприятий на самофинансирование и самоокупаемость. Справки и отчеты специалистов о проделанной работе содержат объективную информацию о состоянии дел в аграрном секторе экономики.

Таким образом, архивные материалы, находящиеся в центральных и региональных архивах России, дают возможность исследователям выявить основные проблемы и тенденции в развитии сельского хозяйства в 1980-е годы.

И.В. Кометчиков
(Калуга)

Источники и подходы к изучению социально-политической истории советской деревни. 1945 – 1953 гг.

Социально-политическая жизнь общества послевоенных лет в целом и деревни, в частности, изучена относительно неравномерно и недостаточно, несмотря на колоссальное значение, которое придавалось в советские годы взаимоотношениям власти и общества, политической организации и мобилизации населения. Одна из причин этого – идеологизированная и долгое время недоступная источниковая база. Каковы в этой связи возможности исторического поиска, можно ли преодолеть логику идеологии, встроенную в источник, выйти на его новое осмысление?

Советские исследователи послевоенного периода находились в рамках идеологической схемы «морально-политического единства». Границами историографических периодов становилось не концептуальное приращение знаний, а решения высшего партийного руководства, определявшие направления, глубину и интенсивность исследований. В центре внимания находились, преимущественно, сюжеты, подтверждавшие тезис о «единстве». Не

было закончено формирование архивной источниковой базы. К середине 1980-х гг. была создана «героизированная» панорама послевоенных лет.

В 1990-е гг. всплеск в обществе интереса к новейшей истории, более свободный доступ к архивам и снятие доктринальных ограничений стимулировали расширение проблематики исследований и коренное изменение трактовок. Очевиден разрыв с советской историографической традицией не только в подходах, оценках, но и в сюжетах. Изучаются социальный протест, инакомыслие и борьба с ними, общественные настроения, репрессивная политика, дискурс власти, выработка и реализация аграрной политики власти, её влияние на социальную стратификацию, культурное развитие деревни.

Выделяется констатирующий характер ряда современных публикаций (что вполне понятно – формируется источниковедческая инфраструктура проблемного поля). Немногие конкретно-исторические работы посвящены низовой политической организации, политическому участию, интенсивности и эффективности агитации и пропаганды, массовому сознанию, религиозности, практике приспособительного поведения крестьянства, нелегальной экономике деревни, собственно проблемам источниковедения послевоенной истории. Ощущается «дефицит» концептуальных построений, охватывающих комплекс проблем социально-политической истории.

Одними из главных причин этого можно считать относительно непродолжительную историографическую традицию, длительную табуированность изучения социально-политической проблематики, сохраняющиеся ограничения на доступ к архивным материалам и состояние самой источниковой базы.

Важным для создания концепций социально-политического развития советской деревни может стать разработка проблематики микроистории, истории повседневности – изучение жизни сообществ, групп людей, социальных слоёв, реконструкция образа мысли и действия «рядового» советского человека, пытающегося решить свои обыденные проблемы в конкретных исторических обстоятельствах. В рамках данного направления уже создано немало работ по истории общества 1920-30-х гг. Вышел ряд содержательных исследований и по послевоенному периоду.

Изучение «человеческого измерения» послевоенного села требует, в первую очередь, обращения к источникам местного и регионального уровня – делопроизводственной документации, статистическим данным, законодательным материалам (особенно инструктивным документам) и эпистолярному наследию деревни. В этих документах содержится множество «деидеологизирующих» деталей, раскрывающих неочевидные механизмы социальной трансформации советской деревни и помогающих понять структуры её повседневности.

Целинная кампания и зерновые ресурсы государства в середине 1950-х – начале 1960-х гг.*

Изучение проблемы освоения целинных и залежных земель на востоке СССР началось по горячим следам событий в середине 1950-х гг. Целинная кампания анализировалась в популярных работах, экономических и исторических исследованиях. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. началось научное осмысление данной проблематики. В 1970-е гг. вышли в свет обобщающие работы М.Л. Богденко, В.И. Куликова, Л.Н. Ульянова и др. Публикации середины 1950-х – середины 1980-х гг. характеризуются точным следованием официальной позиции, сформулированной в решениях партийных органов и речах государственных лидеров. Целинная кампания рассматривалась в них как героическая страница истории советского народа. Основное внимание уделялось изучению роли партии и комсомола в освоении новых земель.

Ослабление идеологического диктата на историческую науку в конце 1980-х гг. ознаменовало начало современного этапа историографии темы. Основой для продолжения ее изучения является вовлечение в научный оборот новых источников. Предметом исследования стали вопросы разработки «целинного проекта» (И.Е. Зеленин) и исследующиеся в основном историками Урала и Сибири проблемы влияния целинной кампании на развитие сельхозпроизводства, технического и кадрового обеспечения поднимавших целину районов (Е.В. Пахомова, М.В. Алейников, В.В. Кузнецов и др.). В то же время недостаточно внимания уделяется изучению развития зерновых ресурсов государства в период освоения целины, увеличение которых являлось его главной целью. Без детального анализа этой проблемы невозможно дать объективную оценку результативности кампании.

Многие исследователи (И.Е. Зеленин, О.М. Вербицкая), опираясь преимущественно на опубликованные статистические данные об объемах производства и заготовок зерна в середине 1950-х – начале 1960-х гг., констатируют высокий уровень эффективности освоения новых земель в 1954–1958 гг. и считают началом нарастания кризисных явлений в зерновом производстве 1959 г. Однако результаты анализа качественных характеристик государственных зерновых ресурсов, проведенного нами на основе новых архивных материалов, ставят под сомнение правомерность этой точки зрения. Установлено, что значительная часть целинного хлеба вследствие низкого уровня культуры земледелия и неразвитости инфраструктуры зерново-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 07-01-00435а)

го производства оказалась низкого качества, являлась малопригодной для хлебопечения, в связи с чем даже в самые урожайные годы возникали трудности со снабжением населения хлебопродуктами. Их преодоление связывалось с разбронированием больших партий качественного хлеба из госрезервов.

Данные о крайне низком качестве целинного зерна позволяют внести коррективы в общепринятые взгляды на историю целинной кампании. Во-первых, негативные явления в зерновом хозяйстве целины проявились не в начале 1960-х гг., а практически с самого начала кампании по ее освоению. Во-вторых, решение зерновой проблемы в середине 1950-х гг. если и произошло, то только с точки зрения увеличения количества заготавливаемого зерна, а не его качества. В-третьих, одной из основных причин импорта зерна в 1963 г. можно считать также и низкое качество целинного хлеба. Вклад целинной кампании в укрепление экономического потенциала страны, ее продовольственной безопасности и благосостояния граждан оказался весомым, но все же не таким значительным, как ожидалось и как о нем официально сообщалось.

А.И. Шевельков
(Коломна)

К вопросу формирования и использования источниковой базы по аграрной истории 1960-1980-х гг.

До начала 1990-х гг. исследователи были ограничены в возможностях использования более широкого круга документов. И речь, прежде всего, шла о материалах ЦК КПСС. Историкам приходилось довольствоваться изучением кратких «изложений» постановлений ЦК КПСС и СМ СССР, публикуемых в периодической печати, сборниках. Недоступность полных текстов постановлений, приложений к ним, а также подготовительных материалов, сужали научные возможности ученых. Вместе с тем огромный интерес представляют, к примеру, рабочие варианты докладов на пленумах и съездах ЦК КПСС, содержащие более достоверную информацию о состоянии сельского хозяйства, социальной сфере села. Проведенный анализ этих и других документов убедительно свидетельствует, что на рубеже 1960-1970-х гг. не только в аграрном секторе, но и в экономике в целом отчетливо проявились кризисные явления, которые так и не были устранены в последующие два десятилетия. Несмотря на то, что в РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории) создан специальный 89 фонд рассекреченных материалов, включающий и ряд документов по аграрной

истории второй половины XX века, до настоящего времени исследователям не доступны многие материалы Политбюро ЦК КПСС.

Обобщение широкого круга архивных источников позволяет сделать вывод, что проблема модернизации аграрного производства длительное время не являлась приоритетным направлением. В начале 1960-х гг. все ограничивалось декларативными заявлениями, не подкрепленными необходимыми финансовыми и материально-техническими ресурсами. Хотя и признавалось, что все предшествующие десятилетие в центре внимания государства находилось развитие промышленности, а сельскому хозяйству уделялось второстепенное внимание, коренного поворота не произошло. Да и решения «этапного» мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС по аграрной модернизации не привели к радикальным изменениям. И нельзя согласиться с теми исследователями, которые вслед за партийно-государственными руководителями утверждали, что сразу после 1965 г. произошла широкая модернизация аграрного сектора. По-прежнему, сельское хозяйство не финансировалось в необходимом объеме, не хватало техники, а уровень механизации труда, прежде всего в животноводстве, во многих хозяйствах не превышал 3-6%. В 1966-1970 гг. сельское хозяйство недополучило около 1 млн. единиц техники и 10 млрд. рублей (23% от запланированного объема).

В тоже время архивные источники позволяют предположить, что в партийно-государственном руководстве страны велась полемика по поводу объемов капитальных вложений в сельское хозяйство, использования зарубежной сельскохозяйственной техники, технологий и опыта, эффективности форм организации сельскохозяйственного производства. К этому подталкивало положение в аграрном секторе, где увеличивалось число убыточных хозяйств, нарастала проблема продовольственного обеспечения населения, все явственнее просматривались кризисные явления. Практика укрупнения колхозов, преобразования колхозов в совхозы не давала должного эффекта, а увеличение финансирования не приводило к выполнению намеченных планов, что особенно проявилось в российском Нечерноземье.

СОДЕРЖАНИЕ

Доклады и сообщения 1 секции (Киевская Русь – середина XIX в.)	3
М.Б. Свердлов. Проблемы изучения зависимого населения в древнерусском господском хозяйстве X–XII вв.	3
Н.В. Козлова. Проблемы изучения роли города в инфраструктуре аграрного социума от периода Киевской Руси до середины XIX в.	5
З.В. Дмитриева. Вклад А. Л. Шапиро в изучение экономической и социальной истории России (по материалам симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. 1958 – 1960-е гг.)	7
В.Д. Назаров. 50 лет Симпозиума в персоналиях: Наталия Александровна Горская и Павел Васильевич Советов	9
С.И. Михальченко. М.В. Довнар-Запольский о категориях сельского населения Древней Руси	13
В.В. Канишев. Модель историографического контент-анализа материалов аграрных симпозиумов (на примере изучения Тамбовского региона)	15
В.И. Иванов. Проблемы аграрной истории феодальной России в научном творчестве И.А. Булыгина (1923-1996 гг.)	16
Н.В. Соколова. Сельская община в монастырской вотчине в XVII – первой половине XVIII в. (Итоги и перспективы изучения)	18
И.Л. Манькова. Зависимое население монастырских вотчин Урала и Западной Сибири в XVII в.: итоги изучения	
Э.Л. Дубман. Итоги и перспективы изучения земледельческого освоения юго-востока европейской России в середине – второй половине XVII в.	21
Ю.А. Мизис. Особенности социального статуса мелких служилых людей XVII в. на юге Русского государства	22
Л.Г. Степанова. Пространственно-демографические изменения на Северо-Западе России в XV-XVI веках и размещение крестьянских хозяйств	24
В.А. Аракчеев. Проблема закрепощения крестьянства в XVI-XVII вв. в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	26
А.Ю. Савосичев. Землевладение дьяков и подьячих XV – начала XVI вв.	27
А.Г. Иванов. Аграрная политика в государственной деревне Среднего Поволжья во второй половине XVI – середине XIX века: историографический аспект	29
М.С. Черкасова. Позднефеодальная вотчина: аграрный строй и демографические структуры	30
С.В. Черников. Власть и собственность в России эпохи петровских реформ: земельные раздачи в Северо-Западном регионе первой четверти XVIII в.	32

И.В. Пугач. Социально-демографическое развитие Устюженского края в конце XVI – первой трети XVII вв.	33
Э.А. Морозова. Демографические показатели торгово-промышленного села как переходная модель от сельского к городскому типу воспроизводства населения (с. Рассказово Тамбовской губернии, конец XVIII – середина XIX в.)	35
С.В. Першин, Т.А. Першина. Изменение родственного состава крестьянской семьи Среднего Поволжья в первой половине XIX в.: историография проблемы	36
Д.А. Черненко, Д.А. Хитров. Тенденции в развитии феодального землевладения в Центре России в XVII-XVIII вв.	38
А.Н. Жеравина. Историография аграрной политики на кабинетских землях Сибири (середина XVIII – первая половина XIX вв.)	39
М.М. Зулкарнаев. Историография аграрных проектов Оренбургской экспедиции (30-е гг. XVIII в.)	41
А.И. Акманов. Исследователи XIX – начала XX вв. о Генеральном межевании земель Российской империи	42
Л.М. Артамонова. Отечественная историография участия государственных крестьян Поволжья и Приуралья в Уложенной комиссии Екатерины II	44
Ю.Н. Смирнов. Историография правительственной политики и народного движения в ходе аграрного освоения юго-восточной окраины Европейской России во второй трети XVIII – середине XIX вв.	45
К.М. Ячменихин. Сельскохозяйственное производство в округах военных поселений и пахотных солдат в новейшей отечественной историографии	47
А.Н. Долгих. Указ о вольных хлебопашцах: попытка реанимации	48
В.А. Иванов. Виды и размеры душевладения служащих-дворян местных органов управления России в середине XIX в.	49
Т.Н. Кандаурова. Социальная структура кавалерийских военных поселений в XIX в.	51
В.В. Морозан. Особенности сословного строя и социальных отношений в Бессарабии в первой половине XIX в.	52
Доклады и сообщения 2 секции (середина XIX в. – 1917 г.)	55
М.Д. Карпачев. Столыпинская аграрная политика в освещении английской и американской историографии	55
Д.В. Ковалёв. Земельная политика П.А. Столыпина и крестьянская община: дискуссионные аспекты в современной историографии	57
Л.И. Земцов. Крестьянская община и становление рыночных отношений в России (60-80-е гг. XIX в.)	58

О.И. Марискин. Податная деятельность крестьянской общины Среднего Поволжья в пореформенный период	60
О.А. Сухова. «Общинный архетип» в условиях аграрной модернизации в России	61
Н.М. Александров. Проблема аграрного районирования пореформенной России в отечественной историографии	63
В.Н. Ратушняк. Проблемы аграрно-капиталистического развития Северного Кавказа в отечественной историографии XX в.	64
С.В. Беспалов. Причины кризиса аграрной политики правительств в восприятии российских консерваторов на рубеже 1890-1900-х гг.	66
Л.М. Галутво. К вопросу об изучении артелей в пореформенной России (по материалам Ф.А. Щербины)	68
В.А. Кумпан. Аграрная политика и национальный вопрос в Российской империи: основные концепции в изучении	69
Т.Н. Сидоренко. Сельская кооперация Северного Кавказа начала XX века (историографический обзор)	71
Т.М. Китанина. В одном полузабытом источнике по аграрной истории России: «Высочайше учрежденная в 1888 г. Комиссия по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие (1883-1887 гг.)»	72
М.И. Роднов. Пространство источника: пореформенное крестьянство в новейшей российской историографии (1997–2007 гг.)	74
Д.И. Оршаицкий. Образ русского крестьянства в представлениях агрономов и кооперативных деятелей (1905-1914 гг.)	76
Е.М. Петровичева. Земская статистика – важный источник по изучению аграрной истории периода поздней империи	77
И.Н. Слепнев. А.М. Анфимов об эволюции аграрной политики в конце XIX – начале XX в.	79
Т.В. Шатковская. Принцип уравнительности в системе землераспределительных отношений российских крестьян второй половины XIX в.	81
Н.И. Голикова. Деятельность передвижной школы маслоделия как проявление сельскохозяйственной рационализации на Европейском Севере во второй половине XIX в.	82
Л.В. Морозов. Некоторые аспекты дореволюционной историографии промысловой деятельности крестьян в России во второй половине XIX – начале XX в.	84
В.Л. Степанов. Налоговая политика в российской деревне в конце XIX – начале XX в.	85

Е.В. Яковкина. Крестьянство Царства Польского в условиях капиталистической модернизации конца XIX – начала XX вв. как объект научного анализа (на примере аграрной историко-социологической концепции Ф. Знанецкого (1882-1958гг.))	86
В.Н. Никулин. Проблемы аграрной истории на страницах сборника «Северо-Запад в аграрной истории России» (1984-2008 гг.)	88
Д.А. Сафонов. «Крестьянское движение» как проблема крестьяноведения: итоги и перспективы изучения	90
Доклады и сообщения 3 секции (1017 – 1940 гг.)	92
С.А. Есиков, В.В. Кондрашин. Влияние международных проектов по аграрной истории России XX века на развитие региональной историографии	92
В.И. Зайдинер, С.А. Ковынева. Вклад И.Е. Зеленина в изучение проблем аграрной истории Российского государства	93
В.И. Меньковский Класс или сословие?: история советского крестьянства 1920-1930-х гг. в трудах Ш. Фитцпатрик	95
В.В. Орлов. Проблемы изучения истории доколхозной деревни Чувашии: общие и региональные аспекты	97
Л.В. Алексеева. Отражение проблем аграрного развития Севера Западной Сибири в 1930-е гг. в трудах современных ученых региона	99
О.В. Бершадская, В.Е. Щетнев. Проблемы историографии кубано-черноморской деревни 1920-х гг.	100
В.А. Саблин. Массовые источники по истории крестьянского двора в России 1917–1920-х гг.	102
Н.А. Ивницкий. Коллективизация и раскулачивание: источники, исследования, итоги	103
Э.М. Щагин. Проблема альтернатив деревенской «революции сверху» в постсоветской историографии	106
Н.А. Щербакова. Источники о политических настроениях крестьян в годы гражданской войны. 1918-1920 гг.	108
В.С. Жукова. Бюджетные обследования как источник экономического состояния крестьянского хозяйства советской доколхозной деревни	110
М.М. Кудюкина. Крестьянин в шинели: документы РККА как источник для исследования крестьянского менталитета в конце 1920-х годов	112
Н.С. Тархова. Красная Армия и коллективизация советской деревни	113
В.Я. Филимонов. Взаимоотношения города и деревни в годы нэпа: проблемы изучения	114
С.И. Дёгтев. Альтернативные оценки в историографии нэпа	116

А.В. Голубев. Мир и мир: внешнеполитические стереотипы советского крестьянства 1920-х годов (источники и историография)	118
В.А. Ильиных. Социальные сдвиги в сибирской деревне в 1920-е годы	120
В.А. Поляков. Проблема голода в аграрной истории: итоги и перспективы	121
Е.Ю. Баранов. Источниковая база изучения голода начала 1930-х годов на Урале	122
А.А. Иванов. Общинные отношения в Тамбовской деревне в свете материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.	124
Н.Л. Рогалина. Коллективизация сельского хозяйства: итоги и перспективы изучения	126
М.Н. Глумная. К вопросу об институциональном подходе при изучении колхозов	127
Г.Е. Корнилов. Аграрная модернизация России в XX веке	129
А.А. Иванов. Новейшие документальные публикации по истории аграрной революции в Поволжье (90-е годы XX в. – начало XXI в.)	130
Н.Ф. Иванцова. Анкеты земельных управ и опросные листы как источники для изучения характера и итогов аграрных преобразований Советской власти в Сибири (декабрь 1917 – июнь 1918 гг.)	132
А.А. Николаев. Причины кризиса маслоделия в Сибири в конце 1920-х гг. в оценке руководящих работников Сибкрайисполкома	134
М.В. Левкова. Культурная инфраструктура российского села в 1930-е годы	135
Н.Г. Кедров. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы: историографический и сточниковедческий аспекты	137
Е.А. Кирьянова. Коллективизация деревни Центра России: историографический аспект	138
Е.Г. Иванова. Крестьянская взаимопомощь – проблемы изучения	140
В.М. Рынков. Особенности взаимодействия колхозного крестьянства и государства: «теневая» сторона колхозной экономики в Сибири во второй половине 1930-х гг.	141
В.Н. Ракачев. Особенности миграции сельского населения Кубани в 1930-е гг.	143
Доклады и сообщения 4 секции (1940 г. – современность)	145
О.В. Горбачев. Сельская миграция в России во второй половине XX в.: проблемы изучения	145
С.Г. Карпов. Трансформация социально-экономических отношений в российской деревне в конце XX – начале XXI вв.	146
Я.В. Ракачева. Кубанская станица в XX в.: демографический аспект	148

О.В. Ильина. Демографические процессы в колхозной деревне Европейского Севера России в 1940-е – 1950-е гг.	150
Н.В. Гилёва. Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1960-1970-е гг. (Архангельская и Вологодская области Карельская и Коми АССР)	151
Е.Н. Гречишникова. Демографическая ситуация в российской деревне конца XX – начала XXI вв. (на материале Тамбовской области)	153
И.Е. Кознова. Представления русских крестьян о прошлом в XX веке: основные направления исследований	154
М.А. Безнин, Т.М. Димони. Российская аграрная модернизация 1930-х годов – начала XXI века	156
Л.Н. Мазур. Урбанизация российской деревни в XX в.: итоги и перспективы изучения	157
Е.В. Пахомова. Массовое освоение целинных и залежных земель: этапы и итоги изучения	159
Л.В. Изюмова. Социальная трансформация колхозной деревни: проблемы современной историографии	160
И.В. Логунова. Историография проблемы многоукладности сельского хозяйства	161
В.В. Наухацкий. Политотделы МТС: проблемы историографии и методологии	163
В.Б. Конасов. Патриотические инициативы вологодских колхозников в годы Великой Отечественной войны	165
А.Л. Кузьминых. Подсобные хозяйства в системе НКВД-МВД СССР в 1940-е гг. (на материалах Вологодской области)	166
Д.В. Милохин. Колхозная деревня Европейского Севера России в годы Великой Отечественной войны (на материалах Архангельской и Вологодской областей, Республики Коми)	168
В.Н. Томилин. Проблема землеустройства и введения севооборотов в колхозах Центрального Черноземья в первые послевоенные годы	169
Г.С. Широкалова. Социологические данные как исторический источник	170
Н.А. Серогодский. Архивные материалы как источник по изучению аграрной истории России в 1980-е годы	172
И.В. Кометчиков. Источники и подходы к изучению социально-политической истории советской деревни. 1945 – 1953 гг.	173
С.Н. Андреенков. Целинная кампания и зерновые ресурсы государства в середине 1950-х – начале 1960-х гг.	175
А.И. Шевельков. К вопросу формирования и использования источниковой базы по аграрной истории 1960-1980-х гг.	176

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИСТОРИОГРАФИЯ;
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ;
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**XXXI СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Вологда, 23-26 сентября 2008 г.

Подписано в печать 17.06.2008
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 10,7 усл.печ.л.
Тираж 150 экз.

